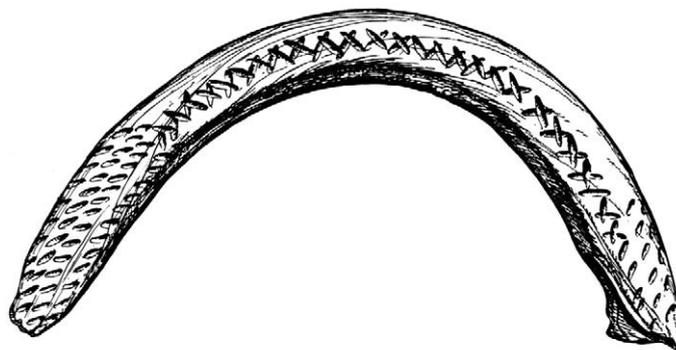

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

С. В. Ошибкина

Искусство эпохи мезолита (по материалам культуры веретье)

Москва, 2017

УДК 902/903
ББК 63.4
096

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН

Ответственный редактор

кандидат исторических наук Е. В. Леонова

Рецензенты:

доктор исторических наук М. Г. Жилин

кандидат исторических наук К. Н. Гаврилов

096 **Ошибкина С. В.** Искусство эпохи мезолита (по материалам культуры веретье). – М.: ИА РАН, 2017. – 140 с.: ил.

ISBN 978-5-94375-212-4

Книга подготовлена по материалам многолетних исследований автором памятников каменного века в северных регионах европейской части России, в основном памятников эпохи мезолита. Начало исследований связано с отмененным впоследствии проектом переброски на юг северных рек. В результате раскопок поселений и могильников раннего голоцена открыты замечательные памятники культуры веретье. Они дают представление о высоком уровне развития популяции охотников-собирателей, знакомых с организацией поселений, домостроительством, изготовлением орудий труда и оружия из камня и органических материалов. О духовной жизни древнего населения позволяют судить представленные в книге художественные изделия и сакральные предметы.

Книга рассчитана на специалистов в области археологии и истории, а также на широкий круг читателей.

УДК 902/903
ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-212-4

© С. В. Ошибкина, 2017
© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2017
© Государственный Эрмитаж, 2017

Содержание

Предисловие.....	4
Введение	6
История изучения памятников культуры веретье	10
Стоянка Нижнее Веретье.....	10
Поселение Веретье.....	11
Поселение Сухое	11
Стоянка Лукинчиха.....	12
Могильник Попово.....	13
Художественные изделия	15
Орнаменты	15
Геометрический орнамент	17
Насечки по ребрам и граням оружия.....	21
Овальные углубления «полям».....	23
Прочерченный орнамент. Техника выполнения.....	25
О системе орнаментации	27
Гравировки (сюжеты)	29
Изображения жилищ	32
Украшения (подвески, ожерелья)	35
Подвески из зубов животных.....	36
Пластинчатые изделия	38
Украшения из грудной кости и резца бобра.....	38
Длинные подвески.....	38
Подвески из подъязычных костей лося.....	41
Метки, знаки, символы	43
Объемные фигуры (скульптура)	47
Пластины из рога лося	50
Маски	52
Основные сюжеты в творчестве населения	57
О лосе и олене.....	57
О птицах.....	58
О собаках	59
О жилищах	60
Заключение	61
Литература	64
Summary	69
Список сокращений	72
Иллюстрации	73

Предисловие

«... Искусство в самой своей основе
есть творческое осознание и претворение
в образах активно познаваемой действительности...»

А.С. Гуцин (1937:42)

« То, что теперь называется художественной
деятельностью, искусством, пронизывало
всю жизнь палеолитического человека,
всю его материальную культуру».

А.П. Окладников (1967)

При изучении памятников каменного века особое внимание исследователей всегда привлекали художественно оформленные артефакты, чаще всего принимаемые за предметы искусства или сакральные изделия, которые наряду с деталями погребальных обрядов позволяли составить представление о духовной жизни древнего населения. В лесной зоне Восточной Европы коллекции художественно оформленных предметов вначале были собраны на стоянках эпохи неолита. Они нередко происходили из случайных сборов или разрушенных культурных слоев, в большинстве случаев не оставалось сведений о точном месте нахождения артефактов, тем более об их стратиграфическом положении и соотношении со слоями определенных хронологических периодов.

Первые замечательные художественные изделия найдены в 70-х годах XIX века, когда на побережье Белого моря, в Зимней Золотице, а также на Волосовской стоянке у Муромы и в окрестностях Казани были собраны фигурные кремни — изображения животных, человека, символические фигуры. Коллекция впервые представлена на Антропологической выставке общества любителей естествознания при МГУ в Москве в 1879 г. (*Формозов, 1983, С. 29*). В то время первобытное искусство было известно недостаточно. Еще оставались непризнанными даже знаменитые в наше время пещерные галереи Франко-Кантабрийской области, ученые вели активные дискуссии о достоверности мелкой пластики и рисунков на пластинах из кости или рога происходящих со стоянок верхнего палеолита, особенно обострившиеся после разоблачения в печати некоторых поддельных гравировок. И поскольку представления о возможностях творческой деятельности древних людей оценивались тогда достаточно скептически, фигурные кремни со стоянок Русской равнины и Северных областей России крупнейшим авторитетным ученым Г. Де Мортилье были определены как поддельные. Однако со временем число находок фигурных кремней увеличивалось и во многих случаях удавалось установить их принадлежность к культурным слоям стоянок неолитического времени. После этого все находки, имеющие отношение к искусству древности, специалисты и любители-краеведы со-

бирали с особым интересом. В первую очередь это касалось фигурных кремней, которые оказались особенно многочисленны в коллекциях, поскольку сохраняются лучше, чем изделия из органических материалов и глины, поэтому часто попадают в случайные сборы и частные собрания.

Кремневая скульптура, происходящая с неолитических памятников Русской равнины, впервые была систематизирована и опубликована С.Н. Замятниным (1948). Эта работа, где учтено около 30 местонахождений фигурного кремня и всего примерно 100 изделий рассматриваемого типа, до сих пор остается образцом классического научного исследования неолитического искусства. Позднее появились многие публикации отдельных вещей и работы обобщающего характера, в которых представлены предметы из раскопок и сборов по отдельным регионам Восточной Европы. Например, по неолитическому искусству Восточной Прибалтики опубликовано несколько монографий и статей (*Лозе, 1979; Loze, 1983; Rimantiene, 1994*). Известны работы более широкого плана, посвященные типологии и системному анализу отдельных категорий вещей, например, мелкой скульптуре характерной для разных исторических общностей или археологических культур всей лесной зоны Евразии от Балтийского региона до Прибайкалья (*Крайнов, 1978, 1992; Зимина, 1992; Столяр, 1983; Студзицкая, 1998; 2001*). Особое значение приобрели открытия петроглифов на Онежском озере, в Беломорье и на Кольском полуострове, которым посвящены публикации, фундаментальные исследования и популярные работы (*Савватеев, 1970, 1990; Гурина, 1982; Искусство каменного века, 1992; Колпаков, 2007; Жульников, 2006 и др.*). В отношении искусства финального палеолита и мезолита Восточной Европы сведений значительно меньше, хотя в последние годы количество соответствующих находок постепенно растет и внимание к этой тематике проявляют многие исследователи.

Введение

«Охота как основное занятие всегда и везде порождает изобразительное «сенсорное» искусство»

А.С. Гуцин (1937:7)

После открытия яркого пещерного искусства и искусства малых форм верхнего палеолита, известных от Франко-Кантабрийской области до Русской равнины, Приуралья и Прибайкалья, возник и обсуждался вопрос о характере находок, относящихся к памятникам мезолита. Эпоха мезолита как отдельный исторический период до сих пор не всеми принята, поэтому нередко его общая характеристика сводится к такому определению, что этот период истории является переходным временем от палеолита к неолиту и охватывает пребореальный, бореальный и начало атлантического периодов. В плейстоцене и начале голоцена в Северной и Восточной Европе сложились особые природные условия, связанные с активным таянием и постепенным отступлением материковых и шельфовых ледников. Происходило изменение географических зон и продвижение лесных формаций к северу, вплоть до побережий Ледовитого океана, с последующим образованием обширных приледниковых равнин и водоемов, изменением очертаний этих водоемов и направления стока больших рек. В конце палеолита на северных окраинах ойкумены эти события привели к образованию и распространению тундр, где популяции охотников-собирателей с равнин Северной Европы продвигались общим направлением миграций на северо-восток, следуя за стадами кочующих северных оленей, служивших основной охотничьей добычей (Gross, 1940; Симченко, 1967). Как показало изучение ископаемых северных оленей, проводившееся в последнее время, в послеледниковое время на севере Европы и в Скандинавии сезонное передвижение оленьих стад в зоне тундр не всегда было исключительно линейным, направленным только на северо-восток, как предполагали ранее. В приморских регионах Фенноскандии, стада северных оленей в древности сезонно кочевали в меридиональном направлении, между предгорьями и приморскими равнинами (Hakala, 1997. Fig. 6). В Восточной Европе они переходили из тундры на окраины лесной таежной зоны, о чем можно судить по фаунистическим остаткам охотничьей добычи, найденным на стоянках эпохи мезолита.

Общей и характерной особенностью размещения на местности мезолитических памятников бореального времени можно считать их приуроченность к открытым ландшафтам, в том числе к зандровым зонам и прибрежным территориям послеледниковых водоемов, где в результате климатического потепления и таяния материковых ледников, остатки многих стоянок со временем были затоплены и позднее погребены в торфяниках. На севере Восточной Европы, когда на обширных территориях тундры сменились сосново-березовыми лесами, озера и реки приняли примерно современные очертания.

Основной добычей человека эпохи мезолита стала лесная фауна — лось (*Alces alces*), в меньшей степени северный олень (*Cervus tarandus*), другие обитатели северных лесов — бобр (*Castor fiber*), куница (*Martes martes*), медведь (*Ursus arctos*). Главным источником пищи для человека оставалась охота, хотя уже в палеолите и начале мезолита было освоено рыболовство, есть сведения о применении сетевого лова, что предполагает использование не только сетей, но и лодок. Правда, до сих пор лодки или весла на ранних стоянках мезолита не найдены. Однако, на торфяниковых стоянках, таких как Антреа на Карельском перешейке (Palsi, 1920), Фризак в Германии (Gramsch, 2000), Веретье 1 в России (Ошибкина, 1983, Табл. 40) обнаружены остатки сетей, поплавки или грузила, что говорит об уверенном освоении людьми сетевого рыболовства. В конце бореала общее потепление климата привело к распространению широколиственных лесов в Северной Европе и на Русской равнине, в результате чего состав охотничьей добычи человека пополнился новыми видами животных: олени (*Cervus elaphus*), косули (*Capreolus capreolus*), кабаны (*Sus scrofa*). На Севере Восточной Европы эти виды и теплолюбивые виды рыб тоже известны, но они проникают сюда только в южные пределы и уже в климатическом оптимуме атлантического периода, в начале неолита.

В первобытном обществе человек был самым тесным образом связан с природным окружением. Зависимость его от ландшафтно-климатических условий среды и достаточного количества промысловых животных приводила к временным миграциям или освоению свободных территорий и адаптации на новых местах (Величко, др. 2008. С. 20). Успешное приспособление к меняющейся природной среде стало главным условием существования и успешного развития популяций охотников-собирателей в мезолите. Некоторые группы древнего населения оказались более приспособленными к среде обитания, развивались быстрее и достигали больших успехов в хозяйственной деятельности и общем историческом развитии. При сравнении культур эпохи мезолита можно видеть, что различия в умении выбирать места поселений, добывать и обрабатывать каменное сырье, строить жилье и даже планировать поселения, использовать разное органическое сырье (такое как древесина, кора, растительные волокна, кость, рог) были весьма значительными. Особенно отчетливо это явление прослеживается на примере творческой деятельности обитателей поселений, в изготовлении культовых предметов и оформлении орнаментами и художественными деталями оружия и бытовых вещей.

Некоторое время считалось, что мезолитические охотники-собиратели постоянно передвигались в пределах своих охотничьих зон за мигрирующими стадами животных и поэтому не имели постоянных поселений, а их культура оставалась бедной и однообразной, приспособленной к одной только добыче пищи. По мере открытия и изучения новых памятников выясняется, что историческая картина была значительно сложнее. В то время существовали основные постоянные поселения круглогодичного обитания, иногда их называют базовыми, известны сезонные стоянки с временными жилищами, простейшим набором орудий охоты и предметов быта, следами разделки охотничьей добычи. На окраинах основной территории обитания популяции могли быть промысловые стоянки сезонного назначения. Примеры подобной организации постоянных поселений в окружении промысловых стоянок известны из этнографических описаний современных саамов (Сало, 1978).

В отношении поселений эпохи мезолита сведения об организации общества ограничены, однако они представляют определенный интерес. Для поселений культуры веретье в результате изучения жилищ можно выделить поселения двух типов. В Веретье 1 существовало три больших строения, площадью более 50 кв.м, из двух помещений каждое. Сохранились остатки стен, перекрытий, пола из бересты и щепы, с 1–2 очагами из кам-

ня или на песчаной подсыпке, со следами активной деятельности обитателей у очагов. Характерно очень большое количество рубящих орудий внутри жилищ и на площади поселения. Жилища стояли в 18–20 м от берега занятого хозяйственными площадками. По многим показателям, включая состав остатков охотничьей добычи, поселение было постоянным, обитаемым в течение все сезонов года.

На поселении Сухое было 2–3 наземных строения, стоявших на повышении берега реки в нескольких метрах от воды. Жилища площадью до 16 кв.м имели одно или два помещения с одним очагом на песчаном полу, сохранились вертикально стоящие опоры стен и навес над площадкой в сторону берега. Есть основания считать, что поселение было временным, его использовали в теплое время года. Могли существовать и временные промысловые стоянки (*Ошибкина, 2006*).

Вокруг Онежского озера исследован ряд памятников мезолита, которые образуют онежскую культуру второй половины бореала. Поселения здесь занимали мысы или приустьевые участки рек. К ранним поселениям относят небольшие легкие наземные постройки, позднее принято сооружать слегка углубленные в грунт бревенчатые строения площадью до 28 кв.м, с очагами, в том числе каменными. Считается, что поселения с большими строениями были постоянными, биоресурсы окружающей среды достаточными для того, чтобы основной части населения не было необходимости переселяться. Однако, небольшие группы охотников-собираателей могли совершать передвижения на некоторые расстояния в связи с сезонными промыслами, в результате чего возникали временные стоянки (*Филатова, 2009. С. 27–29*).

Характерны результаты изучения стоянок и жилищ культуры маглемозе. Здесь выделены два типа жилых построек с полом покрытым корой и остатками опорных столбов стен. Жилища типа 1, площадью 10–15 кв.м с очагом и скоплением микролитов около него, располагались вдоль берега реки в 3–5 м от воды. Жилища были летними, поселения состояли из нескольких жилищ, отстоявших примерно на 40 м друг от друга. Жилища типа 2 культуры маглемозе были зимними, площадью до 24 кв.м, построены из бревен стоящих вертикально, внутри имели по 1–2 очага. На полу строений и вокруг них обнаружено много рубящих орудий (в одном случае до 125 топоров). Зимние поселения состояли из нескольких домов с большим количеством обитателей. Летние жилища были сезонными и в период активной промысловой деятельности населения число обитателей в них значительно увеличивалось. Зимние строения так плотно не заселялись (*Gron, 1987. P. 18–19*).

Примерно такую же организацию поселений имела культура веретье. На постоянных поселениях обитатели сооружали несколько больших домов, в каждом могли жить одна-две семьи, о чем можно судить по количеству очагов внутри дома. Отсюда уходили на сезонные промыслы или просто на охоту в пределах ближайших охотничьих угодий. Здесь занимались изготовлением оружия и орудий труда. На основных поселениях или рядом с ними находились культовые места и могильники. В случаях, когда удастся открыть и исследовать остатки подобных структурированных сообществ, жизнь и деятельность людей эпохи мезолита предстает во всем этнографическом разнообразии, что позволяет обратиться не только к описанию остатков материальной культуры, но также к изучению духовной стороны жизни каждой определенной популяции — погребальным обрядам и художественно оформленным или культовым предметам.

Некоторое время искусство мезолитических охотников-собираателей, обитавших в лесной зоне Северной и Восточной Европы, было представлено только случайными находками — гравировками, нанесенными на рога и кости крупных животных (первобытный бык, лось, олень). Рисунки отличались особым стилем — они схематичны, выпол-

нены прочерченными или резными линиями, нерегулярными поверхностными линиями. Распространение получили резные орнаменты в геометрическом стиле — зигзаги, треугольники, ромбы, квадраты, заполненные штриховкой полосы геометрических фигур. Было принято размещать сюжетные изображения на гладких поверхностях ножей и кинжалов, на нескольких поверхностях объемных предметов, например, на мотыгах или кирках. В этом случае изображение могло переходить с одной плоскости на другую, что хорошо видно на развертках рисунка. Впервые мезолитические предметы с рисунками и орнаментом были найдены на памятниках культуры маглемозе в Дании, отчего утвердилось представление о своеобразном стиле маглемозе в искусстве эпохи мезолита (*Clark, 1975*). Со временем число артефактов с орнаментами и рисунками значительно увеличилось. Находки чаще всего происходят из случайных сборов или с исследованных раскопками стоянок, обнаруженных в торфяниках, возникших на месте изменивших очертания или ныне исчезнувших приледниковых водоемов. Памятники мезолита в торфяниках пребореального и бореального времени известны от Дании, юга Скандинавии и Северогерманской низины (*Larsson, 2000*) до Русского Севера, где обитали охотники-собиратели с примерно таким же образом жизни и во многом сходной материальной культурой.

В Восточной Европе эпоха мезолита достаточно хорошо изучена, особенно активные исследования проводились в последние десятилетия. Открыты многослойные памятники с надежной стратиграфией и установленной естественными методами хронологией, выделен ряд мезолитических культур. В то же время предметы искусства представлены в отдельных культурах и полностью отсутствуют в других. Возможно, это объясняется условиями залегания остатков многих стоянок в песчаных слоях зандровой зоны, где бесследно исчезают все изделия из органических материалов. Правда существует мнение о культурах, где вообще не было искусства или художественного творчества (*Формозов, 1983*). Так или иначе, но сейчас здесь можно условно выделить отдельные центры искусства эпохи мезолита, где сохранились изделия из кости, рога или реже из дерева с орнаментами, рисунками, антропоморфными или зооморфными деталями. Согласно современным данным, предметы искусства служат показателями творческой деятельности мезолитических охотников-собирателей. Они широко представлены на памятниках культуры веретье в Восточном Прионежье (*Ошибкина, 1992*), у населения, которым оставлен Оленеостровский могильник на Онежском озере (*Гурина, 1956*), на торфянике Вис 1 в бассейне Вычегды (*Виров, 1999*), на некоторых стоянках Верхнего Поволжья (*Жилин, 2001; Лозовский, 2001*). Еще одним центром искусства в мезолите является группа разрушенных стоянок на Шигирском торфянике в Зауралье и пещерные памятники Уральского региона (*Сериков, 2003*).

История изучения памятников культуры веретье

Стоянка Нижнее Веретье

Открытие мезолита на севере Восточной Европы произошло сравнительно недавно, сопровождалось дискуссией между специалистами по каменному веку, поскольку этот исторический период сопоставляли с поздним палеолитом. В 1929–1934 гг. экспедицией ГИМа под руководством М.Е. Фосс при проведении разведок по берегам реки Кинемы впадающей с востока в озеро Лача (Архангельская обл.), был открыта многослойная стоянка в местности веретье (местное название возвышения). На всем протяжении реки ее берега сильно заболочены, никаких отмелей, размыва или осыпей здесь нет. Поэтому исключительно важным оказалось открытие многослойной стоянки названной Веретьем, хотя в последнее время значение этого открытия пытаются оценивать критически, ссылаясь на разведки и карту, составленную гидрографом К.В. Марковым в 1919 г. (*Формозов, 1998*). На самом деле существует карта находок, собранных на разрушенных стоянках неолита в бассейне озера Воже (Вологодская обл.). Карта составлена К.В. Марковым (хранится в Музее Череповца и в ГИМе). Что касается стоянки в местности веретье на реке Кинеме, ее открытие трудно переоценить, поскольку оно сразу поставило перед исследователями несколько вопросов — о стратиграфии и соотношении культурных напластований, о времени возникновения стоянок разного времени, об их месте в системе исторической периодизации. На стоянке выявлено два культурных слоя — нижний, оставленный стоянкой эпохи мезолита, с орудиями из камня, кости и древесины, где не было керамики, названный Нижним Веретьем, и Верхнее Веретье с остатками стоянки неолита и поселения эпохи бронзы.

Раскопки в Веретье оказались сложными из-за поступления в раскоп речной воды. Для осушения прибрежной части раскопа были сделаны две короткие канавки, которые больших результатов не дали. Из намеченной для исследования площади удалось вскрыть только 172 кв.м, из них нижний слой прослежен на 156 кв.м, реально характерные вещи мезолита найдены на площади около 60 кв.м (*Фосс. 1941. Черт. 1*). На остальной площади стоянки раскопки были прекращены. В 1940 г. здесь работала экспедиция Архангельского музея под руководством В.И. Смирнова, сделан был только шурф (1х3 кв.м), в коллекции находок роговое изделие и неолитическая керамика. Очевидно, шурф сделан в Веретье, рядом с прежними раскопами экспедиции ГИМ.

Представляет интерес стратиграфия многослойного памятника, составленная при участии известного болотоведа, профессора С.Н. Тюремнова. Детальный разрез торфяных и культурных отложений сделан у самого берега реки, он позволяет уточнить возраст стоянки Нижнее Веретье на основании современных данных, полученных при изучении других торфяниковых стоянок. Нижнее Веретье в свое время отнесли к эпохе неолита, т.н. бескерамическому периоду. М.Е. Фосс считала, что мезолитических стоянок на Севере нет, а заметное сходство изделий из кости и рога с орудиями культуры маглемозе скорее всего

явление стадияльное (Фосс, 1952. С. 48). А.Я. Брюсов (1947) предполагал, что в мезолите, в IV тыс. до н.э., Север Восточной Европы осваивало население, пришедшее из Зауралья. Археологических материалов для этого утверждения фактически не было.

Поселение Веретье¹

В 1978 г. в северных районах европейской части России началась подготовка к проекту переброски на юг северных рек. Для изучения памятников археологии была создана Северная экспедиция ИА РАН, работы которой продолжались до 1991 г. До начала работ по проекту, просматривая в ГИМе материалы из раскопок в Каргополье, я обратила внимание на бесспорно мезолитические вещи в коллекции из Веретья. Стоянка и прежние раскопы были покрыты лесом, местные жители ее не помнили, поэтому поиски неоднократно описанного в литературе памятника продолжались несколько полевых сезонов.

В публикации М.Е. Фосс (1941) сообщается, что расстояние от берега озера до стоянки 0,5 км. При изучении литологических напластований на указанном участке оказалось, что здесь присутствуют только поздние отложения торфов, возможно суббореальные. Поэтому поиски стоянки Веретье были продолжены по левому берегу реки Кинемы. Примерно в 1,0 км от берега озера было обнаружено едва заметное повышение с характерной болотной растительностью ограниченное низкой террасой, покрытой лесом. Впоследствии выяснилось, что все повышение представляет собой подтопленные и приподнятые водой отложения древних торфов, а особенность покрывающей растительности объясняется присутствием на материке огромного количества органических остатков. Вдоль берега на повышении нами заложено 7 шурфов, которые немедленно были затоплены. Только шурф № 7 у подножия низкой надпойменной террасы, удалось углубить до песчаного основания отложений, где обнаружен шлейф культурного слоя, основой массив которого уходил в сторону берега реки. Еще два дополнительных шурфа в направлении берега показали, что открыт новый памятник мезолита, в древности затопленный, позднее перекрытый двумя слоями торфов — бореальным и суббореальным, затем мощным слоем дерна. После затопления площадка поселения на берегу реки и вблизи ее впадения в озеро никогда не заселялась. Памятник эпохи мезолита, названный Веретьем 1, находится в 60–80 м от стоянки Веретье ниже по течению реки. Поселение исследовано общей площадью 1474 кв.м, выявлены развалы трех сложных жилых строений, очаги внутри домов и между ними, площадки для обработки древесины и изготовления каменных орудий, оборудованные хозяйственные ямы. Вещественный материал представлен изделиями из кристаллических пород, кремня и сланца, деревянными и составными орудиями, изделиями из кости и рога, в том числе многочисленными художественно оформленными предметами (Ошибкина, 1983; 2006).

В открытии Веретья 1 принимали участие Н.А. Макаров, М.И. Сунцова (Трефц), В.В. Шевелев, А.Н. Любарский, В.В. Ветлужских и др.

Поселение Сухое²

Название связано с характером местности, где находится многослойный памятник, который с 19 века известен жителям пяти деревень с общим именем Нокола. Местность

¹ Коллекция хранится в фондах Государственного Эрмитажа, Санкт–Петербург.

² Коллекция хранится в фондах Государственного исторического музея, Москва.

Сухое находится на правом берегу р. Ковжи. примерно в 1,0 км. от ее впадения в озеро Лача с юго-востока, представляет собою возвышение на правом берегу реки. На размытом участке местные жители издавна собирали керамику и кремневые предметы. В 1871 и 1873 гг. известный археолог и зоолог И.С. Поляков по поручению Академии Наук и на средства Географического Общества (РГО) обследовал побережья нескольких озер Олонецкого края, посетил бассейн озера Лача, составил описание природных условий края, обратил внимание на динамику гидросистемы, расположенной на окраине Балтийского кристаллического щита, и на стоянки неолита в устьях рек Кинемы и Ковжи (Поляков, 1882. С. 12–16).

В 1973–1974 гг. в местности Сухое В.В. Шевелевым (1986) была собрана большая коллекция керамики и кремневых орудий. В 1975 г. экспедицией Архангельского педагогического института на возвышении правого берега р. Кинемы проведены раскопки, место которых точно не установлено. Были выявлены культурные слои стоянок неолита и эпохи бронзы (Куратов, 1978. С. 31).

В начале работ по проекту переброски северных рек, в 1985 г. Северной экспедицией в местности Сухое, у берега р. Ковжи, было вскрыто раскопками 16 кв.м. Установлено, что береговое возвышение заселялось неоднократно. Первым здесь возникло поселение мезолита, которое существовало в начале бореала и было оставлено обитателями в связи с подъемом воды, что прослежено по песчаной прослойке, оставленной разливом реки. Подъем воды этого времени может соответствовать событиям в Веретье 1, когда большое поселение тоже было затоплено и оставлено людьми. Следующий культурный слой в Сухом образован следующей стоянкой мезолита, которая разместилась на той же площадке, существовала недолго, тоже перекрыта слоем речных наносов. В неолите здесь возникла огромная стоянка, которая перекрывала и частично повредила слои эпохи мезолита. В период поздней бронзы на берегу р. Ковжи разместилось поселение позднекаргопольской культуры, которое частично перекрывает ранние культурные слои, но его основная площадь отступает в глубину террасы. Наконец во время Отечественной войны 1941–1945 гг. на берегу стояло строение лесосплава, опоры которого прошли в нескольких местах через все древние культурные отложения, почти их не повредив.

Основное поселение мезолита в Сухом изучено нашими раскопками на площади 390 кв.м. Обнаружены остатки жилых строений, получены сведения и фактический материал о приемах домостроительства и устройстве территории поселения. Сохранились опоры жилых строений в виде заостренных сосновых столбов в основании покрытых консервирующим составом. Органические материалы в условиях песчаных почв Сухого плохо сохраняются. Однако орудия из кости, рога и дерева представлены в достаточном количестве для утверждения, что поселение относится к культуре веретье и началу бореала. Художественно оформленные изделия и украшения из зубов и костей животных соответствуют материалам Веретья 1, раннему периоду культуры веретье.

Стоянка Лукинчиха¹

На северном берегу озера Лача коренной берег находится в 1,8–2,0 км от современного побережья, поверхность надпойменной террасы заболочена. Отсюда стекает небольшая река Лукинчиха. До ближайшей деревни с тем же названием, расположенной

¹ Коллекция хранится в фондах Каргопольского государственного историко-архитектурного и художественного музея, Каргополь.

на тракте, расстояние примерно 5 км. Стоянка находится в истоке реки, обнаружена местными жителями, собравшими в промоине, образованной выходом ключа, керамику и кремневые орудия. В 1987 г. осмотр местонахождения провели В.В. Шевелев и И.С. Манюхин. В шурфе были найдены неолитическая керамика и орудия, а также кремневые изделия аналогичные инвентарю стоянок культуры веретье. Стратиграфия установлена не была.

Раскопки с участием автора и В.В. Шевелева были возобновлены в 1998 и 2000 гг. Удаленность памятника и его сложная стратиграфия не позволили провести масштабные раскопки, вскрыто было 12 кв.м памятника. Выяснилось, что повышенная сухая площадка древнего берега заселялась в бореальном, атлантическом и суббореальном периодах. По мере отступления берега озера ключи у основания площадки и стоки из верховых болот создали речку, которая и сейчас течет в чистом каменистом русле.

В основании культурных отложений многослойного памятника находится слой мезолитической стоянки. Позднее площадка заселялась в среднем и позднем неолите, небольшая стоянка была здесь в эпоху бронзы. Все культурные отложения четко разделены, прослежены и датированы С-14 (Л.Д. Сулержицкий). Мезолитическая стоянка существовала здесь в начале атлантического периода, каменный и костяной инвентарь соответствует этому времени и имеет аналогии среди находок на стоянке Нижнее Веретье. На небольшой жилой площадке стоянки Лукинчиха среди большого количества изделий из кости представлен роговой кинжал, покрытый характерным геометрическим орнаментом.

Могильник Попово¹

Памятник находится на правом берегу р. Кинемы, примерно в 2,5 км от ее устья. Впервые средневековое погребение обнаружено в местности Попово местными жителями в 1928 г. Директор Каргопольского музея Г.П. Сергиевский сообщил о находке погребения или кургана сотрудникам работавшей здесь экспедицией ГИМа, которой в 1929 г. произведены раскопки на прибрежном участке, где обнаружена стоянка и жилище эпохи неолита, при этом в культурном слое стоянки встречен обломок костяного гарпуна мезолитического облика. В начале работы Северной экспедиции ИА РАН по проекту переброски северных рек, в 1979 г., на вершине холма ледникового происхождения, который тянется вдоль реки, обнаружены погребения XII-XIII вв. и мезолитический могильник, частично поврежденный средневековыми захоронениями, а также корнями деревьев, покрывающих всю местность. В могильнике Попово раскопами исследовано 460 кв.м, обнаружено 10 погребений, в том числе четыре частично разрушенные. Погребения мезолита располагались двумя рядами, ориентированы на восток или северо-восток, в ряде погребений сохранился антропологический материал, который свидетельствует о принадлежности населения к древним европеоидам. В погребениях найдены оружие и украшения характерные для культуры веретье. Датировка костного антропологического материала из погребений по С-14 определяет возраст могильника началом бореала. Расположение памятника вблизи Веретья 1, правда, на другом берегу реки, позволяет говорить о единстве обитателей поселения и людей, погребенных в могильнике. В могилах и в сопровождающих погребенных ритуальных ямах найдено оружие из камня и кости (топоры, кинжалы), чаще представлены украшения в виде ожерелий и оберегов из зубов и костей животных,

¹ Коллекция хранится в фондах НИИ и Музея антропологии МГУ, Москва.

в одном случае охотника сопровождал пояс с подвесками из зубов и подъязычных костей лося (Ошибкина, 2006. С. 77–100).

Поселения и стоянки культуры веретье расположены по берегам озера бореального времени, маркируют его очертания, но в наше время находятся в глубине лесов. По положению исследованных памятников может быть восстановлена динамика озера, сокращение его зеркала и одновременное продвижение к юго-востоку. Поселения охотников-собирателей культуры веретье, вынужденные адаптироваться к меняющейся природной среде, передвигались вокруг озера, занимали новые жилые площадки, как правило, селились в устьях рек, при этом избегали открытых побережий большого озера, их поселения экспонированы обычно на берега спокойных таежных рек.

Художественные изделия

Орнаменты

«... “Способности” той или иной домашней утвари, лука, стрелы, дубины и всякого иного оружия тесно связаны с каждой деталью их формы: вот почему эти детали неизменно воспроизводятся с величайшей точностью. Отсюда устойчивость традиционных форм и орнамента и правило избегать новых форм и неведомых способностей»

Л. Леви-Брюль (1930: 23)

Ярким явлением эпохи мезолита на севере Восточной Европы является культура веретье, памятники которой сосредоточены в бассейнах больших озер ледникового происхождения. Наиболее значимы и лучше изучены памятники расположенные вокруг озера Лача, менее известны стоянки в бассейне озера Воже. На берегах озера Лача, существовавших в бореале, а в наше время уже покрытых лесами и расположенных на расстоянии до 1,5 км от современных побережий, открыты поселения и могильники эпохи мезолита. Подобные процессы сокращения зеркала происходили и на других водоемах Севера, в том числе и на озере Воже, поэтому редкие стоянки мезолита и отдельные находки характерных вещей обнаружены на значительном отдалении от берегов озера бореального времени.

На всех поселениях и стоянках культуры веретье, кроме множества орудий труда и оружия из кремня, кристаллических пород и сланца, сохранились разнообразные художественно оформленные изделия из органических материалов. Представительная коллекция таких вещей происходит из Веретья 1, где культурный слой перекрыт двумя отложениями торфов. Один из них образовался на рубеже бореала и атлантического периодов, затем после осушения и очередного затопления местности водами гидросистемы озеро Лача — река Кинема, следующий слой торфяника отложился в суббореале. Культурный слой мезолитического поселения в наше время оказался затопленным, что способствовало хорошей сохранности под пачкой торфов и слоем воды изделий из дерева, кости и рога. После осушения торфяника несколькими траншеями была полностью исследована жилая площадка поселения Веретья 1. Здесь сохранились *in situ* развалы трех больших жилищ с пристройками и очагами, хозяйственные объекты в межжилищном пространстве, найдены многие предметы, связанные с охотой и рыболовством. Особое значение имеют исследования флоры и фауны, остатков охотничьей добычи, типичных для бореального времени на Севере Восточной Европы, что позволяет обратиться к реконструкции общей картины жизни и деятельности обитателей поселения с деталями этнографическо-

го характера. Предметы с орнаментом и другими художественными деталями найдены в жилищах или около них, около объекта названного «святилищем». Здесь, на восточной окраине поселения, найден упавший ствол березы, заточенный у основания на конус. Во время существования поселения ствол был укреплен вертикально при помощи ряда заостренных больших и малых кольев. У его основания располагались скопления органики (кости животных и рыб), множество костяных и деревянных наконечников стрел и их обломков. Около вершины упавшего столба найдены черепа двух молодых лосей, которые в свое время были укреплены на его вершине. По всей площади поселения обнаружено огромное количество обработанной древесины — детали стен и перекрытий, все из сосны, со снятой корой. Только упомянутый выше столб сохранял кору и бересту. У его подножия в скоплениях органики найдены предметы, которые можно считать культовыми — челюсть лося с резными знаками и подобие жезла из сосновой древесины, завершенное головой лося. Около жилых строений и внутри них найдены многочисленные предметы искусства, описание которых приводится ниже.

На других стоянках культуры веретье раскопками вскрыты меньшие площади культурного слоя, но характерные предметы искусства и декорированное оружие, представлены всюду, что говорит о культурном и этническом единстве рассматриваемой группы древнего населения. Другой вопрос касается сохранения орнаментальных традиций и общих приемов оформления вещей на всех памятниках, что прослеживается на протяжении всего бореального периода — времени существования древней популяции охотников-собирателей с определенными устойчивыми традициями.

На исследованных раскопками памятниках культуры веретье, главным образом в Веретье 1, предметы искусства представлены несколькими группами: 1 — орнаменты; 2 — гравировки (рисунки); 3 — украшения; 4 — метки, знаки, символы; 5 — объемные фигуры; 6 — роговые пластины; 7 — маски. Наиболее многочисленной и сложной является группа орнаментов, некоторые предметы имеют разные дополнительные детали оформления. При следующем далее описании изделий приводятся сведения об их назначении и вероятном использовании, об особенностях орнамента и сочетаниях с другими вещами и деталями декора, упоминаются некоторые имеющие общее значение аналогии.

Орнаментальные композиции и элементы орнамента украшают оружие и орудия труда из рога, кости и дерева. Они состоят из повторяющихся элементов и примерно сходных композиций, при выполнении которых на полированных поверхностях предметов встречаются нарушения правильных линий и фигур, возможно не случайные. В результате узоры отличает особая пластичность, характерная для декорирования орудий.

Принято думать, что орнаментация орудий труда, охотничьего вооружения, одежды и бытовых вещей всегда имели не столько декоративное значение, но главным образом несли определенную информацию традиционного характера, позволяя выделить этническую принадлежность группы людей или отдельного индивида по родовым узорам и символам на одежде или оружии. На основании изучения неолитических орнаментов на керамике и на этнографических примерах эту проблему в свое время впервые детально рассмотрела М.Е. Фосс (1952, С. 64–77). В отношении памятников мезолита и происходящих из культурных отложений вещей с орнаментами эта проблема недостаточно изучена, так как художественные изделия до недавнего времени встречались здесь единично. Новые сведения о предметах искусства позволяют обратиться к проблеме особенностей и устойчивых традиций художественного творчества у различных этнокультурных групп населения, обитавших в эпоху мезолита в лесной зоне Восточной Европы.

Орнамент отличает повторяемость одинаковых элементов, его назначение могло быть декоративным и сводиться к простому украшению личных вещей или оружия. В то

же время признано, что именно орнаментация является традиционным видом декоративного искусства, отражающим родовые или племенные узоры, принятые у определенных этнических групп населения и переходящие из поколения в поколение. В этом смысле орнаментация достаточно консервативна, что, безусловно, является ее положительной стороной. Поэтому для решения проблем исторического характера изучение орнаментов имеет особое значение.

Общей классификации орнаментов не существует. При описании этнографических материалов иногда выделяют следующие основные группы орнаментов — животные, растительные, геометрические и смешанные узоры (Иванов, 1963. С. 8). Такая классификация составлена при изучении сохранившихся у современных народов традиционных узоров на одежде, обуви, бытовых вещах и также по известным этнографическим собраниям. По материалам мезолитического поселения Веретье 1 можно выделить четыре основные группы орнаментов — геометрические узоры, насечки по ребрам изделий, узоры из прочерченных линий и из коротких овальных углублений. При всем разнообразии орнаментальных композиций, в которые каждый исполнитель мог внести какие-то собственные мотивы или незначительные изменения, как правило, типичные для культуры веретье орнаменты всегда устойчивы в деталях, легко делятся по группам и редко дополняют друг друга. Обычно характерные композиции украшают только определенные предметы. Есть предположение, что некоторые характерные узоры или знаки встречаются на предметах разного назначения, например, на кинжалах и наконечниках стрел, поэтому могли быть традиционными для конкретных семейных групп. Распространенные на ранних памятниках культуры веретье приемы орнаментации оказались достаточно консервативными, представлены на оружии и в поздних по хронологии стоянках культуры веретье (Нижнее Веретье, Лукинчиха), что позволяет считать некоторые приемы украшения оружия и орудий труда традиционными для всей рассматриваемой популяции эпохи мезолита на протяжении всего времени ее существования (Oshibkina, 2000).

Геометрический орнамент

«В отличие от последующих эпох орнамент в первобытности был почти исключительно геометрическим»

А.А. Формозов (1980:80)

Наиболее характерен для культуры веретье геометрический орнамент. Его выполняли в технике глубокой резьбы. Орудием при выполнении резьбы мог служить кремневый резец из массивного кремневого скола или угол отщепы, выделенный при помощи ретуши или резцовых сколов. Сложные орнаментальные рисунки или фигуры выполняли, очевидно, по предварительной разметке полированной поверхности предмета, методом резьбы от себя. Орнамент состоит из повторяющихся элементов — линий разной длины собранных в группы, елочный узор, треугольные или ромбические фигуры. Геометрический орнамент упорядочен и декоративен, его особенностью можно считать легкую изогнутость волнистых линий, следующих естественным неровным поверхностям плоскости костяной основы, что придает композициям особую пластичность и декоративность. Подобная особенность могла зависеть также от индивидуальности резчика, составлявшего узоры из комбинации прямых линий и волнистых. Геометрический орнамент чаще всего украшал кинжалы и ножи из костей лося — расколотых длинных или лопаточных, всегда тщательно обрезанных, затем предварительно перед нанесением узора полированных.

Нож, оформленный из длинной кости лося (рис. 1, 2), вырезан из средней части заготовки, имеет два паза для кремневых лезвий и сложное поперечное сечение, так как

сохранены естественные каналы заготовки. В пазах орудия сохранились остатки смолистого вещества, на которое крепились кремневые пластинки-лезвия. На внешней стороне по выпуклым краям нанесен узор в виде елочки из коротких линий, на внутренней стороне изделия, где под полировкой видна пористая основа кости и сохранены два продольных канала, по краю размещены две группы тонких насечек, собранных в группы по три. Возможно, здесь представлены отметки или какой-то счет. Обух сломан, что не позволяет определить длину орудия. Однако аналогичные ножи с двумя пазами представлены в Веретье 1 большой серией, некоторые сохраняют кремневые лезвия, орнамента обычно не имеют. Орудия такой формы и другие подобные изделия обычно имели деревянную рукоять, стоявшую в углублении внутренней поверхности и прикрепленную смолистым веществом и обвязкой из растительных волокон и бересты, которые хорошо сохранились на многих предметах различного назначения. Судя по отпечаткам на смоле, нередко деревянную рукоять соединяли с костяным лезвием тонкими полосками кожи по размеру и сечению соответствующими растительным волокнам.

О размерах и устройстве кинжалов дает представление орудие длиной 23,5 см, выполненное из длинной кости лося (*рис. 2, 1; 60, 5*). Вся его поверхность отполирована особенно тщательно, к обуху орудие плавно сужается, обух завершен двусторонним фигурным выступом. На внутренней поверхности кинжала размещен сложный геометрический орнамент, состоящий из групп резных линий с разным наклоном. Вдоль внутренней поверхности проходит глубокая резная линия, которая перед острием разделяется, выходя к краям орудия. Исключительно качественная полировка и орнамент отличают кинжал, который был, очевидно, личным оружием, приспособленным для руки, и, судя по размещению узора до самого обуха, не имел дополнительной деревянной рукояти. О применении оружия подобного типа можно судить по кинжалам из кости и кремневых пластин, найденным в Веретье 1, у которых берестяная обмотка обуха занимала более половины лезвия, образуя простую рукоять. Сложное оформление кинжала говорит о его особом назначении, но сама орнаментальная геометрическая композиция и способ ее выполнения волнистыми линиями повторяется и на некоторых других предметах.

Основным поделочным материалом для обитателей всех поселений и стоянок культуры веретье всегда служили кости лося, при этом чаще всего использовали длинные и особенно лопаточные кости, на которых размещали орнаменты и гравировки, поскольку здесь при выравнивании и шлифовке получались самые большие и почти ровные площадки. В Веретье 1 найдены многочисленные орудия из лопаток крупных лосей. Среди них значительное число, около 10% (125 экз.) всего инвентаря, выполненного из кости и рога, составляют так называемые широкие ножи (*Ошибкина, 1997. С. 99*). В категорию широких ножей многие орудия включены условно, поскольку они могли иметь разное назначение, несмотря на обычную для подобных изделий продольную заточку рабочего края.

Заслуживает внимания орудие с выделенной короткой рукоятью, срезанным гребнем, заточенным вдоль широким краем и сложным орнаментом по обе стороны гребня. Острие орудия сломано. Орнамент состоит из вертикальных линий с одной стороны гребня и наклонных, собранных в треугольники, с другой стороны. По срезу гребня, выровненному и аккуратно отшлифованному, нанесены шесть косых крестиков (*рис. 1, 1*). Длина кинжала 25,5 см, учитывая сломанное острие, он мог достигать длины около 30 см, а крестовидных знаков могло быть 7, тем более, что число 7 повторяется и на других предметах. Количество линий в треугольных фигурах орнамента произвольное. Назначение крестиков не ясно, возможно обладатель кинжала вел какой-то подсчет, скажем, считал охотничьи трофеи. На этом орудии представлен геометрический орнамент классического вида, который повторяется на разных предметах, костяных и деревянных, чаще украшает оружие.

Представляет интерес кинжал, орнаментированный геометрическим узором со всех сторон (рис. 4; 63). Сохранилась часть орудия длиной 19,5 см. Тонкий край орудия является лезвием, он аккуратно заточен продольно, как и у других подобных кинжалов, острое сломано. Гребень лопатки животного срезан таким образом, что плоскости по обе его стороны разной ширины. Орнамент, размещенный на трех плоскостях, различается в деталях. На широкой полированной плоскости отдельными наклонными линиями выделены треугольные фигуры, заполненные волнистыми резными линиями, вертикальными и наклонными. Отчетливо видна задача резчика, который помещает короткие линии только внутрь треугольных фигур, нарушая при этом вертикальные ряды линий. Примерно в центре всей композиции помещена четко очерченная по контуру фигура — треугольник, заполненный пересекающимися резными линиями, вершиной обращенный к лезвию кинжала. На фоне других фигур и волнистых линий, создающих впечатление известного беспорядка, ограниченный треугольник напоминает изображение стилизованного жилища. В этой связи можно вспомнить, что подобные заштрихованные треугольники, изображения жилищ или чумов, известны еще в двух случаях — на костяных ножах на стоянке Сухое и в Нижнем Веретье, на роговой пластине, о чем будет сказано далее. В отличие от других ножей и кинжалов это орудие отличается особенно сложным и красочным оформлением. Он украшен по широкой плоскости вдоль гребня четким геометрическим узором из длинных и коротких изогнутых линий, собранных в группы с разным наклоном, образующих геометрические фигуры. На третьей плоскости кинжала нанесен узор в виде легкой сетки из поверхностных процарапанных линий. Вдоль широкого края проходит линия коротких нарезок. Вся поверхность имеет яркую окраску (рис. 4; 63) возможно, после изготовления орудие покрывали консервирующим составом с примесью охры.

Еще один кинжал из Веретья 1 имеет относительно длинную рукоять, у него сохранен естественный выступ кости образующий подобие эфеса, острое орудия сломано, длина 23,5 см (рис. 5). Орнамент из коротких наклонно стоящих линий расположен по обе стороны срезанного гребня лопатки, с одной стороны одна линия узора, с другой стороны две линии. Широкий край украшен короткими нарезками, собранными в группы по две или по три. Весь узор достаточно скромный, но выстроенный в правильные ряды, соответствующие геометрическим формам, принятым в этой группе изделий.

Многочисленные орудия из лопаток лося отнесены условно к широким ножам и, хотя многие из них оформлены срезами и продольной шлифовкой по лезвиям, их настоящее назначение не ясно. Среди них представлены предметы с геометрическими узорами, обычно состоящими из рядов тонких резных линий или отдельных треугольников, составленных из линий разного наклона (рис. 6, 1). Иногда поверхность изделия покрыта тонкими линиями, расположенными в елочном узоре, состоящем из наклонных линий ограниченных у основания мелкими углублениями, нанесенными под углом к основным линиям (рис. 6, 2).

На поселениях и стоянках культуры веретье сохранились обломки различных предметов, форма и назначение которых не всегда определимы, но остались следы оформления в виде сложных геометрических орнаментов. В Веретье 1 найдена тонкая костяная пластинка с изящным елочным узором по краю и отступающими от края рядами коротких линий (рис. 7, 2). Вероятно, это обломок ножа с пазами, такие орудия обычно орнаментировали по краям острия. На стоянке Нижнее Веретье орнаментированных предметов оказалось немного, что объясняется небольшим размером вскрытой раскопками площади культурного слоя. Однако здесь найдена костяная пластинка с характерным геометрическим узором (рис. 7, 3). На поселении Сухое, где органические остатки сохранились плохо, найден фрагмент широкого ножа с характерным сетчатым орнаментом вдоль заточенного края (рис. 7, 5).

О широком применении геометрических орнаментов самой простой формы можно судить по обломку деревянного предмета, вырезанного из сосновой древесины, тщательно обработанного со всех сторон и украшенного уже знакомым геометрическим орнаментом из тонких резных линий, образующих группы с разным наклоном элементов узора (рис. 8). Древесина была пропитана консервирующим составом, может быть жиром, поэтому хорошо сохранила фактуру заготовки и очень светлый цвет. Сечение орудия округлое, это предполагает, что перед нами средняя часть древка. По степени обработки изделие напоминает древко копья или дротика, в особенности похоже на хорошо сохранившееся копье из сосновой древесины, найденное на поселении Веретье 1.

Особенно сложный геометрический орнамент украшает деревянный предмет, внешне напоминающий лопасть весла (рис. 9). Изделие длиной 11,5 см, треугольное в плане, шириной 7,5 см в середине, уменьшается к сломанному основанию, сечение имеет толщину менее 1,0 см в центре. Вся поверхность интенсивно окрашена в темно-красный цвет. На плоской гладкой стороне нанесены тонкие резные линии, расположенные группами разного направления и образующие треугольные и ромбические фигуры. По краям и на узком конце предмета, на плоской орнаментированной его стороне нанесены полосы коротких нарезок. Назначение предмета не ясно. Для весла оно слишком маленькое и хрупкое, рисунок и окраска как будто не соответствуют назначению. В то же время на нескольких стоянках культуры веретье, и особенно в Веретье 1, найдены поплавки из сосновой коры и бересты, есть два грузила сделанные из простой гальки и нуклеуса, оба в берестяной обмотке. В одном случае берестяная обмотка грузила укреплена обточенной палочкой, для прочности при погружении в воду. Есть и многочисленные рыболовные крючки, в том числе очень большого размера (до 12 см), что предполагает использование жителями не только острог для лучения рыбы, но также сложных рыболовных устройств, ловушек или сетей, для чего были нужны хотя бы примитивные плоты или лодки. Кроме того, изучение остатков ихтиофауны из культурных слоев стоянок и могильников показало, что жители ловили такие виды рыб, которые не всегда могли добыть при помощи остроги. Таким образом, рассматриваемый предмет мог быть обломком весла, но его размеры, окраска и орнаментация только одной плоской поверхности, оставляют сомнения в назначении изделия. Кроме того, аналогичные изделия изредка встречаются на памятниках других мезолитических культур. В Карелии, на стоянке Сулгу XIV, найдена плоская сланцевая пластина овальной формы. На одной стороне этой пластины помещен рисунок или даже орнаментальная композиция состоящая из геометрических фигур (Филатова, 2009. Рис. 7, 3). Пластина и рисунок имеют определенное сходство с изделием из Веретья 1, напоминающим лопасть весла. Возможно, подобные предметы, с резным рисунком или, тем более, окрашенные, имели сакральное назначение. Скорее всего, они относились к «чурингам», известным у многих традиционных народов.

В общей оценке геометрического орнамента можно принять во внимание повторяемость и четкость элементов, орнамент чаще размещен на определенных предметах, в основном на оружии. Этот орнамент представлен на изделиях из кости, рога и дерева, выполнен глубокой резьбой. Особенностью можно считать применение волнистых линий наряду с четкими узорами, что придает более пластичный и своеобразный характер подобной орнаментации. Нужно заметить, что геометрические орнаменты встречаются на оружии и прочих предметах на ранних памятниках, таких как Веретье 1 или Сухое, датированных началом бореала, но традиции культуры сохраняются на протяжении всего времени существования этой популяции мезолитического населения. Поэтому на стоянках позднего бореала еще встречаются образцы оружия с геометрическим орнаментом. Ярким примером является стоянка Лукинчиха, где была вскрыта площадка культурного слоя размером всего 8 кв. м, но представлены кремневые изделия и костяные предметы, характерные для

культуры веретье позднего периода и в том числе кинжал из рога с замечательным геометрическим орнаментом с одной стороны (*рис. 1, 3*).

Насечки по ребрам и граням оружия

Этот характерный прием украшения оружия и орудий труда представляет собой отдельный вид орнамента, который почти никогда не сопровождает другие приемы орнаментации. Изделия, отмеченные насечками и нарезками, представлены на всех памятниках культуры веретье. Очень скромный по форме и даже однообразный этот орнамент мог иметь особое значение, поскольку встречается только на определенных предметах. Насечки наносили по краям кинжалов и широких ножей из лопаток лося, на срезанные гребни лопаток и выступы ножей сделанных из ребер животных. Одним из лучших образцов является массивный кинжал из лопатки лося со сломанным концом острия (*рис. 10*). У орудия сохранены округлый естественный выступ лопатки и второй выступ в начале удаленного гребня. Таким образом у кинжала выделены эфес естественной формы и упор для руки на рукояти. Тонкие треугольные нарезки на равном расстоянии украшают края круглого эфеса, выступы орудия и рукоять. Ниже упора на рукояти треугольные нарезки группируются по две, три и четыре, что не только имеет декоративное значение, ношний раз показывает, что мастер умел считать. На внешней стороне кинжала, на полированной поверхности, прочерчены длинные тонкие линии, собранные в группы и переходящие в заточенное лезвие. На темной прекрасно полированной поверхности кинжала орнамент выполнен особенно тщательно, что делает изделие одним из лучших образцов личного вооружения мезолитического охотника.

Назначение ряда предметов остается неопределенным, хотя можно предположить, что они являются ножами или фрагментами ножей, поскольку по краям подобных изделий часто сохраняются заточенные вдоль лезвия. У массивного орудия с короткой рукоятью (*рис. 11, 1*) выделено лезвие, на котором видны следы продольной заточки с двух сторон. Вся поверхность отполирована, несмотря на оставшиеся участки губчатой ткани. На обушке орудия с внутренней стороны нанесены зарубки — семь групп по две, что могло иметь отношение к простому счету. Вообще число семь встречается среди нарезок или других знаков неоднократно. Еще одно орудие из обрезанной лопатки лося орнаментировано по всему срезанному гребню и частично вдоль лезвия линиями мелких насечек (*рис. 11, 2*). Между этими линиями, на небольшом участке обрезанной плоскости лопатки, размещен геометрический рисунок — треугольные фигуры из тонких резных линий.

Лучше других выдержана форма небольшого ножа с полукруглым хорошо заточенным лезвием и короткой рукоятью (*рис. 12, 1*). Острый конец орудия сломан, гребень срезан очень низко, прилегающая часть лопатки удалена почти до основания гребня. Линии мелких треугольных насечек нанесены по вогнутому краю и гребню, на широкой плоскости — несколько пересекающихся линий, возможно случайных.

Представляет интерес оригинальное костяное изделие из Веретья 1 — фрагмент ножа с пазом и сохранившимися лезвиями, составленными из двух тонких кремневых пластинок. Вдоль высокой спинки изделия на продольной резной линии нанесены мелкие насечки (*рис. 12, 5*).

На поселениях и стоянках мезолита и неолита часто встречаются костяные острия, которые принято называть кочедыками, орудиями для прокалывания кожи или плетения. На самом деле это естественная часть сустава или метаподий копытных, таких как лось или северный олень, которые продвигаются по снегам или вязким почвам, а такая косточка не позволяет глубоко провалиться ноге. Встречаются кочедыки или точнее метаподии со следами обработки или использования человеком. Рассматриваемые острия или

метаподии найдены в большом числе на памятниках культуры веретье. Некоторые из них имеют следы обработки и использования, даже некоторые декоративные элементы.

Предмет в виде метаподия со срезанным острием происходит с поселения Сухое. Орудие оформлено плотными рядами треугольных насечек по краям. На поверхности с выпуклой стороны изогнутого предмета нанесены девять поперечных резных линий (рис. 12, 3). Все оформление имеет исключительно декоративный характер.

Из Веретья 1 происходит длинное орудие из метаподия, сохранившееся целиком. По всей длине его боковые стороны украшены мелкими нарезками, образующими зубчатый край (рис. 12, 2).

Особенно своеобразно орудие из массивного метаподия лося, найденное в могильнике Попово. Острие оказалось в ритуальной яме (№ 12) около детского погребения VII. Острый конец этого предмета обрезан со всех сторон и оформлен глубокими треугольными нарезками, образующими асимметричную форму острия (рис. 12, 4). Назначение острия не ясно, но его оформление имеет декоративный характер. Во всяком случае, орудие не было кочедыком, как обычно определяют подобные вещи.

Изделия из больших лопаток лося особенно многочисленны и использованы для изготовления орудий разного назначения. Многие из них имеют отверстия в верхней тонкой части заготовки, сквозные или проходящие под гребнем. Поврежденные отверстия заменяли новыми, располагая их ниже или рядом (рис. 13). На подобных орудиях часто встречается простой орнамент, состоящий из рядов тонких нарезок или насечек, расположенных по краям или гребню предмета. Назначение орудий можно определить лишь предположительно, если обратиться к трем полностью сохранившимся изделиям, найденным в культурном слое Веретья 1, на участке расположенном непосредственно около берега реки, на самой окраине поселения. Три таких изделия лежали около скопления обработанной древесины и обломков деревянных вещей. Обитатели поселения могли заниматься здесь обработкой древесины. Рассматриваемые орудия достигают в длину 39–41 см, сделаны из лопаток очень крупных лосей, боковые части заготовок глубоко обрезаны, гребень хорошо обработан, лезвия выделены продольной шлифовкой. В тонкой части лопатки животного вырезаны два или несколько отверстий, в которые продевали шнур или веревку, чтобы эти массивные изделия можно было, например, хранить в подвешенном виде на стенах жилища или носить на поясе (Ошибкина, 1997. Рис. 59. С. 80). Фрагменты подобных стругов из лопаток копытных найдены в бореальном слое стоянки Звейниеки II (коллекция Института Истории Латвии, № 75, 1847), представлены также в инвентаре мезолитической стоянки Хоен Фихельн в Германии, где для изготовления таких орудий использовали лопатки лося, оленя или быка. В мезолите и неолите струги имели широкое распространение, их использовали для очистки и выделки шкур животных (Фосс, 1941; Schuldt, 1961. Taf. 119). Орудия этого типа обычно обработаны по одному краю срезами, похожими на ретушь кремневых изделий, а по другому краю продольно заточены по изогнутому лезвию. Струги широко представлены на поселении Веретье 1 и стоянке Нижнее Веретье. Их могли применять для работы по дереву или при очистке костей или шкур. Хотя эти инструменты имели, очевидно, применение в качестве простых бытовых орудий, иногда их еще и орнаментировали.

Особый вид орнамента — тонкие насечки или зарубки по краям костяных орудий с пазами, чаще всего ножей или кинжалов. Они расположены сплошными линиями или группами по две или по три, с наклоном в одну сторону или (рис. 14).

Зубчатые острия или гарпуны, представлены на всех памятниках культуры веретье, иногда большими сериями — например в Веретье 1 их насчитывается около 200 экземпляров. На гарпуны обычно не наносили орнамент или какие-нибудь отметки. Это простое бытовое орудие. Исключением являются большие острия или остроги, представленные в Веретье 1

и Нижнем Веретье по одному экземпляру. Оба роговые орудия сохраняют следы переделки в виде выравнивания стержня и срезанных зубцов. Острие из Веретья 1 отмечено поперечными насечками на рукояти ниже зубцов (*рис. 14, 1*), у орудия из Нижнего Веретья насечки нанесены на нижнем зубце (*рис. 15, 1*). По форме, размеру и оформлению оба острия очень похожи и отличаются от обычных односторонних гарпунов, которые использовали при лучении рыбы, возможно в связке, прикрепленной к деревянному древку. Деревянные древки с вырезанными углублениями для крепления гарпунов с острым основанием найдены в Веретье 1. Они дают представление о способах добычи рыбы лучением и устройстве рыболовного инвентаря, без всяких дополнительных устройств и без орнамента. Что касается больших роговых острог, описанных выше, то можно допустить, что они имели некое особое неутилитарное назначение, тем более что встречены на памятниках разного времени, что говорит об устойчивой традиции изготовления и применения этих острог.

Декоративное оформление насечками особенно наглядно представлено на предмете из Веретья 1, назначение которого остается не совсем понятным (*рис. 16, 1*). Заготовкой служила длинная кость, сильно обрезанная и шлифованная перед нанесением орнамента, вероятно обработанная красящим составом. Узкий конец изделия овальный, сечение плоское, частично на сломе видна губчатая ткань. Широкий верхний конец имеет граненую форму и отверстие, где губчатая ткань тщательно удалена. В результате предмет представляет собой узкую емкость. На всех гранях и лицевой поверхности размещены вертикальные полосы насечек, вверху сохранились поперечные кольцевые углубления, похожие на устройство для привязывания. Общее оформление, полировка поверхности и орнамент из рядов насечек по граням — все выполнено на высоком художественном уровне.

По форме предмет похож на ножны, но среди огромной коллекции костяного оружия, найденного на поселении, нет ножей или кинжалов подходящего размера. Больше всего рассматриваемое изделие похоже на емкости из суставных костей крупных птиц, таких как лебеди или гуси. Подобные изделия имеют хорошо обработанную или даже слегка полированную поверхность, для привязывания обычно под верхним срезом сустава сделано круговое углубление. В одном случае емкость или коробочка сделана из сустава собаки и украшена сетчатым рисунком из пересекающихся линий. В таких емкостях могли размещать мелкие предметы или краситель, например, растертую в порошок охру. В Веретье 1, найдено несколько емкостей или коробочек. В одной из таких коробочек были обнаружены две костяные иглы со сверленными отверстиями, заготовка еще одной иглы и три кремневые пластинки-лезвия (*Ошибкина, 1997. Рис. 67*).

Охотничий инвентарь — многочисленные наконечники стрел и зубчатые острия украшали орнаментом в исключительных случаях. Только асимметричные наконечники с одним жалом и дублирующим лезвием из пластинок, часто орнаментированы тонкими насечками по краю костяного жала, а также по краям среза на стержне, формирующего жало снизу (*рис. 16, 2*). При этом срез образует под жалом площадку, покрытую узором в виде сетки из пересекающихся линий и ограниченную по краям мелкими нарезками. Орудия этого типа обычно не имеют декоративных насечек на противоположной стороне стержня. Подобным же образом орнаментирован единственный в Веретье 1 наконечник с весловидным пером, по краям пера украшенный треугольными насечками (*рис. 16, 3*).

Овальные углубления «подем»

Этот своеобразный орнамент представляет собой серию коротких углублений овальной формы, расположенных на поверхности предмета рядами, с одинаковым наклоном, образующими сплошной или елочный рисунок. Углубления одинакового размера и формы расположены на костяных, роговых и деревянных орудиях сплош-

ным «полем» или в сочетании с узором из крестиков и елочного. Представляет интерес роговой одноручный скребок с двумя пазами по бокам (рис. 17, 3). Пазы широкие и довольно глубокие, на дне пазов сохранились остатки темного смолистого вещества, на которое укреплялись кремневые лезвия. Скребок имеет изогнутую форму, на его выпуклой внешней стороне помещен узор в виде елочки, на внутренней вогнутой стороне две линии овальных углублений как бы нанизанных на прочерченные линии. Эта особенность орнамента интересна тем, что узор из углублений, нанизанных на резную линию возможно не случаен, он повторен на роговой мотыге со стоянки Нижнее Веретье (Ошибкина, 2006. Рис. 84, 5). Похожий узор отмечен также на роговом предмете со стоянки Фризак 4 (Gramsch, 2008).

Деревянный предмет полукруглой или полулунной формы в плане, имеет плоско-овальное сечение. Выпуклая поверхность покрыта орнаментом из овальных углублений, расположенных по концам изделия сплошным «полем», средняя часть занята аккуратными крестовидными знаками (рис. 17, 1). Назначение изделия не известно.

Роговой стержень, небольшого размера (длина 7, 3 см), с круглым сечением, обработан срезами по концам. Срезы на узком конце вертикальные, обработка напоминает заточку на конус основания, как это встречается у многих наконечников стрел и гарпунов на разных памятниках культуры веретье. Вся поверхность предмета покрыта вертикальными рядами овальных углублений с одинаковым правым наклоном, расположенных в четком порядке (рис. 18, 3). Похожий по форме роговой предмет имеет такой же орнамент (рис. 17, 2), на его концах сохранились сверленные отверстия, по которым предмет был сломан.

Наконечник стрелы с блоком-выступом в середине стержня и заточенным срезом основанием покрыт овальными углублениями «полем» почти по всей поверхности, включая выступ (рис. 18, 2).

Представляет интерес деревянный предмет, круглый в плане, плоский, с выступом в верхней части напоминающим склоненную вперед голову птицы. Вся лицевая поверхность фигуры и правая сторона выступа-головы покрыта орнаментом, образованным из спускающихся наискось полос из овальных углублений (рис. 18, 1). Основание предмета сломано, на правой боковой стороне видны следы выравнивания и заглаживания деревянной поверхности. Обратная сторона изделия не обработана, поверхность здесь неровная. Все говорит о том, что фигура прислонялась к какой-то поверхности, может быть к стене, поэтому обратная ее сторона плохо сохранилась.

Все изделия с орнаментом из овальных углублений, покрывающих поверхность «полем», найдены в Веретье 1. Однако на поселении Сухое тоже найден предмет из полой кости, выпуклая поверхность которого тоже покрыта этим оригинальным орнаментом (рис. 18, 4).

Особого внимания заслуживает замечательное изделие из полой кости, которое могло быть наконечником копья (рис. 19, 1; 61, 3). Обух орудия широкий, отверстие размером 2х3 см имеет два сквозных отверстия на противоположных сторонах. Острый конец хорошо полирован и завершен небольшим асимметричным треугольным, что и позволяет считать изделие наконечником копья, который крепился к древку при помощи отверстий на обухе. Две трети поверхности орудия покрыты сложным орнаментом из овальных углублений расположенных «полем». Вокруг обуха верхний ряд углублений с правым наклоном проходит через отверстия. Ниже четыре ряда с правым и левым наклоном образуют два ряда елочного узора. Край обуха покрыт тонкими насечками. Тщательная полировка поверхности и построение орнамента показывают особое значение орудия, которое не могло быть обычным охотничьим оружием. Возможно, копьё с таким наконечником служило ритуальным оружием, тем более, что некоторые сооружения и предметы, найденные в Веретье 1, допускают существование здесь культовых объектов и соответствующих действий обитателей поселения.

Обломок орудия из лопатки лося с лезвием и следами продольной заточки представляет интерес в связи с тем, что разграничение между лезвием и вскрытой губчатой тканью рассечено серией овальных углублений относительно большого размера. Углубления расположены группами по два по краям и две группы по десять углублений в середине, что подтверждает предположение об умении жителей поселения считать (*рис. 19, 2*).

Прочерченный орнамент. Техника выполнения

Своеобразные орнаментальные композиции из тонких прочерченных линий, на первый взгляд выглядят беспорядочными. Однако эти композиции, выполненные неглубокими изогнутыми и волнистыми линиями или царапинами, достаточно популярны, украшают полированную поверхность многих широких ножей и кинжалов, реже предметов из лопаток животных или игольников, однако они не встречаются на деревянных изделиях. Прочерченный орнамент представляется самым архаичным и, в то же время, наиболее характерным для культуры веретье в раннем периоде ее существования. Разновидностью прочерченных узоров по способу исполнения можно считать некоторые рисунки или знаки из коротких или длинных волнистых линий, пересекающихся и образующих своего рода «сетчатый» узор.

Чаще всего прочерченным орнаментом украшено оружие из кости и рога, в основном кинжалы и ножи, где рисунки размещены на рукоятях, остриях или на обеих поверхностях. Образцом прочерченного орнамента можно считать рисунок на замечательном костяном кинжале из Веретья 1 (*рис. 2, 2*). Орудие с двумя пазами повторяет форму кинжала с классическим геометрическим орнаментом и выступами на обухе (*рис. 2, 1; 60, 5*), имеет примерно такие же размеры и плоское сечение. Сравнение двух кинжалов показывает, что они различаются устройством, наличием пазов или их отсутствием, одинаковым назначением личного оружия. В то же время, лишний раз становится очевидным, что прочерченный орнамент представляет собой не случайный набор беспорядочных царапин или ломаных линий, нанесенных мастером без определенной цели, но скорее всего, это способ украшения оружия и других предметов в заданной стилистике или приемы нанесения личных отличительных знаков. В этом отношении представляет также интерес кинжал со сломанным острием, у которого лицевая поверхность покрыта волнистым узором из пересекающихся линий, а конец острия заштрихован серией тонких продольных линий (*рис. 20, 8*). Сочетание элементов показывает, что прочерченный узор в этом случае был продуманным и выполненным на длинном кинжале специально, как и в большинстве подобных случаев.

Орнаментальная композиция из ломаных линий может быть нанесена на обе поверхности оружия. Например, на рукояти рогового орудия на одной стороне прочерченные линии образуют рисунок в виде нескольких углов сходящихся к основанию, а на другой стороне из коротких линий образовано некое изображение напоминающее фигуру зверя, расположенную вдоль плоскости изделия (*рис. 20, 4*).

Схематические рисунки можно видеть на костяном орудии похожим на нож со сломанным острием и ретушью на основании. На месте острия оформлено зазубренное лезвие, от которого вниз к рукояти веером расходится серия тонких линий. На другой стороне этого предмета тремя короткими резными линиями показан знак, напоминающий наконечник, направленный или летящий поперек орудия (*рис. 21, 8*).

Примерно такое же сочетание в узоре тонких продольных линий и знака из трех коротких линий можно видеть на орудии с выделенным длинным острием (*рис. 22, 1*). С другой стороны нанесены мелкие поперечные насечки и мелкий крестовидный знак, еще две группы насечек, по пять насечек в каждой расположены на тонком вогнутом краю.

Длинный нож из трубчатой кости со сломанным острием покрыт множеством продольных линий, образующих густую сетку, в нескольких местах пересеченную группами

коротких наклонных линий (рис. 21, 7). Подобное оформление повторяется чаще всего на ножах (рис. 21, 9; 22, 2). Например, орнамент из длинных ветвящихся линий, в основании пересеченных группами короткой штриховки (рис. 22, 3), представленный на обухе костяного ножа, является наиболее популярным способом украшения или пометки личного оружия у охотников культуры веретье.

Можно выделить несколько локальных фигур из коротких линий, которыми отмечены обломки ножей. Характерна фигура в виде конуса, составленного из тонких линий, пересеченного вверху группой из коротких линий, образующих нечто похожее на дом. Фигура опирается на линию из резных точек, что усиливает сходство. Рисунок нанесен на среднюю часть орудия, вероятно, ножа из длинной кости, судя по сечению изделия (рис. 20, 2).

На сломанном костяном орудии примерно в середине образована фигура из коротких вертикальных линий, ограниченных поперечными косыми линиями. Другой орнаментации здесь нет (рис. 22, 5).

Рисунки подобные геометрическим украшают острия (рис. 21, 2), встречаются на костяных пластинках — обломках различных орудий (рис. 20, 1, 7; 21, 4). Обычно орнамент в этих случаях простой, состоит из косых или пересекающихся линий, встречается елочный узор (рис. 23, 3). Некоторые рисунки на пластинках похожи на сложную композицию из длинных пересекающихся линий и включенных в рисунок геометрических фигур. Это относится к резной композиции на плоской пластинке с поселения Сухое (рис. 23, 5). К сожалению, пластинка сломана, сохранился только нижний конец предмета, похожего на нож.

Примитивные рисунки украшают костяные рукояти и плоскости широких ножей, некоторые сложные фигуры напоминают геометрические формы. Но чаще всего на костяных орудиях или пластинках размещены струящиеся изогнутые линии в сочетании с участками или фигурами, заполненными тонкой штриховкой. Изредка встречается характерный рисунок, в котором на длинную линию как бы нанизаны мелкие поперечные насечки (рис. 22, 4), что напоминает выше описанный способ орнаментации, всегда редкий.

Среди костяных орудий сохранилось много различных сломанных ножей или кинжалов со всевозможными отметками и знаками. Например, небольшой нож с двумя пазами покрыт с двух сторон и по краю обуха группами мелких нарезок, иногда образующих сложные фигуры (рис. 24, 1). В большинстве случаев на острие ножей остались косые крестики, линии в рамке или ряды коротких нарезок соединенных поперечной линией. Многие фигуры похожи на личные знаки на оружии (рис. 25, 1–7). Представляет интерес сохранившийся целиком короткий нож, судя по всему орудие бытового назначения (рис. 25, 1). Острие выделено на одной стороне заготовки, с другой стороны кость обрезана. Таким образом, получено особенно острое лезвие, похожее на нож-вспарыватель для обработки рыбы или дичи. На одной поверхности орудия нанесен рисунок или скорее знак из длинных линий с короткими ответвлениями и линия мелких нарезок. Это орудие, как и другие ножи хозяйственного назначения, могли быть помечены владельцами.

Своеобразны орудия из лопаток крупных животных, в нашем случае из лопаточной кости лося. В широкой части у них вырезано большое углубление, обрезанное и заточенное по краям. На поверхности таких орудий с одной или двух сторон нанесены волнистые линии или серии пересекающихся длинных и коротких линий, образующих своего рода клетчатый узор (рис. 26, 1, 2). В одном случае серия линий представляется случайными царапинами, на другом орудии представлен образец примитивного орнамента. Назначение лопаток с выемкой не совсем ясно, но похожие орудия известны на других стоянках мезолита. Например, они найдены на стоянке Хоен Фихельн (Hohen Vieheln) в Северной Германии датированной поздним мезолитом. Такие орудия считают скребками из лопаточной кости животного (die Schulterblattschaber). Они сделаны из лопаток благородного оленя (*Cervus elaphus*), и косули

(*Capreolus capreolus*), сохраняют естественную рукоять, имеют глубокий вырез с обработанными краями. Интересно, что и здесь скребки из лопаток тоже имеют отметки или украшены рисунком из прочерченных линий (*Schuldt, 1961. Taf. 54a; Taf. 119, a, b, c.*)

Прочерченные рисунки встречаются на самых разных предметах, образуют мелкие сетчатые узоры, выстраиваются в геометрические или поперечные ряды, составленные из групп нарезок или царапин, могут быть комбинированы с крестиками и прочими мелкими деталями (*рис. 27*). Можно допустить, что иногда это случайно нанесенные царапины, но обычно они составляют законченную фигуру или своего рода абстрактный узор. В одном случае на упомянутом выше игольнике из сустава собаки, в котором содержались иглы и лезвия, тонкий елочный узор нанесен поверх трещины от срезанного края (*рис. 27, 3*). Возможно, узор должен был остановить разрушение вещи, для чего намечена еще одна линия вертикального орнамента.

Среди вещей с прочерченным орнаментом представлены некоторые образцы, которые можно рассматривать как спорные, выполненные в свое время случайно, без осмысленной цели. Представлены некоторые спорные изображения, среди них рисунок из серии фигур размещенных на широкой лопатке лося (*рис. 24, 3*). В основной группе десять одинаковых фигур показаны в движении. Они образуют четкий ряд, который как бы опирается на воображаемую горизонтальную линию, проведенную на костяной пластине. Все фигуры с согнутой спиной завершены короткой поперечной линией — изображением склоненной головы, все повернуты в одну сторону. Группа похожа на идущих один за другим людей. Три подобных фигуры стоят отдельно, изображениями голов не завершены. Далее, на узкой части лопатки, расположена еще одна группа линий с тем же наклоном, но дополняющих поперечных линий у них уже нет. Ниже основной группы фигур намечены короткие углубления или резные фигурки, возможно попытка резчика показать детали реального окружения изображенных.

О системе орнаментации

Принимая во внимание особое значение орнаментации, которую считают традиционно консервативной для любой культуры, в том числе и архаичной, можно выделить некоторые особенности способов украшения оружия и орудий труда рассматриваемой группы населения, наметив при этом некоторые тенденции ее изменения и развития на ранних и поздних памятниках.

Геометрические орнаменты и насечки по граням и ребрам, которые применяли более всего на оружии, очевидно как более консервативные, сохраняются на протяжении всего времени существования каждой группы охотников-собирателей. В данном случае это справедливо в отношении культуры веретье. Возможно, некоторая консервативность в украшении оружия объясняется особым отношением именно к вооружению, которое обеспечивало существование и безопасность, в новом для этой конкретной популяции природном окружении (*Ошибкина, 2012*).

Орнаменты из овальных углублений «подем» достаточно традиционны, но более связаны с бытовыми или нестандартными предметами, в них акценты направлены на художественную сторону предметов или орудий труда. Они встречаются на памятниках разного времени, в том числе поздних, но всегда исключительно редки.

Прочерченные или нерегулярные узоры представлены на ранних памятниках, встречены на массовом костяном инвентаре, не известны на вещах поздних стоянок, может быть потому, что не были замечены на малых сериях находок.

Аналогии всем четырем основным группам орнаментов, характерных для культуры веретье, в других культурах мезолита, в том числе известных в соседних регионах, чрезвычайно редки. Геометрические орнаменты встречаются в исключительных случаях, ча-

ще всего они не соответствуют замечательным изделиям с геометрическим орнаментом с поселений культуры веретье. На небольшой пластинке известняка из Оленеостровского могильника, представлен например, скромный образец геометрического узора. Насечки по ребрам и стержню орудий или орнамент из овальных углублений «полям» в культурах мезолита других регионов распространения не имели. Прочерченный орнамент и сетчатые рисунки изредка встречаются на изделиях со стоянок Подмосковья. Например в Замостье 2 найдено несколько каменных орнаментированных предметов с нерегулярным рисунком (*Lozovski, 1996. Fig. 45*). Прочерченный орнамент представлен также на отдельных костяных орудиях со стоянки Минино 2 в Подмосковье (*Сорокин, 2014. Рис. 198, 202*).

Нельзя не упомянуть об известных коллекциях костяных предметов происходящих с памятников Урала и Зауралья, которые исследователи относят в эпохе мезолита. Представляет интерес Пещерное святилище Камень Дыроватый на р. Чусовой, на Среднем Урале. Памятник открыт еще в середине XVIII в. В 1930-е годы раскопки здесь проводил Н.А. Прокошев, при этом была получена коллекция наконечников стрел, в которой насчитывалось около 7 тыс. предметов (хранится в Гос. Эрмитаже). В 1980-е годы Ю.Б. Сериковым проведены новые раскопки, в результате которых собрано 19 тыс. наконечников разного времени, вплоть до вооружения железного века. В их числе около 3800 наконечников отнесено к мезолиту. Характерно, что среди мезолитических предметов очень небольшое число орнаментированных. Выделены геометрические орнаменты, волнистые линии, насечки-нарезки, сочетания перечисленных элементов. Особо отмечены «мифологемы» к числам 3, 4, 5, 7 (*Сериков, 2003*). Культурный характер памятника и собранных здесь коллекций разного времени отмечают многие исследователи (*Калинина, 2006*).

Известная коллекция предметов разного времени, в том числе костяных орудий с орнаментами, происходят со стоянок Шигирского торфяника в Зауралье. В середине XIX века старателями при поиске золотоносных залежей под отложениями торфов были найдены в ряде пунктов замечательные орудия из кости и рога, поступившие затем в собрания музеев Екатеринбурга, Санкт-Петербурга, Москвы, Парижа. Первые публикации материала принадлежат В.Я. Толмачеву (1913, 1914). Представлены наконечники стрел разной формы, изогнутые и прямые кинжалы с пазами, крупные гарпуны с односторонними зубцами. Орудия орнаментированы продольными тонкими линиями, прямыми или волнистыми. Группы мелких насечек украшают наконечники или даже зубцы гарпунов поперечными полосами (коллекция ГЭ, 55: 25, 35, 46, 47, 116, 122, 126). Все типы орнаментов отличает четкость рисунка и выполнения, вероятно, правильнее их считать линейными композициями. Форма орудий, их детали, размещение орнаментов отличается своеобразием, но в системе орнаментации костяных изделий Шигирского торфяника есть общее сходство с инвентарем из святилища Камень Дыроватый. Можно допустить, что в мезолите от Среднего Урала до Зауралья существовала особая провинция, населенная популяциями охотников-собираателей с характерной материальной культурой и орнаментальными традициями, сколько это можно утверждать по находкам собранным из разрушенных стоянок и святилища. В восточно-европейских памятниках мезолита некоторые аналогии уральским коллекциям и особенно художественным изделиям есть, что можно объяснить сходным образом жизни. Однако аналогии касаются только некоторых общих для мезолита форм орудий, не имеют сходства с приемами орнаментации и с художественным творчеством восточно-европейских мезолитических культур, в том числе с художественным творчеством населения культуры веретье.

Наиболее представительная коллекция предметов искусства мезолита и начала неолита известна в Дании, особенно в Зеландии, и на юге Швеции, в провинции Скания (*Scania*). Общее число предметов искусства эпохи мезолита, собранных в Южной Скандинавии на разных стоянках, по последним данным составляет примерно 500 экз., что позволяет

составить представление об уровне развития охотников-собирателей бореального–начала атлантического периода (*Larsson, 2000*). В орнаментации преобладают геометрические мотивы, украшающие предметы из рога и кости. Замечательный роговой топор, покрытый сложным геометрическим орнаментом, происходит со стоянки Агерод 1 (*Agerod I: HC*). Еще один топор с рисунком похожим на стилизованные жилища из Сегебро (*Segebro*) относят к среднему мезолиту, к культуре маглемозе. Роговые топоры и костяные кинжалы характерной для мезолита формы, с двумя пазами, украшены сложными геометрическими фигурами. Их датируют уже культурой конгемозе или эртебелле, которая относится уже к эпохе неолита (*Larsson, 1990*).

В Дании и Южной Швеции на стоянках среднего мезолита представлены роговые и костяные предметы с геометрическими и прочерченными орнаментами. Кроме названных достаточно распространенных орнаментальных композиций, встречаются изредка орудия с узорами, включающими круглые или овальные углубления (*Larsson, 2000. Fig. 17, 18*). Они похожи на орнаменты из овальных углублений расположенных на роговых или деревянных предметах «подем», что особенно характерно для культуры веретье. Некоторые совпадения в орнаментации орудий или оружия не говорят о культурной близости населения эпохи мезолита, обитавшего в бореальное время в Южной Скандинавии и в Восточном Прионежье. Скорее всего, условия жизни и хозяйственной деятельности охотников-собираателей приводили к определенному сходству материальной культуры, что получало отражение в примитивном искусстве, в том числе больше всего в орнаментации оружия.

Гравировки (сюжеты)

«...Гравировки и росписи на скалах были частью тайных... церемоний, без которых первобытный человек не мыслил благополучия своей общины»

А.А. Формозов (1980: 57).

Отдельную и сравнительно небольшую группу составляют рисунки, которые иногда встречаются на плоских поверхностях кинжалов и ножей, на широких частях лопаток или суставных костях животных. Гравировки отличаются от орнаментации тем, что на обычном рисунке элементы резьбы не повторяются. Сюжеты, представленные на памятниках культуры веретье в гравированных рисунках не отчетливы, и можно только догадываться об их содержании. Тем не менее, это не орнаменты, но попытки резчика по кости изложить в доступной для него форме сюжеты или мифы, связанные с наблюдаемой действительностью или представлениями об окружающем мире. На бытовых орудиях и предметах хозяйственного назначения гравировки не встречены, что только подтверждает их особый статус.

Среди вооружения охотников-собираателей культуры веретье одним из популярных видов были короткие кинжалы, изготовленные из локтевой кости лося, природная форма и прочность которой позволяет с минимальной обработкой заготовки превращать ее в оружие. Представительная серия коротких кинжалов совершенной формы, происходит с поселения Веретье 1. Эти орудия массивны, хорошо обработаны, всегда тщательно отполированы, выделена и оформлена рукоять. На локтевой кости животного есть выступ, который при изготовлении кинжала превращали в выступающий упор для руки. Острие таких орудий короткое и хорошо заточенное, лезвие шлифовано, в отдельных случаях боевой конец может быть усилен лезвием из кремневых пластинок, вставленных в узкий паз (*Ошибкина, 1997. Рис. 51*). Поверхность одного из кинжалов украшает грави-

ровка из длинных изогнутых линий. К острию линии собраны в овальную фигуру, напоминающую очертаниями бутон. У его основания группа тонких линий похожа на лист, дополняющий рисунок. Лезвие покрыто штриховкой из резных линий (рис. 28). Короткие кинжалы этой формы были, очевидно, личным оружием, приспособленным для руки, поэтому особенно тщательно обработаны, иногда их украшали или делали пометки в виде насечек по краям «эфеса» или гравировки, как в данном случае.

Кинжалы этой специфической формы иногда применяли обитатели других стоянок или культур мезолита лесной зоны Восточной Европы, но широкого распространения они нигде не имели. Короткие кинжалы входили в набор охотничьего вооружения характерного для культуры кунда. Они найдены в бореальном культурном слое стоянки Звейниекы II, представлены также на стоянках культуры маглемозе в Дании (*Zagorska, Zagorskis, 1989. P. 421*). Небольшая коллекция подобных кинжалов представлена в числе случайных находок из Лубанской низины в Латвии. Вероятно, кинжалы из локтевых костей и здесь происходят из разрушенных мезолитических стоянок. Эти изделия несколько отличаются от коротких кинжалов из Веретья 1, они больших размеров, у них сравнительно длинные лезвия, рисунков или меток на них нет (*Vankina, 1999. Fig. XLI, 5–8*).

В Веретье 1 найдены разные орудия из костей животных, украшенные гравировками. Рисунок на ноже из ребра животного, скорее всего крупного лося, состоит из восьми резных линий веером, расходящихся из одной точки в пределах 180 градусов и сгруппированных вверх и вправо по три, влево две линии. Края изделия украшены мелкими наклонными нарезками (рис. 29, 4). Еще один фрагмент ножа на ребре животного украшен по краям и вдоль средней оси насечками (рис. 29, 7), узор напоминает геометрический. Еще один «веерный» рисунок или знак из четырех коротких линий повторен на бедренной кости бобра, где его дополняет фигура из нескольких поперечных линий (рис. 29, 5).

На широких пластинах из Веретья 1, вырезанных из тонких участков лопаточных костей лося, встречено несколько рисунков, возможно, содержащих определенную информацию. В одном случае на шлифованной поверхности лопатки помещен сложный гравированный рисунок (рис. 29, 2). Он состоит из серии тонких поперечных по отношению к гребню лопатки линий, завершающихся поперечной полоской, заштрихованной очень мелкими линиями, образующими сетчатый узор. Таким образом, весь рисунок напоминает сложное сооружение, рыболовную сеть или, возможно, ограду. В этой связи можно предположить, жители мезолитических поселений могли по каким-то причинам обозначать или ограждать территорию своих поселений, о чем можно судить по остаткам ограды на поселении Сухое.

В местности Сухое последовательно существовали два мезолитических поселения, культурные слои которых разделены стерильной прослойкой речных наносов, возникшей в результате седиментации при подъеме уровня воды в гидросистеме озеро — река. В нижнем культурном слое, образованном ранним поселением эпохи мезолита, при раскопках обнаружены следы ограды, построенной из тонких кольев, вбитых попарно в песчаную почву (*Osibkina, 2007. Abb. 12; Abb. 14*). Возможно, рисунок на костяной пластине из Веретья 1 отражает именно этот или похожий сюжет. Сооружение ограды вокруг жилой площадки для эпохи мезолита остается спорным вопросом, особенно в случае, когда поселение находится в зоне таежных северных лесов. Однако, факт существования ограды вокруг поселения Сухое подтверждается документально, фотографическими материалами (*Ошибкина, 2006. Рис. 95, 96*). Остается предположить, что низкую ограду из тонких кольев могли сооружать для охраны поселения от лесных животных, идущих к реке. Дело в том, что поселение занимает единственное высокое сухое возвышение на правом берегу реки Ковжи, в окружении болотистых участков берега. Сюда могли приходиться травоядные и за ними хищники.

На широком ноже из Веретья 1 сохранились два отверстия, вырезанных с одного края, другой край предмета сломан по линии отверстий. На плоскости помещен рисунок из нескольких горизонтальных и вертикальных резных линий, изображено что-то похожее на лодку (*рис. 29, 3*).

Представляет интерес резное изображение из Веретья 1, размещенное на тонкой костяной пластине — части лопатки крупного животного. Фигура в виде креста состоит из двух перекрещенных резных полос, составленных из трех линий каждая. Внутри полос нанесены тонкие поперечные линии, создающие узор в виде простой или косой решетки. На концах декоративных полос показаны короткие поперечные линии и насечки, завершающие концы фигуры (*рис. 29, 1*). Весь рисунок представляет собой стилизованный солярный знак.

Некоторые рисунки не имеют законченной формы и не являются орнаментом, но могли иметь определенную смысловую нагрузку. Например, на расколоте вдоль длинной кости животного нанесены длинные волнистые линии (*рис. 30, 1*). В расположении линий нет строгого порядка, но гравировка выполнена последовательно и аккуратно. Очевидно, рисунок выполнен в соответствии с определенной задачей, может быть это знаки воды.

В могильнике Попово около погребения VI найден игольник или коробочка необычной формы, сделанная из суставной кости крупной птицы, гуся или лебедя. На нем представлен более упорядоченный рисунок. Сразу под срезанным верхним краем сустава прочерчены три вертикальные линии, на одной из них сделаны две поперечных нарезки. Ниже есть еще пять поперечных нарезок (*рис. 30, 2*). Поверхность предмета имеет очень светлый цвет, что говорит о предварительной обработке заготовки. Назначение изделия не совсем ясно, хотя он похож на емкости или игольники, в большом числе найденные на поселении Веретье 1. Обычно подобные предметы сделаны из объемных маховых костей крупных водоплавающих птиц или суставных костей собаки. В данном случае выбран очень длинный и тонкий сустав птицы. В остальном предмет не отличается от целой серии емкостей хозяйственного назначения, разве что он очень хорошо обработан и украшен рисунком, что говорит о его персональной принадлежности или о том, что это дар погребенному мужчине.

Игольники являются редкой находкой на стоянках мезолита, но известны уже в верхнем палеолите, где их было принято украшать рисунками. На Авдеевской стоянке, например, найдены игольники из трубчатых костей птиц, в числе которых один длиной 31 см, что заставляет сомневаться в его прямом назначении. Возможно, это именно емкость для мелких предметов или красителя. Один из игольников Авдеевской стоянки украшен узором из прочерченных линий и мелких насечек, а также сложной композицией из косой сетки, тонких линий и рядов крестиков (*Гвоздовер, 1953. С. 208. Рис. 14*).

На памятниках культуры веретье гравированные рисунки размещали на роговых орудиях, даже утилитарного назначения. Так на поселении Сухое найден фрагмент орудия похожего на роговую мотыжку, на которой сохранился рисунок из пересекающихся прямых и изогнутых полос. Все полосы заштрихованы поперечными линиями (*рис. 31, 1*). Сохранившаяся часть рисунка, к сожалению, не дает представления о очевидно сложной его композиции в целом.

Еще одна роговая мотыга происходит из Нижнего Веретья (*рис. 31, 4*). На трех плоскостях представлены рисунки, которые нельзя принять за орнамент. На одной плоскости предмета размещено изображение, которое напоминает дерево от корней до вершины, на другой что-то похожее на пейзаж. На одном рисунке есть изогнутая линия с нанизанными на нее овальными углублениями или короткими углублениями, линия пересекает вертикальные фигуры. Рисунок напоминает орнамент с овальными углублениями, нанизанными на резную линию. Здесь он дополняет основное изображение. Сложная композиция, очевидно, имеет определенную смысловую нагрузку. Удивительно, что гравировка

помещается на орудии, где никаких следов использования или хотя бы насадки мотыги на деревянную рукоять нет. Изделие могло, скорее всего, иметь сакральное назначение.

В свое время в Нижнем Веретье была найдена костяная пластина со сложным гравированным рисунком. находку предположительно приняли за своеобразный наконечник стрелы, хотя среди остальных найденных на стоянке наконечников из кости или дерева другой подобной формы не было (Фосс, 1941. С. 43). Пластина плоская, в плане вытянутой овальной формы, с острыми концами, могла быть подвеской, но никаких следов сверления или следов привязывания на ней нет. На одной ее стороне помещен рисунок, который можно назвать сотовым. Тонкими линиями обозначены правильные длинные шестиугольники, внутри совершенно гладкие. Фигуры расположены в так называемом шахматном порядке, разделены группами вытянутых волнистых линий. На одном остром конце предмета короткая горизонтальная линия похожая на пунктир пересечена другой прямой линией, так что образуется рисунок похожий на голову животного (рис. 32, 2). Форма и размеры резных фигур производят впечатление хорошо выверенных и аккуратно вырезанных. В одном месте, за волнистыми линиями сохранился узор из коротких поперечных линий. Несмотря на очевидное своеобразие гравировки этого предмета из Нижнего Веретья, существует пример аналогичного изделия с примерно таким же рисунком. На стоянке Конгемозе (Kongemoze) в Зеландии найдено плоское костяное острие с двумя пазами и остатками кремневых лезвий. На одной его стороне представлена гравировка из чередующихся участков занятых поперечными нарезками и свободных, с едва видимыми линиями. Гравированные фигуры на острие из Конгемозе образуют сотовый узор, похожий на гравировку из Нижнего Веретья, а сам памятник относится к началу атлантического периода (Clark, 1975. Fig. 31, 4). Нижнее Веретье абсолютной хронологии не имеет. По аналогии с памятниками, датированными естественными методами, а также согласно стратиграфии самой многослойной стоянки, сейчас ее возраст определяется второй половиной бореала (Ошибкина, 2006. С. 42).

Изображения жилищ

В нескольких случаях на орудиях и подготовленных для нанесения рисунков роговых пластинах размещены гравировки, которые можно рассматривать как примитивные изображения жилищ или тектиформы. Первым в ряду подобных гравированных рисунков стало изображение на роговой пластине, происходящей из Нижнего Веретья (рис. 31, 5). Пластина обрезана, ее поверхность выровнена. Примерно в центре помещается очерченный по контуру высокий треугольник, внутри которого два ряда коротких линий образуют елочный узор. Вокруг фигуры прочерчено несколько линий, в основании пластины проложены углубленные поперечные линии, в том числе сдвоенные и пересекающиеся. Автор раскопок, М.Е. Фосс, предположила, что на гравированном рисунке изображен лист растения на длинном стебле (Фосс, 1941. С. 49). Однако, скорее всего, это схематическое изображение жилища. Новые находки показали, что изображение разных тектиформ является постоянным сюжетом в художественном творчестве охотников-собирателей, в том числе подобные рисунки характерны для культуры веретье. Что касается непосредственно гравировки из Нижнего Веретья, здесь, скорее всего, представлена именно схема — жилище в окружении троп или дорог, своеобразный древний план местности.

На поселении Сухое культурный слой залегает в песчаной почве, поэтому предметы из органических материалов сохраняются плохо, их количество невелико по сравнению с поселениями, культурные слои которых находятся в обводненных торфяниках. Тем не менее, на поселении Сухое сохранились некоторые костяные изделия, в том числе орнаментированные. В двух случаях это ножи с изображениями характерных высоких треугольников заштрихованных внутри поперечными линиями. На выпуклой стороне обломка ножа с дву-

мя пазами глубокой резьбой показаны две фигуры, помещенные одна над другой. У одной из них основные боковые линии пересекаются сверху, их дополняет вертикальная резная полоска, что похоже на жилище типа чума с каркасом из слег (*рис. 32, 2*). Еще один предмет является обушковой частью ножа или небольшого кинжала (*рис. 32, 3*). На его отшлифованной поверхности вырезаны две линии из высоких треугольников с опущенными ниже основания боковыми сторонами. Фигуры расположены в шахматном порядке — верхняя линия из трех, нижняя из четырех вероятных изображений жилищ похожих на чумы. Следует заметить, что среди орнаментов подобных фигур нет, и это лишний раз подтверждает предположение, что рисунки показывают именно жилища или группу жилищ.

Некоторые сомнения вызывает рисунок на челюсти лося из Веретья 1. Фрагмент челюсти был обрезан, удалены естественные выступы, выровнены края и даже выделен острый конец. Предмет по форме и обработке напоминает простое острие или нож. С двух сторон в средней части орудия нанесены группы линий, прямых и пересекающихся, образующих крестовидные фигуры. На обухе изделия, в углублении, выделена ровная площадка, где несколькими вертикальными линиями показано нечто подобное жилищу, также похожему на низкий чум. Перед ним проведена вытянутая линия, пресеченная в трех местах короткими углублениями (*рис. 32, 6*). Все оформление предмета и гравированный рисунок с определенными оговорками можно рассматривать как изображение жилища.

Гравировки в виде абстрактных сетчатых фигур, образованных короткими и длинными линиями, встречаются достаточно часто, они размещены на оружии или предметах неutilitarного назначения. К ним относится струг из кости крупного животного из Нижнего Веретья (*рис. 61*). Роговой предмет или струг из Нижнего Веретья украшен сложным рисунком из сетчатых фигур (*рис. 33*), что противоречит предполагаемому хозяйственному назначению. Гравировка расположена на одной плоскости предмета и состоит из пяти фигур стоящих сомкнутым рядом по одному краю, еще трех фигур по другому краю, еще трех мелких рисунков между ними в середине (*рис. 33*). Пять фигур выполнены в едином стиле — высокие треугольники из 4–5 пересекающихся под углом коротких линий сомкнутых на вершине. На другом краю фигуры стоят отдельно — две вершинами обращены к ряду из пяти фигур, отличаются открытыми вершинами. Отдельно размещен еще один открытый треугольник. Фигуры образованы линиями под прямым углом, что отличается от сетчатого узора. Вся сложная гравировка выглядит продуманной и тщательно выполненной в деталях. Можно допустить, что здесь представлена картина поселения в деталях. Заслуживает упоминания находка на стоянке Сегebro (Segebro) в Швеции, откуда происходит роговой топор с похожей гравировкой. Высокие треугольники, представленные на этом рисунке, образованы тонкими резными линиями, которые пересекаются сверху, образуя фигуры, напоминающие изображения жилищ (*Larsson, 2000. Fig. 5*)

Среди предметов с геометрическим орнаментом, представленных выше, один из широких ножей украшен особенно тщательно. На одной его стороне среди правильно построенной геометрической схемы размещены четыре высоких треугольника, один из которых выделяется сложным рисунком, составленным из линий разного направления. Нож интенсивно окрашен в оранжевый цвет. Очевидно, при изготовлении для лучшей сохранности орудие было пропитано каким-то жиром с добавлением красной охры (*Oshibkina, 2009. Fig. 6*). Схематическое изображение жилища органично включено в геометрический орнамент, которым украшено орудие. Следует заметить, что рисунки похожие на тектиформы, чаще встречаются на поверхности ножей. Очевидно, этот прием орнаментации характерен для гравировок культуры веретье и несет определенную смысловую нагрузку (*рис. 4; 63*).

Антропоморфные изображения в раннем мезолите встречаются исключительно редко, известны чаще всего среди случайных находок. В Веретье 1 найдено острие костяного ору-

дия, видимо кинжала со сломанной обушковой частью. Кинжалы подобной формы, сделанные из выпрямленных и заточенных ребер животных, широко представлены на памятниках культуры веретье, особенно многочисленны в Веретье 1. В одном случае на шлифованной стороне орудия тонкими линиями образованы две длинные вертикальные фигуры (рис. 32, 1). Одна показана двумя линиями, переходящими в ступни. Голова обозначена короткой косой линией, рук нет. У второй фигуры туловище обозначено одной линией, намечена голова, рук тоже нет, ноги состоят из нескольких линий, расходящихся у ступней. Ниже фигур на орудии расположено изображение похожее на дерево, кусты или символ леса. Прimitивные рисунки, напоминающие растительность, часто встречаются в виде дополнений на разных гравировках, на оружии и прочих предметах (рис. 21, 2; 22, 3). Что касается антропоморфных изображений, то в этом случае условная стилистика была определена узкой площадкой на поверхности кинжала, пригодной для размещения рисунка. Следует отметить, что изображения жилищ и людей встречаются чаще всего именно на оружии, что могло быть связано с традициями и мировоззрением данной популяции.

Антропоморфные стилизованные фигуры обнаружены на мезолитических стоянках на западе прибалтийских побережий в нескольких случаях. На стоянке пребореального времени Болков (Bolkow) в северо-западной Польше, около Штеттина, найдено костяное орудие с геометризванным рисунком, выполненным тонкими резными линиями. В одном случае представлена стилизованное антропоморфное изображение, где вертикальной линией показано туловище, ломаными линиями обозначены руки, прямыми линиями ноги, а над головой фигуры помещен косой крестик (Galinski, 2014. Rys. 13, b).

Еще одно изображение человека известно среди случайных находок на стоянках около Штеттина. Здесь собрана коллекция предметов из кости и рога, в том числе с орнаментами и рисунками. Условия, в которых сделаны находки, не позволяли датировать их естественными методами. Поэтому часть из них отнесли к плейстоцену, другие датировали началом голоцена. Среди находок представляет особый интерес роговой топор с отверстием для рукояти. Его поверхность украшает орнамент из продольных резных линий, в который включена стилизованная антропоморфная фигура. Показана голова, опущенные вниз руки, туловище состоит из двух длинных тонких линий, одна завершена подобием стопы. Внешние контуры фигуры помечены мелкими черточками. Находка из Щецин-Подиши (Szczecin-Podychy) относят к культуре маглемозе вместе с костяными орудиями украшенными орнаментом (геометрическим или фигурным).

На северо-западе Польши, в местности Русиново (Rusinowo) найдено еще одно роговое орудие, замечательно орнаментированное поперечными полосами, состоящими из низких зигзагов. В промежутке между орнаментальными полосами помещено антропоморфное изображение — фигура человека с поднятыми согнутыми в локтях руками и ногами, согнутыми в коленях. Туловище и голова фигуры показаны линиями. Находку датируют финальным палеолитом по результатам радиоуглеродного анализа, началом голоцена (Pionka et al, 2011).

Костяные и роговые орудия, случайные находки со стоянках северо-западной Польши, демонстрируют сходство с материалами бореальной стоянки Кунда в Эстонии (Kobusiewicz, 1975. P. 24. Fig. 11, 2). В свою очередь между стоянками типа Кунда и культурой веретье существует ряд аналогий. Стиль, в котором выполнен антропоморфный рисунок на костяном ноже из Веретья 1, близок упомянутому изображению на роговом топоре из Польши.

На стоянке Озерное 2 в Белоруссии найден своеобразный предмет из кости лося, на котором представлено три антропоморфных изображения, одно из них сохранилось частично. Фигуры размещены на противоположных сторонах костяной пластины. Они показаны в динамичной позе и детализированы. У одной фигуры показаны все конечности, тулови-

ще заштриховано пересекающимися резными линиями, голова круглой формы, поднятая левая рука завершена треугольником. Вторая, сохранившаяся полностью фигура, без рук и с головой ромбовидной формы, как у третьей фигуры, сохранившейся только в верхней части. Гравировки, представленные на костяном орудии из Озерного 2, выполнены в условном стиле, что вообще характерно для эпохи мезолита, как это отмечают исследователи (Кривальцевич, 1985; Butrimas, 2000. Fig. 1).

Стилизованные антропоморфные изображения эпохи мезолита имеют основную территорию распространения от Скандинавии до восточных побережий Балтики и, как выясняется, встречаются еще восточнее. К ним также относится рисунок из Веретья 1. Еще восточнее, в Пещерном святилище Камень Дыроватый на Урале, антропоморфное изображение размещено на стержне костяного орудия. На рисунке показана фигура с круглой головой на длинном туловище, также обозначены руки и стопы (Сериков, 2003. Рис. 3, 1).

Общие характерные черты антропоморфных изображений эпохи мезолита можно обозначить следующим образом. Характерна их геометричность, контуры выполнены обычно только линиями или точками, чаще фигуры показаны анфас, реже они профильные, голова изображения треугольная или ромбическая, редко она круглая, туловище часто заштриховано, ноги обычно показаны, изображения рук чаще всего отсутствуют (Clark, 1975. Fig. 35). Несколько отличается от большинства рисунков антропоморфная фигура с широко раскинутыми руками помещенная на костяном предмете из Амозен в Дании, где декоративная штриховка сплошь покрывает фигуры человека и оленя, за которым следует человек (Larsson, 2000. Fig. 64; ссылка на B. Petersen, 1982). В приемах изображения стилизованных антропоморфных фигур, происходящих с памятников мезолита в Северной и Восточной Европе, есть определенное сходство, что позволяет называть их «мезолитической семьей», Mesolithic family (Larsson, 2000. P. 51, fig. 30).

Гравировки на орудиях и специально подготовленных костяных пластинах представляют собой большую редкость, найдены на некоторых стоянках мезолита и характеризуют высокий уровень исторического развития популяции охотников-собирателей, в данном случае населения культуры веретье. Характеристика этой разновидности творческой деятельности населения составлена по памятникам раннего периода бореала, когда у мезолитического населения, обитавшего на сопредельных территориях, сопоставимых видов деятельности не было, может быть потому, что они еще ждут своего открытия.

Украшения (подвески, ожерелья)

Если орнаментированное оружие и бытовые предметы с гравировками встречаются в основном на жилых площадках поселений и стоянок культуры веретье, то в погребениях они, как правило, отсутствуют. Что касается многочисленных и разнообразных по форме украшений или подвесок, они представлены в погребениях большими сериями, хотя встречаются и в культурных слоях поселений. В большинстве случаев подвески естественной формы, сделаны из резцов, коренных зубов или костей животных, для укрепления в ожерелье или ношения отдельными экземплярами у них вырезаны треугольные насечки или кольцевые углубления в верхней корневой части зуба. Сверленные отверстия на украшениях встречаются только на пластинчатых костяных изделиях. Хотя сверление обитатели поселений освоили и широко применяли, например, при изготовлении мелких игл с ушком для нити, при изготовлении подвесок основных форм сверление не применяли, возможно, избегали сверлить резцы и коренные зубы животных, чтобы сохранить внешний вид их природного покрытия.

Ожерелья могли быть сложными, состоять из нескольких предметов, нанизанных на шнурок из сухожилий или, возможно, из кожи, нанизывали подвески с промежутками или группами. Вероятно, в сложные ожерелья охотники-собиратели каменного века могли включать сакральные предметы или обереги. Например, по результатам раскопок знаменитой Ладожской стоянки, в книге А.А. Иностранцева «Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера» (1882) создана реконструкция ожерелья из нескольких больших подвесок и костяной фигурки (рис. 34. 1). Рисунок выполнен известным художником М.П. Клодтом и соответствует представлениям исследователей стоянки об облике людей и украшениях символического характера, которые могли существовать у населения каменного века, обитавшего в неолите в Приладожье. Фигурка из Ладожской стоянки плоская, в ее голове сверленное отверстие. Очертаниями она напоминает ластоногое, поверхность покрыта орнаментом из продольных и поперечных полос мелких насечек, имитирующих шерсть. Очевидно, предмет мог быть охотничьим амулетом.

Подвески из зубов животных

Для населения эпохи мезолита роль охотничьих амулетов могли играть украшения в виде подвесок из резцов, расколотых коренных зубов и костей животных, таких как лось, бобр, куньи или северный олень, виды, служившие основной охотничьей добычей охотников-собирателей лесной зоны. Состав остатков фауны в культурных слоях поселений косвенно соответствует набору подвесных украшений. Показательно, что среди подвесок и прочих украшений клыки медведя скорее исключение, как редки и отдельные кости этого животного в числе остатков охотничьей добычи. Представляет особый интерес тот факт, что в могильнике Попово, в ритуальной яме № 4, устроенной около ног погребения II, среди обычных приношений умершему в виде остатков животных и рыб, обнаружены две медвежьих кости, но обе кости происходят от разных особей (Ошибкина, 1983. С. 203, табл. 10). Этот факт подтверждает особое отношение к медведю, крупному и опасному животному, на которого охотились редко или в исключительных обстоятельствах, но придавали добыче хищника особое значение. Таким образом, по составу и качеству украшений можно судить об обычаях древнего населения, в том числе охоте, образе жизни, ритуалах, принятых у обитателей поселений культуры веретье.

В культурном слое поселений и стоянок подвески являются массовым материалом, они разбросаны в развалах жилых строений, около хозяйственных объектов и очагов. Примером использования украшений служит поселение Веретье 1, где в культурном слое найдены все основные типы украшений и по этим находкам составлена их детальная характеристика. Здесь представлены следующие типы украшений — подвески из зубов и подъязычных костей лося, резцов бобра, зубов собаки и мелких хищников, пластинок и фрагментов кости, обломков орудий. Соотношение основных форм украшений следующее: зубы животных — 101 экземпляр (57,1%); фрагменты костей и обломки орудий — 45 экз. (25,4%); пластинчатые — 21 экз. (11,9%); из подъязычных костей лося — 5 экз. (2,8%); из грудной кости и резца бобра (полулунные) — 3 экз. (1,7%); клыки медведя — 2 экз. (1,1%). Всего 177 предметов, не считая обломков.

Больше всего украшений в Веретье 1 и на других памятниках культуры веретье сделано из зубов и костей лося, северного оленя, резцов бобра или клыков мелких хищников. Среди находок преобладают крупные резцы зверей, не требующие дополнительной обработки. Подвески из зубов лося или северного оленя весьма декоративны, их могли применять для украшения одежды, головных уборов, может быть мужских поясов. Известны реконструкции подобных костюмов, основанные на расположении подвесок *in situ* на остатках скелетов в Оленеостровском могильнике. Очевидно, в суровых природных условиях

Севера бореального времени охотники одевались в меховую одежду, сшитую из шкур пушных зверей. Верхняя одежда могла быть обшита по краям подола или рукавам рядами подвесок из резцов лося. Таким же подвесками украшали ворот одежды, из них могли составлять красочные ожерелья (Гурина, 1956. Рис. 98, 89, 106, 107). В некоторых случаях сохранились остатки древних головных уборов. В одном из погребений Оленеостровского могильника лицевую часть черепа погребенного прикрывали пластины из резцов бобра, которые могли быть частью головного убора, обшитого этими пластинами (Гурина, 1956. Рис. 100). Не исключено, однако, что пластины не просто со временем сползли по черепу вертикально стоявшего скелета, но их положение могло быть связано также с особенностями погребального обряда, согласно которому лицо или глазницы было принято закрывать сакральными предметами.

Похожие детали костюма мезолитических охотников известны и в других случаях. В могильнике Звейниекы, в Латвии, в захоронениях позднего мезолита и неолита найдено множество подвесок из зубов животных, в том числе лося, кабана (*Sus scrofa*), быка (*Bos primigenius*), барсука (*Meles meles*), куницы (*Martens martens*), которыми был обшит весь костюм. В нескольких случаях в мезолитических погребениях подвески найдены вокруг черепа, как остатки обшивки головного убора. Например, в погребении 170 подвески лежали вокруг черепа и нижней челюсти погребенного, возможно, так был оформлен головной убор (Zagorska, Lougas, 2000). В могильнике Дуонкалнис, в Литве, в погребении 2, подвески из зубов оленя тоже располагались на черепе, прикрывали глазницы, помещались в углах ротового отверстия. В этом случае необычное размещение подвесок на черепе погребенного не только демонстрирует обшивку головного убора, но также позволяет думать о возможных особенностях погребального обряда (Rimantiene, 1994. Abb. 57). Погребение 2 в Дуонкалнис относится уже к позднему мезолиту (Butrimas, 2013. P. 8). Таким образом, обычаи украшения одежды, в том числе погребальной, подвесками из зубов копытных и бобра, были распространены в мезолите лесной зоны от побережий Балтики до Севера Восточной Европы. Территория распространения этих обычаев имеет определенные очертания, она ограничена северными регионами Восточной Европы, восточнее, в Приуралье и Зауралье в памятниках мезолита подвесные украшения из зубов копытных встречаются редко. Возможно, традиция использования зубов животных в качестве украшений и в погребальных обрядах основана на традициях сложившихся еще в культурах верхнего палеолита Русской равнины (Житенев, 2007).

Украшения из резцов бобра отличаются прочностью, имеют блестящую поверхность серо-голубого цвета, не требуют дополнительной обработки. Обычно такие подвески изготовлены из продольно расколотых резцов с боковыми углублениями для привязи в ожерелье, сверленные отверстия в них не делали (рис. 35, 40). Очень редко край пластины оформляли резными зубчиками (рис. 35, 24). Во всех известных случаях подвески из резцов бобра присутствуют в ожерельях единицами, никогда не составляют целого ожерелья. Это удивительный факт, если иметь в виду, что бобры являлись самой массовой охотничьей добычей, их остатки составляют значительную долю среди остатков фауны в Веретье 1, других стоянках культуры веретье, а также на многих стоянках мезолита лесной зоны Восточной Европы. Кости и резцы бобров использовали в разном качестве, иногда их украшали гравированными рисунками. Челюсти бобра с сохранившимися иногда склеенными резцами использовали в качестве режущих инструментов. В Веретье 1 найдено множество нижних челюстей бобров со следами использования (103 экз.). В одном случае представлено орудие с удаленными отростками, основная часть которого была обернута полоской бересты, что превращало изделие из челюсти в инструмент с удобной рукоятью.

Пластинчатые изделия

Они названы подвесками условно. На самом деле это плоские костяные пластинки, квадратные или прямоугольные, хорошо полированные с одной стороны. Другая поверхность обработана не так тщательно, что характерно для плоских нашивок на одежду, у которых была внутренняя не слишком заглаженная сторона. Маленькие отверстия, сверленные с одной стороны, расположены на краю или в центре изделия, у некоторых из них сделаны две сверлины на противоположных краях пластинки квадратной формы (рис. 35, 1–7, 16–19, 21–23, 27–29). Похоже, что пластинки могли нашивать на одежду, головной убор или пояс в виде наборных деталей узора, для украшения декоративными вставками костюма охотников-собирателей в каких-то определенных условиях. Только в Веретье 1 они составляют заметное число украшений, их нет на других памятниках культуры веретье, они единицами встречаются в мезолите соседних территорий. В Верхнем Поволжье, в мезолитическом слое Ивановской стоянки VII, найдены две плоские костяные пластинки с отверстиями в середине. Еще одна пластинка-нашивка происходит со стоянки Становое 4, где она тоже найдена в слое мезолита (Жилин, 2001. Рис. 33, с. 28).

Украшения из грудной кости и резца бобра

Подвески этой формы особенно своеобразны, имеют естественную изогнутую форму, сверленные отверстия размещены на выпуклой стороне. Условно они названы полулунными подвесками. В Веретье 1 найдены три таких предмета. У одного оба конца кости-заготовки просто сломаны и слегка обрезаны по слому, на лицевой стороне нанесен простой узор из прочерченных линий, повторяющий очертания изогнутого изделия (рис. 35, 41). Вторая подвеска из грудной кости бобра имеет семь прорезанных отверстий, цепочка которых следует вдоль контура естественного изгиба кости. Четвертое отверстие приходится на центр изделия, оно предназначалось для подвешивания этого украшения или сакрального предмета (рис. 35, 11). Третья подвеска из резца бобра тот редкий случай, когда сверленное отверстие сделано в наиболее тонкой части резца, где слой дентина самый тонкий. В результате оригинальный предмет могли подвешивать в ожерелье или носить отдельно только острыми концами вверх, что отличает украшение от других изделий похожей формы (Ошибкина, 1997. Рис. 72, 2). Изогнутые подвески по форме и фактуре поверхности выглядят примитивными. Украшения этого типа могли, скорее всего, быть знаками, показателями принадлежности к определенной группе людей или роду. Аналогии подобным украшениям на других памятниках культуры веретье или в мезолите сопредельных территорий не известны.

Длинные подвески

Особую группу украшений составляют так называемые длинные подвески из расколотых трубчатых костей животных и фрагментов орудий (рис. 36, 37). Первое впечатление относительно этих очень крупных изделий приводило к выводу, что вся серия предметов представляет собой всего лишь заготовки. Поэтому они рассматривались особенно внимательно. Ниже представлено детальное описание изделий из кости, внешне с дефектами в обработке.

У массивной короткой подвески поверхность полирована, ее края и вогнутое основание первоначально оформлены срезами, затем выравнивались и шлифовались. Выступ для привязывания выделен глубокими надрезами таким образом, что подвеска стала асимметричной (рис. 36, 1).

Среднего размера подвеска обработана срезами, на шлифованной внешней стороне кремневым лезвием нанесены два декоративных надреза, края выровнены (рис. 36, 2).

Исключительно необычную и грубую форму имеют две подвески, сделанные из массивных кусков кости с развернутыми в противоположные стороны головками, предназна-

ченными для укрепления в ожерелье (рис. 36, 3, 40). По размерам и деталям они соответствуют друг другу, их могли использовать для оформления концов ожерелья. На изделии с левым наклоном с двух сторон нанесены ряды нарезок выполненных зубчатым краем ножевидной пластинки, расположенных в пять рядов веером и два ряда вертикальных нарезок. Расположение рядов соответствует краям предмета, что предполагает декоративное значение насечек, а не вторичное использование сломанного орудия или иного изделия.

Подвеска треугольной формы, сделана из крупной трубчатой кости животного, что видно по форме сечения, поверхность светлая. Края изделия обработаны срезами и сколами, следы выравнивания по краям продольные, незначительные, головка для подвешивания правильной треугольной формы (рис. 36, 5).

Небольшая прямоугольная подвеска, плоская, полированная со всех сторон, на одной ее стороне нанесена серия прочерченных линий. По всем показателям отличается от серии длинных подвесок. В верхней части кроме нескольких нарезок с лицевой стороны, у нее сделано кольцевое углубление для подвешивания (рис. 36, 6).

Две подвески похожей каплевидной формы и одинакового размера различаются по форме заготовки. Одна плоская с острым основанием, верхняя часть с обычными нарезками для привязывания только кажется сломанной (рис. 36, 7), потому что нарезки размещены специально на выступе, а сломанный угол заготовки не имеет следов выравнивания. Такая подвеска асимметрична, размещалась в ожерелье с наклоном, как и другие, описанные выше украшения, где такой наклон влево или вправо определяли соответствующие выступы. Другая подвеска похожей формы более массивна и сделана из обломка орудия с пазом, что хорошо видно по глубокой канавке с левой стороны, пересеченной углублением для привязи. Поверхность и края изделия заглажены (рис. 36, 8).

Массивная подвеска из обломка трубчатой кости животного отличается грубой или примитивной формой, но обработана со всех сторон, удалены острые режущие кромки, поверхность и края срезов заглажены (рис. 36, 9). Углубление для привязывания проходит с внутренней стороны, на лицевую поверхность выходят концы этого углубления в виде обычных нарезок для шнура или жилки.

Длинная подвеска (10,5 см), общей овальной формы с острыми концами и правильной треугольной головкой, выделенной глубокими боковыми нарезками (рис. 36, 10). Сечение предмета с выпуклой спинкой показывает, что заготовкой является снятие с трубчатой кости. На внутренней стороне частично сохраняется губчатая костная ткань, обрезанная только вверху серией мелких срезов похожих на ретушь. Внешняя поверхность хорошо полирована, на нее нанесены поперечные ряды мелких черточек.

Овальной формы подвеска сделана из фрагмента орудия с пазом, который до середины изделия сглажен ретушью и выравниванием. Основание сломано и слегка шлифовано (рис. 36, 11).

Две большие подвески одинаковой длины отличаются массивностью, обработка поверхности минимальная, основание и грани не имеют следов выравнивания, головки выделены кольцевым углублением, которое на лицевой поверхности заканчивается глубокими нарезками (рис. 36, 12, 13). Устройство для подвешивания в виде круговой канавки связано с большим весом таких подвесных украшений и их грубой формой, которую сохраняли, скорее всего, не случайно.

Длинная треугольная подвеска (рис. 37, 1) сделана из обломка орудия, сохраняет продольные грани, внутренние сколы выравнивают остатки пазов, сохраняются остатки полировки поверхности.

Подвеска из длинной кости животного (собаки?). Сверху по левой стороне проходит желобок похожий на остатки паза или имитирующий паз, в основании выемка, края

ее как и вся поверхность шлифованы. Острая головка выделена несколькими сложными нарезками для привязывания (*рис. 37, 2*).

Из длинной кости животного, очевидно лося, сделана крупная подвеска с острой головкой, срезанным наискось основанием и сохранившимся каналом сосуда. Для привязывания на обеих сторонах головки нанесены глубокие зарубки. На внутренней поверхности длинные сколы, края ровные, общая полировка изделия (*рис. 37, 3*).

Массивная подвеска прямой формы, сечение полукруглое, поверхность частично полированная, в нижней части поврежденная вертикальными царапинами (*рис. 37, 4*).

Несколько подвесок отличаются малыми размерами, с обычными длинными украшениями их объединяет общая массивность, грубость формы и одновременно декоративность. Две из них сделаны из кусков расколотых костей, без дополнительной обработки, сохранены острые края. Еще две вырезаны из обломков орудий, сохраняют части полированных участков. Нарезки для подвешивания выделяют треугольную головку (*рис. 37, 8–10*) или заменены кольцевым углублением (*рис. 37, 5*).

Одна из наиболее длинных подвесок (11,5 см) изогнутой формы, крупная головка выделена кольцевым углублением и обработана мелкими срезами похожими на ретушь. Вдоль всего предмета проходит декоративная полоса из мелких насечек и срезов, левый край украшен волнистыми поперечными насечками (*рис. 37, 6*). Поверхность изделия полирована и сохраняет следы окраски красной охрой.

Длинная подвеска из светлой кости расширяется к основанию, глубокими нарезками выделена асимметричная головка с острым боковым углом, боковые части оформлены продольными срезами, а основание сколами. По выпуклой лицевой стороне от перемычки к головке тянется до основания естественная грань заготовки, не стертая после полировки всей поверхности. С одной стороны этой грани нанесены группы тонких резных полос декоративного характера (*рис. 37, 8*). Эта подвеска представляется одной из самых красивых среди перечисленных длинных украшений из Веретья 1.

Всего в культурном слое поселения Веретье 1 найдено 23 подвески из кусков кости и обломков орудий с частичной обработкой поверхности, названных длинными. К этой группе отнесены также небольшие продолговатые украшения, оформленные грубыми сколами без дополнительного заглаживания острых граней. Сначала они были приняты за заготовки украшений, но детальное изучение всей серии показало, что форма, размеры, общая внешняя грубость изделий являются результатом специальной подборки заготовок и дальнейшего оформления украшений именно таких форм, возможно сакральных по назначению. В этой связи проверено распределение длинных подвесок по всей территории Веретья 1. Многолетние раскопки поселения на большой площади проводились разными участками последовательно, по мере осушения культурного слоя, сохранявшегося в подтопленном состоянии. В итоге, планы были собраны и по фиксированным развалам строительных конструкций выявились очертания древних жилищ (*Ошибкина, 1997, рис. 23*). Оказалось, что длинные подвески, оформленные из кусков кости и обломков орудий, были сосредоточены в жилище 1, около внутренней стены помещения «А» и развале стены строения. Двенадцать подвесок находились в кв. 35 (*рис. 36, 1–4, 7–10, 12; рис. 37, 1–3*) и одна в кв. 12 (*рис. 37, 7*). Очевидно, у стены жилища лежало рассыпанное ожерелье, которое состояло из симметричных подвесок, образующих полное и достаточно живописное украшение (*рис. 38, 39*). В известной степени детали ожерелья напоминают реконструкцию на рисунке М.П. Клодта (*рис. 34*). Еще одна длинная подвеска найдена в углу жилища 1, в помещении «Б», и две в примыкающем помещении хозяйственного назначения (*рис. 36, 13; рис. 37, 6*), причем последний экземпляр особенно декоративен и интенсивно окрашен охрой.

Несколько длинных массивных подвесок оказались рассеяны по окраинам поселения. В углу жилища 3 найдены две подвески из обработанных грубыми сколами кусков кости и еще одна найдена перед выходом из жилища, рядом с площадкой, где около внешней стены располагалась большая наковальня и рядом туес с кремневыми отщепами и готовыми орудиями (рис. 37, 4, 9, 10).

Несмотря на внешне грубую форму и примитивную обработку подвески из трубчатых костей животных, сохраняющие естественную форму заготовки и полукруглое сечение, достаточно декоративны, возможно, имели особое значение. Территория их распространения ограничена. Кроме поселений Веретье 1 и Сухое, подобные на вид совершенно примитивные украшения представлены только в Оленеостровском могильнике. В погребении № 113 могильника на груди мужчины лежали 25 подвесок сделанных из резцов, клыков и костей животных. В их числе оказалось шесть длинных подвесок характерной примитивной формы, сделанных из расколотых вдоль трубчатых костей животных (Гурина, 1956. С. 346, рис. 84, 112–117).

Подвески из подъязычных костей лося

Набор украшений из поселения Веретье 1 дает представление о костюме и вероятном применении мезолитическим населением определенных видов сакральных украшений, а также об особенностях культуры веретье, на всех памятниках которой этот набор повторяется за некоторыми исключениями. Например, на поселении Сухое найдены подвески из резцов, расколотых коренных зубов и подъязычных костей лося, обработанный клык медведя, подвески из зубов мелких хищников группы куньих, бобра, собаки, из обломков орудий с остатками пазов для лезвий и кусков кости. Во всех случаях для подвешивания украшений использованы только нарезки у корня зуба, кольцевые или боковые, сверленных изделий нет (рис. 40). Представлены также длинные подвески из кусков трубчатых костей, как характерные украшения, принятые у населения культуры веретье. Никаких отличий от набора украшений из Веретья 1 здесь нет. В одном случае подвеска украшена мелкими нарезками по одному краю (рис. 40, б) или на пластинке из резца бобра нарезками отмечены оба конца, что она напоминает переделанное орудие со скребущим боковым лезвием (рис. 40, 36).

В погребениях могильника Попово разнообразные подвески представлены во всех погребениях. Отдельными экземплярами они найдены непосредственно в могилах или в ритуальных ямах, сопровождающих погребения, а в погребениях были соответственно деталями костюма. В мужском погребении III обнаружено ожерелье из 18 подвесок, рассыпанных у черепа и в верхней части груди, две из них лежали под черепом. Судя по расположению, ожерелье было составлено из расколотых коренных зубов и двух резцов собаки, двух пластин из резцов бобра, резцов куньих или молодой лисицы. Представлена реконструкция этого ожерелья (рис. 34, Б), которое, судя по всему, составляло часть костюма погребенного мужчины, включая предметы связанные с охотой, а также обереги, какими являлись зубы собаки.

Более уверенно можно судить о костюме или его деталях по находкам в погребении VIII могильника Попово. Погребение принадлежало мужчине примерно 20 лет, высокого роста (174,5 см), что соответствует росту других индивидов антропологической группы, представленной в культуре веретье. Об этом можно судить по ряду фактов. Сравнительно высоким был ребенок 6–7 лет из погребения VII могильника Попово (определение Н.Н. Мамоновой и А.А. Зубова). Мужчина преклонного возраста из могильного комплекса Песчаница, входящего в группу памятников культуры веретье и расположенного примерно в 3,5 км от поселения Веретье 1, был тоже высоким для своего времени, имея рост около 175 см (Герасимова, Пежемский, 2005. С. 103–105).

Представляет особый интерес костюм молодого охотника из погребения VIII могильника Попово. Мужчина лежал на спине в неглубокой могильной яме, густо засыпанной крас-

ной охрой. Кисти рук были сложены на тазовом отделе. Под кистями весь тазовый отдел оказался обернут поясом с нашитыми на него подвесками. Пояс как будто прикрывал место ранения. Среди тазовых костей найдена кремневая пластинка, судя по обработке часть орудия, может быть ножа. Вместе с остатками пояса ширина скелета в тазовом отделе составляла 35–40 см. Пояс состоял из зубов и подъязычных костей лося, которые располагались тремя группами и уходили за спину погребенного. В центральной группе находились наиболее крупные и декоративные подвески из подъязычных костей лося (рис. 41). В левой части пояса были собраны 18 украшений — 11 резцов лося, 1 из расколотой трубчатой кости, 6 из подъязычных костей (рис. 42). Правая часть пояса состояла из 47 подвесок — 7 из резцов лося, 40 из подъязычных (рис. 43, 44), из них 12 экземпляров лежали под спиной погребенного мужчины. Всего в поясе было 77 подвесок, из них 58 экземпляров были сделаны из подъязычных костей лося. Следовательно, для изготовления пояса использованы кости не менее 29 зверей, что показывает особое значение погребального обряда при захоронении молодого и, вероятно, очень успешного охотника. Внутри тазового отдела, среди костей обнаружена кремневая пластинка, частично ретушированная с вентральной поверхности (рис. 41, 12), окрашенная красной охрой, как и все погребение, в том числе и подвески. Другие детали погребения VIII тоже подтверждают особое внимание соплеменников к погибшему молодому охотнику. Над его грудным отделом лежала подвеска из зуба молодого лося, края которой были покрыты мелкими нарезками, а в засыпке могилы, примерно над головой, найдена круглая костяная подвеска с зубчатыми краями, вероятно солярный символ (рис. 7, 8).

Предположение о внимании людей к солярной символике дополняет тот факт, что в ритуальной яме около ног погребенного, среди обычных приношений, оказались кости журавля, который никогда не встречается среди остатков фауны, в том числе птиц, в культурных слоях поселений и в ритуальных ямах около других погребений в могильниках Попово и Песчаница. Серый журавль (*Grus grus*), обитатель таежной зоны, следовательно, не был просто охотничьей добычей, но считался, вероятно, символом света и солнца, как это принято у многих народов.

По первому впечатлению все подвески из подъязычных костей были оформлены одинаково, простым удалением части расширенного конца косточки и оформления нарезками узкого ее конца, сделанными для укрепления подвесок в ожерелье. Как показало детальное изучение, на многих изделиях есть поперечные углубления или резные линии, не соответствующие простой разметке для правильного привязывания. Линии или царапины в большинстве нанесены на узкую часть изделия выше нарезок для привязывания. Иногда они образуют нечто подобное простому узору в середине подвески, помещенному всегда только на лицевой поверхности. Возможно, резные линии и царапины имели декоративное значение. На подвесках из резцов лося подобных царапин не делали, для этого поверхность, покрытая твердой эмалью, не годится. Только в одном случае расколотый вдоль резца лося по образовавшемуся острому краю скола нанесены шесть глубоких поперечных нарезок декоративного характера (рис. 42, 8).

Если подвески из резцов лося или оленя, часто встречаются в культурных слоях поселений, стоянок или в погребениях эпохи мезолита, то украшения из подъязычных костей лося достаточно редкое явление. Так в Оленеостровском могильнике они встречены всего в трех случаях, не в ожерельях, а единицами, в числе множества украшений из резцов, клыков и костей животных. На этом памятнике было исследовано 140 могильных ям и в них 177 погребений. Подвески из подъязычных костей лося найдены в погребении № 68, где было три таких изделия, в погребении № 45 — восемь и в № 61 — две (Гурина, 1956. С. 312, 294, 306). Таким образом, украшения из подъязычных костей лося нельзя считать слишком популярными у населения, представленного в Оленеостровском могильнике

и на стоянках мезолита в Карелии. В мезолите Верхнего Поволжья они тоже исключительно редки. Очевидно, эти изделия были характерными украшениями только у охотников-собирателей северной таежной зоны, где имели особую ценность. Они демонстрировали достижения охотника при подсчете добычи, играли роль сакральных символов, что в случае с погребением в могильнике Попово определенно показывает особое отношение соплеменников к молодому и удачливому человеку.

Украшения или амулеты в виде подвесок из резцов, расколотых зубов, кусков костей животных, обломков орудий и плоских костяных нашивок найдены на всех памятниках культуры веретье, большие серии происходят из поселений Веретье 1 и Сухое, также из могильника Попово. В других памятниках они встречены единицами, что зависит главным образом от размеров вскрытой раскопками площади культурного слоя. Общий подсчет подвесок (исключая неопределимые обломки) по всем памятникам показывает следующее. В Веретье 1 найдено 177 изделий разной формы, на поселении Сухое — 42 экземпляра, в погребениях и ритуальных ямах могильника Попово — 118 экземпляров, на стоянке Лукинчиха, где раскопками вскрыто всего 8 кв.м, тоже найдены 4 подвески из зубов лося. В Нижнем Веретье представлены те же типичные украшения обычных для культуры веретье форм, оформленные из резцов лося, бобра, клыков волка (*Canis lupus*) и собаки (*Canis familiaris*), у всех сделаны глубокие надрезы у корня резца для привязи шнура (Фосс, 1941. С. 43).

Общее число подвесок найденных на всех памятниках культуры веретье составляет свыше 350 единиц. Более всего насчитывается изделий из резцов, зубов, клыков животных, менее представительные группы образуют подвески из кусков кости, в том числе так называемые длинные, и подвески из подъязычных костей лося. Реже всего встречаются пластинчатые нашивки и единичны так называемые полулунные подвески. Весь массив украшений хорошо разделяется на пять основных типов, из них три постоянно встречаются на поселениях и в погребениях. Набор украшений и амулетов является особенностью и ярким признаком, характеризующим культуру веретье. Наиболее близким памятником по составу украшений и амулетов, бесспорно, является Оленеостровский могильник на Онежском озере.

Представительная коллекция украшений является настоящим набором артефактов для изучения своеобразных традиций населения культуры веретье в сравнении с мезолитом сопредельных территорий. В течение длительного времени, на протяжении всего бореального периода, эти традиции в качестве и составе украшений почти не изменялись. Общий состав украшений у населения культуры веретье полностью соответствует природному окружению, главным образом, составу таежных лесов и фауны региона, а также условиям жизни и охотничьей практики населения.

Метки, знаки, символы

«Вещи духовной культуры имеют
повышенный семиотический статус.
Собственно знак — вещь
с наивысшим семиотическим статусом»

А.К. Байбурин (1981: 216)

Особую группу составляют изображения на предметах, которые можно рассматривать как личные метки или знаки. Они изредка встречаются на костяных наконечниках стрел и ножах, выполнены в технике глубокой резьбы или по поверхности прочерчены тонким и острым резцом, скорее всего оформленным на кремневой пластинке. На поселениях

Веретье 1 и Сухое найдено несколько орудий с рисунками или знаками, расположенными локально на стержне наконечника стрелы перед самым насадом или на блоке наконечника. Такие рисунки или знаки не входят в орнаментальную композицию, украшающую изделие. Утяжеленное основание костяных наконечников нередко имеет форму рельефного кольца, короткого или продолговатого блока, плавного или биконического расширения.

Здесь следует заметить, что длительное время после находок из Шигирского торфяника при описании наконечников с биконической головкой обычно использовали термин «наконечники шигирского типа» (Брюсов, 1952. С. 169). Согласно принятой многими исследователями типологии костяных орудий — острий, наконечников стрел, зубчатых орудий или гарпунов, предлагаемой Г.Д. Кларком, наконечники так называемого «шигирского» типа обозначены как № 16 (Clark, 1936. P. 125). На памятниках культуры веретье найдено множество наконечников разной формы из кости, рога и дерева. Особенно многочисленны они в Веретье 1, где насчитывается более 220 орудий из кости и еще около 40 из дерева (определимых), в том числе наконечники с биконической головкой или «шигирского» типа. На насадах многих из них сохранились остатки смолистого вещества, применяемого для лучшего крепления наконечника в деревянном древке. Оказалось, что значительная часть орудий, в том числе и так называемые «шигирские» формы крепились в деревянном древке именно биконическим выступом. Иными словами, боевым концом наконечника являлось длинное прочное острие, у которого для соединения с древком перед насадом делали утолщение биконической формы или выступ в виде блока. Наконечники игловидной формы 25–30 см длиной, имели острие размером до 20 см, поэтому были эффективнее биконических орудий «шигирского типа». Длинные иглоидные наконечники могли использовать не только на охоте, но также при военных столкновениях (Ошибкина, 1997. С. 71). На блок или расширение стержня перед насадом наконечников разной формы, в том числе с биконической головкой, или непосредственно на стержне наконечников наносили знаки или метки.

Образцом является массивный игловидный наконечник из Веретья 1 с коротким насадом и упором биконической формы перед ним. На насаде хорошо сохранились остатки черного смолистого вещества применявшегося для крепления острия в деревянном древке. Непосредственно перед насадом на стержне по кругу вырезаны три больших косых крестика (рис. 46, 1). У другого игловидного орудия вокруг стержня мелкие крестики размещены тремя группами: в нижней части стержня, перед насадом, и в центре стержня вырезано по четыре фигуры, ближе к острию — три (рис. 46, 7). Подобным образом помечен костяной наконечник, найденный на стоянке Кунда в Эстонии, где рисунок из трех косых крестиков вырезан вокруг стержня (Indreko, 1948. Abb. 80, 10).

На памятниках культуры веретье представлены также орудия с крестовидным знаком, ограниченным рамкой. На поселении Сухое найден биконический наконечник, у которого около боевого конца размещен рисунок из трех скрещенных насечек, включенных в квадратную рамку (рис. 47, 1). У другого наконечника игловидной формы перед сломанным блоком вырезан знак в виде двух соединенных ромбов. Внутри верхнего ромба помещен косой крестик, внутри нижнего крестик целиком не поместился (рис. 47, 4). На стоянке Нижнее Веретье в свое время найден наконечник стрелы, принятый за орудие «шигирского» типа, хотя он отличался оригинальной формой и вместо биконического острия имел вытянутое массивное расширение, на самом деле утяжеленный блок перед насадом (рис. 47, 3). Только на этом блоке помещены пять крестовидных знаков, средний из них смещен, видимо, у мастера соскользнул вниз режущий инструмент.

Метки в виде крестиков встречены и на двух ножах из Веретья 1, причем здесь они вряд ли служили декором. На плоском ноже из трубчатой кости животного сохранились остатки деревянной рукоятки. Вогнутая обушковая часть орудия соединялась с рукоятью

при помощи темного смолистого вещества, сверху рукоять обматывали растительными волокнами, отпечатки которых сохранились на смоле. Знаки в виде косых крестиков были вырезаны перед самым обухом и поэтому покрыты смолой и обвязкой. Поскольку нож вряд ли нужно было отличать от другого оружия, остается предположить, что метка имела охранное или магическое значение. На большом кинжале из лопатки лося, на обрешанном гребне, также нанесены шесть крестиков-знаков (рис. 1, 1). Острый конец орудия сломан, но знаков могло быть 7. Крестики-знаки как будто включены в орнаментальную геометрическую композицию, но могли иметь самостоятельное значение, например, здесь представлен подсчет охотничьей добычи или это личные метки охотника. Не следует думать, что обитатели мезолитических поселений использовали десятичную систему счета, скорее счет имел другие основания. Если обратиться к этнографическим примерам, интересное наблюдение приводит по этому поводу Н. Харузин. У лопарей, к примеру, еще в 19 веке применялся счет только до десяти. Приняты были естественные меры — длину измеряли локтем, меры веса не известны совсем (Харузин, 1890. С. 22).

Геометрические фигуры или метки представлены на нескольких наконечниках из Веретья 1 и Нижнего Веретья (рис. 47, 5–7). Они обычно состоят из тонких линий, собранных в елочный узор, или из серии коротких пересекающихся насечек, рисунки размещены на длинном блоке или под биконическим расширением острия.

Рисунки из свободно пересекающихся линий, соответствующие группе прочерченных орнаментов, встречены на нескольких орудиях. Представляет интерес наконечник иглоподобной формы, на массивном блоке которого нанесен знак из перекрещенных изогнутых линий (рис. 46, б). В других случаях примитивный знак из внешне небрежно переплетающихся коротких линий нанесен на широкое основание наконечника (рис. 46, 5, б) или его биконическое острие (рис. 44, 3, 4). К группе изображений на оружии можно отнести массивный роговой наконечник копья из Нижнего Веретья (рис. 46, 2), у которого прочерченные линии образуют прочерченный примитивный рисунок на поверхности боевого конца. Отчасти рисунок своими стреловидными очертаниями напоминает о назначении орудия. Копье происходит из раскопок В.И. Смирнова проведенных на стоянке в 1940 г. (хранится в Музее г. Архангельска).

Представляет интерес массивный наконечник из Веретья 1, у которого дисковидный блок и часть поверхности стержня около него вокруг покрыты характерным орнаментом из резных овальных углублений расположенных сплошным полем (рис. 46, 2).

Ярким примером использования меток на оружии можно считать знаки на иглоподобном наконечнике из Веретья 1, сохранившимся полностью. Длина орудия 25,3 см, острия и насада 19,5 и 3,6 см соответственно, длина блока 2,2 см. Серия круглых ямок размещены на блоке тремя рядами по семь ямок в каждом ряду (рис. 44, 9). Повторение счета на семь лишней раз напоминает, что это число имело особое значение для мезолитических охотников, которые размещали на оружии и некоторых подвесных украшениях отметки числом 7. О значении чисел 5 и особенно 7 в искусстве палеолита существуют наблюдения и выводы, которые применимы к искусству эпохи мезолита и помогают понять их значение. Эту проблему в своих работах подробно рассматривает Б.А. Фролов, который приходит к следующим выводам. «При объяснении причин, вызвавших акцент на числе 7 в графике палеолита, напрашивается сравнение с широко распространенными до последнего времени представлениями об особой, сверхестественной, роли этого числа. Число 7 выступает на первый план в ритме ...сложных орнаментов, которые нанесены на самые трудоемкие, совершенные изделия» (Фролов, 1994. С. 338, 340).

Таким образом, метки или знаки на наконечниках стрел соответствуют основным орнаментам, в том или ином виде представленным на орудиях или оружии найденных

на памятниках культуры веретье. Наиболее отчетливо эта закономерность прослеживается по находкам из Веретья 1, что связано с большой площадью вскрытого здесь культурного слоя и лучшей изученностью поселения. С другой стороны, поселение Веретье 1 самый ранний памятник культуры, оставленный группой мезолитического населения, скорее всего, в начале освоения озерного края, когда сохранение особенностей материальной и духовной культуры могло иметь для людей особое значение. Возможно, метки или знаки на оружии соответствовали родовым или семейным группам населения.

Среди орудий с прочерченным орнаментом встречены локальные рисунки, которые тоже могли быть метками. Обращает на себя внимание знак из трех коротких линий похожий на стрелу (рис. 21, 8) или фигура из трех волнистых линий, нанесенных на костяное орудие с одной его стороны и крестик с другой (рис. 22, 1). Резные фигуры на обломках коротких ножей, в основном размещенные ближе к острию, тоже напоминают пометки или знаки (рис. 25).

На многих предметах из памятников культуры веретье встречается знак из перекрещенных коротких линий, названный сетчатым. На первый взгляд это деталь орнамента, но он размещен на оригинальном изделии из челюсти лося из Веретья 1, которое не могло иметь утилитарного назначения. Нижняя челюсть крупного лося обрезана по концам, внутренний канал очищен от губчатой ткани, расширен и обработан. Внешняя поверхность и коренные зубы челюсти особенно тщательно обработаны и даже полированы. При обработке часть костной поверхности удалена, общий цвет изделия темный, почти черный. На выпуклой стороне предмета на равном расстоянии друг от друга размещены три локальных сетчатых знака. На другой, вогнутой стороне, вырезан знак, состоящий из коротких перекрещенных линий (рис. 48, 1). Изделие могло быть украшением или скорее ритуальным предметом в виде подвески и укрепляться на шнуре из кожи или растительных волокон, продетом через челюстной канал. В этом случае сетчатые знаки на поверхности имели определенное смысловое значение. Изделие найдено на восточной окраине поселения, где располагалось «святылище», в скоплении костей животных и артефактов. Поблизости лежала плоская поделка из сосновой древесины, сломанная пополам, покрытая характерным сплошным орнаментом из овальных углублений расположенных сплошным «полем». Неподалеку, в центре «святылища», под упавшим столбом найдена фигура из дерева с обломанными ушами, напоминающая жезл в форме головы лося, о чем пойдет речь ниже.

Отдельные сетчатые знаки или группы подобных знаков были нанесены на ножи хозяйственного назначения (рис. 2, 4), на роговые струги для обработки мягких материалов, таких как шкуры животных или древесина, но никогда не украшали рыболовные принадлежности или снасти, например, поплавки или обмотки грузиков. Единственное исключение — рыболовный крючок, найденный на поселении Сухое. В отличие от обычных очень больших и сложных рыболовных крючков, представленных на поселениях культуры веретье, это маленькое орудие, ножка (цевье) и головка которого покрыта сплошным сетчатым узором, не выходящим на жало, выделено углубление для привязывания к леске (рис. 48, 50).

Вопрос о различии между метками, знаками и символами, оставленными древними людьми, может быть решен лишь в предположительном смысле и на основании серии предметов, происходящих с нескольких памятников близких в культурном и хронологическом отношении. Серия находок с поселений и стоянок мезолитической культуры веретье, как представляется, дает такие основания.

Назначение личных меток на оружии, главным образом на наконечниках стрел, позволяет думать, что в основе этого явления лежат утвердившиеся в данном социуме представления о личной собственности и праве. В какой-то мере представления об этих сторонах жизни древнего населения могут быть составлены согласно этнографическим аналогиям.

Например, у эскимосов западной Гренландии в свое время в охоте на белого медведя участвовала группа охотников, а кем именно убит зверь определяли по решающей ране и длине оружия. Это было важно при разделе добычи, поскольку лучшие или большие части туши предназначались охотнику, решившему успех в схватке. То же происходило у чукчей, где охотнику, убившему белого медведя, предоставлялось право выбора лучшей части добычи, а остальное шло всем членам рода. Возникновение подобных правил в каких-то различных формах относится к глубокой древности, когда люди могли существовать только при ведении коллективных охот и разделе пищи между всеми членами семейной группы или рода, что позволяло выживать старикам и детям. Существует мнение, что уже в популяциях верхнего палеолита раздел добычи не был равным, а предполагал раздел по степени участия отдельных охотников, о чем свидетельствуют находки личных копий. Существовали и другие виды регламентации на охоте, когда раненый зверь или птица могли уйти, унося на себе обломки стрел. У некоторых этнографических народов было правило, по которому в течение определенного числа дней нашедший чужую добычу должен был ее вернуть хозяину оружия. Отсюда понятно, зачем охотники метили свои наконечники стрел (*Ошибкина, 1992. С. 26*).

Таким образом, на примере меченого оружия у охотников-собирателей культуры веретье можно видеть, что в мезолите уже сложились твердые представления о собственном вооружении и доле участия в коллективной охоте. Личные метки стали первым показателем выделения в мезолитических популяциях наиболее удачливых и умелых охотников, которые могли не только получать лучшие части добычи, но и пользоваться особым авторитетом в своей родовой группе. Примером особого отношения к наиболее успешным охотникам можно считать захоронение молодого человека в могильнике Попово. Захоронение сопровождается несколькими необычными вещами — плоская подвеска или солярный знак, кости журавля в ритуальной яме, а в костюм включен пояс, составленный из резцов и подъязычных костей не менее 29 лосей, дает представление о множестве охотничьих трофеев погибшего. Иными словами, появление меченого оружия, скорее всего, первый признак социального разделения мезолитических популяций.

Знаки на некоторых видах оружия, например ножах и отдельных бытовых предметах отличаются от меток тем, что являются семейными или личными пометками, не предназначались для раздела добычи и подобных действий в решении хозяйственных дел.

Символ по определению является вещественным или условным знаком для обозначения какого-то понятия или напоминания, своего рода образом, воплощающим какую-то идею или принятое правило. К символам, безусловно, относятся сетчатые знаки, помещенные на представленной выше челюсти лося из Веретья 1. Предмет обработан и отшлифован, имеет не утилитарное назначение, найден на площадке, служившей святилищем, среди таких же необычных предметов, собранных около основания столба в скоплениях фаунистических остатков и среди множества обломков деревянных наконечников стрел. Можно предположить, что здесь происходили действия, связанные с обучением детей или юношей охотничьим навыкам или события магического назначения.

Объемные фигуры (скульптура)

Скульптурные или объемные изображения найдены на трех памятниках культуры веретье — в Веретье 1, в могильнике Попово и на стоянке Нижнее Веретье. Все фигуры отличаются глубоким примитивизмом в передаче образа и в оформлении, что предполагает начальную форму этого вида творческой деятельности населения эпохи мезолита, условно названной искусством. Все предметы сделаны из доступного охотникам-собира-

телям культуры веретъе материала — кости и рога животных и древесины. Сюжеты соответствуют образу жизни людей и природному окружению — представлены птицы, лось, зооморфные, антропоморфные фигуры. Общий стиль объемных изображений отражает стремление людей выявить несколько главных или определяющих признаков изображаемой природы, что делает изображаемое узнаваемым лишь в общих основных чертах. Назначение предметов, которые можно назвать примитивной скульптурой скорее ритуальное, не отвечающее современным представлениям об искусстве.

Наиболее близка изображаемой природе деревянная фигура птицы из Веретъя 1. Фигура высотой 27,3 см имеет основание в виде широкой плоской подставки, представляющей туловище. Голова птицы на длинной вытянутой шее поднята вверх как у трубящего лебедя. Характерными выступами оформлен конец клюва, выделен выпуклый круглый глаз (рис. 50). Фигура просто вырезана из сосновой древесины, вся ее поверхность и детали дополнительно не обрабатывали и не выравнивали. Фигура лебедя была обнаружена среди обломков деревянных деталей, в развалинах жилища № 3, в свое время стояла на широкой подставке-основании в углу большого помещения, могла быть укреплена на полу дома (Ошибкина, 1997. Рис. 23, кв. 200). Нужно заметить, что на поселении среди различных фаунистических остатков сохранилось множество костей водоплавающих птиц — лебеди, гуси, утки разных видов, гагары. Другие виды птиц, такие как сова или журавль, встречаются очень редко, скорее всего, на них охотились только в исключительных случаях. В то же время кости лебедей и гусей встречаются особенно часто, а среди вещей представлены поделки из легких и прочных лебединых костей с их красивой фактурой и светлым цветом. Из суставов птиц делали упомянутые выше игольники или коробочки для мелких предметов или красителя. Поэтому находка фигуры трубящего лебедя именно в жилище представляется вполне закономерной.

В Веретъе 1 найдены еще две фигурки изображающие птиц — роговая похожая на головку утки (рис. 51, 5) и обработанный срезами сустав животного, напоминающий птичью голову вытянутой формы (рис. 51, 6). Обе фигуры не очень выразительны, но узнаваемы.

Зооморфные фигуры всегда более символичны, передают характерные черты природы условно. Среди них представлены лось, птицы, рыбы. В Веретъе 1 найден замечательный кинжал из выпрямленного ребра лося с фигурным обухом в виде схематической головы зверя, со стоящими вверх ушами и резной гривой из четырех направленных вниз зубцов с каждой стороны. По форме орудие принадлежит серии многочисленных кинжалов, найденных на поселении и изготовленных из выпрямленных ребер животных, в основном лосей, но его отличает особенно качественная полировка всей поверхности и полное отсутствие режущих кромок и острия на конце. На лезвии с одной стороны видны два небольших сглаженных углубления. Вся полированная поверхность кинжала с обеих сторон покрыта тонкой сеткой орнамента — прочерченного с одной стороны и похожего на елочный с другой (рис. 52; 60, 6). Длина изделия 33,8 см. Судя по тщательной обработке, деталям скульптурного характера и отсутствию режущих краев, кинжал мог быть ритуальным орудием. Важно, что он выполнен из кости лося и оформлен как голова лося, что могло быть связано с представлениями обитателей поселения о симпатической магии, когда изделия из костей или шкуры определенного животного могли способствовать успешной охоте на этого животного или их использовали в магических действиях. Замечательное с художественной точки зрения оружие лежало около большого камня, примерно в 3 м от восточной стены жилища № 2. Удивительно, как такие большие по размеру и заметные предметы могли быть брошены на оставленном жителями поселении. Поспешность ухода населения могла быть связана с резким подъемом воды в системе озеро Лача — река Кинема, где на низком песчаном берегу располагалось Веретъе 1. Остальные наблюдения и находки только подтверждают это предположение.

На площадке, где располагалось «святилище», под упавшим березовым столбом, лежала деревянная фигура. Сильно деформированная водой и утеревшая детали она в общих чертах похожа на обычное профильное изображение головы лося на длинной согнутой шее. Фигура имела уши, сейчас сломанные, под ними остатки гривы, опущенную голову с пастью, а под ней семь резных выступов на горле, обозначающих шерсть (рис. 53). В общих чертах деревянная фигура из Веретья 1 похожа на роговые изображения лосей, которые принято считать жезлами выдающихся охотников или старейшин популяции. Несколько изображений лося и в том числе жезлы с лосиными головами найдены в Оленеостровском могильнике. Вполне определенным представляется сходство плохо сохранившейся деревянной фигуры из Веретья 1 с роговым жезлом с головой лося на прямой шее из тройного погребения № 55–57 Оленеостровского могильника. Фигура из Веретья 1 имеет отдаленное сходство с роговым жезлом из двойного погребения № 152–153 Оленеостровского могильника, на котором видны новые приемы передачи натуры — подчеркнуты реалистические детали оформления головы зверя на изогнутой длинной шее (Гурина, 1956. Рис. 114, 113). Новая манера оформления скульптурных изображений характерна уже для конца мезолита. Позднее, в эпоху неолита, жезлы подобного типа, разной формы и размеров, получили широкое распространение в лесной зоне Евразии, найдены от Прибайкалья до Прибалтики. В любом случае деревянную фигуру из Веретья 1 можно считать одним из самых древних жезлов, выполненных из древесины и завершенных головой лося, особенно учитывая условия, в которых изделие было найдено.

Несколько небольших зооморфных фигур из рога и кости происходят со стоянки Нижнее Веретье. Представляет интерес предмет, завершенный скульптурной головой с поднятыми ушами, с намеченными глазницами и узким носом (рис. 5, 1). Описывая фигурку, М.Е. Фосс отметила, что орудие похоже на кочедык, завершенный звериной или птичьей головой с заостренным носом, напоминающим клюв. Нижняя часть лица фигуры детально не проработана, что считается вообще характерным для примитивной скульптуры (Фосс, 1941. С. 43). После находки в Веретье 1 костяного кинжала завершенного головой лося с гривой и торчащими вверх ушами, можно думать, что постоянное выделение стоящих вверх ушей является традиционным приемом оформления ритуальных предметов или оружия, характерным для культуры веретье. В этом случае, предмет из Нижнего Веретья следует считать небольшим оружием, скорее ритуальным, завершенным головой зверя, может быть именно лося.

Еще две роговые фигурки из Нижнего Веретья остались незавершенными. У одной из них хорошо обработано закругленное узкое основание, на массивной верхней головы части намечены поднятые вверх уши (Фосс, 1941. Таб. VII, 8). Другая роговая фигура плоская, хорошо обработаны поднятые выступы — уши (рис. 51, 2). Неоднократно повторяется такая характерная деталь объемных изображений, как поднятые уши и грива, предполагают, что основным сюжетом изобразительной деятельности охотников-собирателей культуры веретье являлся лось. Уровень художественного творчества у населения раннего мезолита был невысоким, основной задачей оставалась передача узнаваемых черт животного, которое оставалось главной добычей и обеспечивало жизнеспособность популяции. Возможно ритуальное назначение подобных невыразительных с современной точки зрения фигур.

Представляют интерес необычные объемные фигуры, которые можно условно отнести к группе антропоморфных скульптурных изображений. Одна из них, с выступами в виде склоненной вперед и вниз головы и разведенных в стороны над головой рук сделана из сосновой древесины, хорошо сохранилась, вероятно, была пропитана консервирующим составом. Вытянутое основание фигуры узкое, обрезано с одной стороны, приспособлено для укрепления в вертикальном положении (рис. 54). Все выступающие детали — голова, руки,

основание сохраняют следы тщательной обработки, даже заглаживания. Фигурка условно обозначена как «идол», найдена на западной окраине поселения, вблизи от берега реки.

Еще одна антропоморфная фигура найдена в могильнике Попово в совершенно особых условиях. Здесь около всех погребений находились ямы, заполненные фрагментами орудий и костями животных — обычные приношения умершим. Около погребения ребенка примерно 7–9 лет (погребение VII) было несколько больших ям, причем над заполнением одной из них обнаружены остатки двух собак — взрослой и молодой. Сложный обряд захоронения, вещи в погребении, ритуальные ямы вокруг — все говорит об особом отношении к погребенному ребенку. Маленькая ритуальная яма (№ 22) располагалась слева и выше от могилы. Она сооружена после завершения погребального обряда и густо засыпана красной охрой. В яме пачкой лежали расколотые вдоль длинные кости лося и над ними фигура из переделанного рогового орудия, которое сделано из длинной кости животного, что видно по выступающей костной ткани и частично сохранившемуся желобку. Вначале было оформлено три крупных зубца с одной стороны, затем выделен боковой выступ. Охотничьим орудием изделие быть не могло, потому что вместо острия у него выделено узкое основание, заточенное на четыре грани. На широкой верхней части по обе стороны выступа, отмеченного мелкими насечками и доходящего до выступа-носа, расположены круглые ямки, обозначающие глаза. Один глаз большой и хорошо выделенный, другой только намечен (*рис. 55*). После завершения переделки зубцы бывшего острия оказались перевернутыми, вся поверхность подшлифована, а граненое основание по форме стало похоже на вытянутое основание описанного выше деревянного «идола». Фигура, переделанная из рогового орудия, могла быть специально подготовлена для детского погребения. Оригинальный этот предмет лежал на дне ритуальной ямы и был обращен головой на восток, примерно повторяя ориентацию самого захоронения (*Ошибкина, 1983. С. 185*).

Исключительно редки изображения рыб, которые встречены только в Нижнем Веретье. Обе фигурки вырезаны из плоских костяных пластин, по краям оформлены мелкими зубчатыми нарезками может быть имитирующими чешую. Круглая фигурка с оттянутыми концами имеет отверстие на выпуклой спинке. Другая фигурка рыбки продолговатая, у нее выделен хвостовой плавник, где могла помещаться жилка или леска для привязывания (*рис. 51, 3, 4*). Практического значения эти предметы иметь не могли, чтобы быть приманкой для крупных рыб они слишком малы. Размеры рыб, представленных среди фаунистических остатков и размеры рыболовных крючков, найденных на поселениях и стоянках, известны, для них фигурки из Нижнего Веретья не подходят. Можно заметить, что резчик пытался передать особенности видов. Скорее всего, это лещ и щука, обитатели озерных и речных водоемов Восточного Прионежья, на берегах которых располагались поселения культуры веретье. Хотя рыболовство было освоено обитателями поселений культуры веретье, о чем можно судить по многочисленным поплавам, сложным грузилам, крючкам, этому виду деятельности не придавали особого значения. Поэтому рыболовные острия или гарпуны жители поселений культуры веретье не отмечали орнаментом или какими-то знаками, что отличает их от соответствующих орудий на стоянках сопредельных культур. Объемные изображения промысловых рыб единичны и относятся к позднему периоду существования культуры веретье.

Пластины из рога лося

Большие роговые пластины найдены на поселении Веретье 1, на стоянке Нижнее Веретье и в могильнике Попово, что позволяет считать изделия характерными для куль-

туры веретье предметами, которые обитатели поселений изготавливали и использовали на протяжении всего времени существования культуры, в течение всего бореального периода. Первые находки роговых пластин не были поняты и правильно оценены. Что представляют собой эти предметы? Между основанием рога лося и отростками находится достаточно ровная площадка, размер которой естественно зависит от размера и возраста зверя. Как выяснилось, все представленные экземпляры получены от крупных животных. Пластина чаще прямоугольная, реже может быть неправильной, треугольной или даже трапециевидной формы. Во всех случаях края изделий по срезам, где выступает губчатая ткань, тщательно обрезаны и обработаны короткими срезами с обеих сторон. Для обработки краев применяли орудия с лезвиями из кремневых пластинок, что хорошо видно по следам обработки.

В Веретье 1 найдено восемь больших пластин. Массивность и большой вес подобных предметов позволяет думать, что в большинстве случаев они не передвинуты водой во время затопления поселения и найдены в положении *in situ*. Одна массивная пластина, около 40 см длиной, имеет удлинённую форму, обработана срезами по трем основным сторонам, подправлена на узком конце. По срезам видно, что для обработки краев использовано орудие с острым зубчатым краем, скорее всего, орудием с кремневым лезвием. Как и у других роговых пластин, естественные углубления на ее поверхности слегка углублены (рис. 56). Одно изделие найдено в жилище № 3 (в помещении «Б»), где лежало рядом со второй пластиной меньшего размера (Ошибкина, 1997. Рис. 17). Остальные роговые изделия подобного типа встречены на разных участках поселения. На площадке, где располагалось «святилище» найдена пластина треугольной формы со срезами у основания и углубленными естественными линиями. На ее поверхности группа глубоких изогнутых срезов, расходящихся веером, образует своеобразную фигуру напоминающую птицу с расправленными крыльями (рис. 57). При большой фантазии можно допустить, что резчик пытался изобразить ее в движении.

На стоянке Нижнее Веретье в свое время найдена пластина из рога лося с углубленными естественными линиями и высоким треугольником в середине, заполненным штриховкой в виде елочного рисунка (рис. 31, 5). Как уже сказано выше, рисунок приняли за изображение листа на длинном стебле, но после открытия на поселении Сухое нескольких похожих изображений, стало понятно, что в этом случае, на пластине из Нижнего Веретья схематически представлено жилище в окружении троп. Своеобразная карта или план местности, выполненный древним мастером. Из этого следует, что роговые пластины обитатели мезолитических поселений использовали как основу, подготовленную для нанесения рисунков или планов, выполненных в технике резьбы, весьма примитивной, но вполне понятной обитателям мезолитических поселений.

Интересны условия, в которых найдены две роговые пластины в ритуальной яме около погребения VI могильника Попово. Оба предмета обработаны срезами у основания ствола рога. Они одинаковой формы, но различаются размерами. Большая пластина по краям оформлена глубокими овальными срезами, собранными в вертикальные ряды и образует образующими своеобразный декор (Ошибкина, 2006. Рис. 165, 166). Вокруг погребения VI располагались четыре ямы ритуального назначения. В одной из них (яма № 10), находившейся у ног погребенного, обнаружены отдельные кости двух лосей, бобра и птицы. В этой яме найдены две упомянутые выше роговые пластины, сложенные вместе и густо пересыпанные красной охрой. Таким образом, обитатели поселений культуры веретье в отдельных случаях использовали роговые пластины в погребальных обрядах, возможно придавая им сакральное значение.

Маски

Некоторые находки позволяют обратиться к вопросам, связанным с духовной жизнью древнего населения. Особого внимания заслуживают два предмета неутилитарного назначения или «маски», найденные в Веретье 1. Тщательное изучение планиграфии и стратиграфии поселения позволяет утверждать, что здесь, на песчаной отмели стояли одновременно три больших жилых строения в окружении ряда хозяйственных объектов. Вся территория была затоплена в краткий промежуток времени, заболочена и перекрыта слоями торфа, образовавшегося в конце бореала и затем в суббореале. Более площадка не заселялась. Относительно небольшая мощность культурного слоя и его высокая насыщенность артефактами, фаунистическими остатками и древесиной позволили выявить развалы жилых строений, площадки для обработки орудий из разных материалов, очаги на песчаной подсыпке и сложенные из камней внутри жилищ и в межжилищном пространстве. В результате стало возможно проследить распространение многих предметов по территории поселения и в строениях, что упоминалось выше в отношении подвесок и скульптурных фигур (рис. 39). Это можно отнести и к «маскам».

Антропоморфная личина или маска найдена внутри жилища № 2, около его южной стены. Жилое строение по форме основания и размерам развала не отличалось от других жилищ поселения, но стояло ближе к берегу реки, поэтому сильнее разрушено. Сохранились остатки покрытия пола, состоявшего из мелкой сосновой щепы и бересты. В жилище найдено несколько редких предметов, не характерных для обычного набора хозяйственных орудий. Например, в развале восточной стены лежал упоминавшийся выше кинжал из лопаточной кости лося, на котором по обеим сторонам срезанного гребня вырезан сложный геометрический орнамент, а на самом гребне размещены крестики. Антропоморфная маска найдена вблизи от очага, сооруженного на песчаной подсыпке в центре жилища. Около очага лежал также череп крупного лося, укрепленный на затылочной поверхности.

Маска сделана из верхней части лопатки лося, обрезанной по краям. Нижняя часть лопатки удалена в древности. Вверху под гребнем вырезаны узкие и длинные поперечные отверстия соответствующие глазницам изображения. Около переносицы расположены мелкие вертикальные срезы, что придает «лицу» определенное выражение. По следам срезов хорошо видно, что они выполнены кремневым лезвием. Переносица личины относительно узкая, плавно переходящая в расширенное основание носа, тщательно выделенное срезами. Лицевая часть внизу и обратная поверхность отполированы, причем по правому и частично по левому краям обратной поверхности нанесены ряды мелких косых крестиков (рис. 58). При обработке и полировке поверхности левая сторона лопатки срезана и выровнена шлифовкой, правая более тонкая, оформлена срезами похожими на ретушь при изготовлении кремневых изделий. Несмотря на общую примитивность «маски» ее отличает определенная художественная выразительность.

О назначении маски и ее использовании можно сделать заключение лишь в предположительном смысле. Ее расположение вблизи от очага в жилище позволяет думать, что перед нами домашний сакральный предмет. Об этом можно судить по находкам аналогичных артефактов на памятниках разного времени. Известны два случая, когда в жилищах на стоянках позднего неолита находили небольшие стилизованные глиняные скульптуры, которые часто называют «идолами», бобовидными или «эмбрионовидными» фигурами. В Кубенино, в Архангельской области, глиняная бобовидная фигурка обнаружена на полу жилища, около очага (Фосс, 1940. С. 35). В примерно таких же условиях на стоянке Большой Ларьяк III, распо-

ложенной на реке Вах, Тюменской области, похожее глиняное изделие тоже найдено в жилище. Фигурка здесь лежала около очага, рядом с ямкой заполненной охрой (Мошинская, 1976. С. 36). Территориальная удаленность стоянок позднего неолита очевидна и неоднократно обсуждалась исследователями. На основании этих и подобных находок глиняные фигурки принято считать покровителями дома или домашними божками. Важно отметить, что назначение подобных предметов имеет общее сходство и по значимости в жизни неолитического населения вполне сопоставимо с назначением антропоморфной «маски» из Веретья 1, по крайней мере, объясняет ее присутствие в жилище около очага.

Вторая маска из Веретья 1 имеет совершенно иное оформление и назначение. Она сделана из роговой пластины лося, отрезанной примерно у разветвления рога на две части. Использована часть с тремя отростками, конец каждого укорочен долевыми срезами. Получились отростки разной длины, поэтому изделие похоже на трезубец. Боковые отростки более короткие, на концах сохранились следы срезов и последующего обжига. Длинный средний отросток на самом острие сохраняет орнамент в виде серии тонких резных линий расположенных елочкой (рис. 59). Основание изделия и частично короткая боковая сторона обработаны по краю с двух сторон короткими срезами, выполненными кремневым орудием с зубчатым лезвием. На лицевой стороне фигуры глубокими углублениями показаны узкие косые глазницы, из них левая сверху повреждена. Расположение глазниц под углом к средней оси изделия придает «маске» своеобразное выражение. Внешняя и внутренняя поверхности дополнительно не обрабатывались, отделка ограничена шлифовкой и обжигом концов роговых отростков, обрезкой и выравниванием костной ткани основания.

Маска, которую можно назвать зооморфной, найдена на южном участке поселения, примерно в 6–7 м от жилища № 3. Между выходом из этого жилища и подножием низкой надпойменной террасы было место активной хозяйственной деятельности обитателей поселения. Здесь находилась площадка для обработки кремня, стояла высокая каменная наковальня и около нее берестяная емкость (туес) с заготовками, отщепами и орудиями из качественного кремня голубого цвета, большая шлифовальная плита — все в окружении плотного скопления расколотого кремня и обломков костяных предметов. У подножия террасы находилось углубление или яма (диаметром около 1,0 м, мощностью 0,2 м) с темным заполнением, перекрытая слоем чистого песка, отделявшим ее от культурного слоя. Зооморфная маска лежала непосредственно в темном заполнении ямы, специально засыпанной песком. Поскольку глаза маски показаны условно и не имеют отверстий, возникает вопрос — как ее использовали и для каких действий она предназначалась.

До недавнего времени маски уже находили на памятниках эпохи мезолита, но они всегда являются исключительно редкой находкой, которая сразу привлекала внимание исследователей, как предмет, связанный с духовной жизнью населения.

Впервые маски мезолитического времени, сделанные из черепов благородного оленя (*Cervus elaphus*), найдены на стоянке Стар Карр, в юго-восточной Англии, графстве Йоркшир. Группа из 9 мезолитических стоянок расположена в древней долине Пикеринг, выходящей к Северному морю. Наиболее интересной по составу находок оказалась стоянка Стар Карр (Star Carr), где выявлены остатки дома, занимавшего жилую площадку непосредственно у болотистого берега исчезнувшего озера. Здесь выявлено два культурных слоя пребореального времени. По описанию автора раскопок Г.Д. Кларка (Clark, 1954) среди костяного инвентаря выделялись три изделия из верхней части черепа благородного оленя с проделанными в верхней части отверстиями, предназначенными для привязывания маски к голове охотника. Полностью сохранилась одна маска с четырьмя отверстиями, с укороченными и обработанными срезами рогами.

Появление таких исключительных находок, открывающих духовный мир древних, сразу поставило вопрос о назначении «масок». Отвечая на него, Г.Д. Кларк считал, что их могли применять во время охоты для того, чтобы охотник мог незаметно приближаться к зверю. Казалось вероятным, что древние люди могли также использовать маски из черепов животных в магических действиях, предваряющих охоты. По мнению Г.Д. Кларка стоянка Стар Карр была одним из вариантов культуры маглемозе, где еще сохранялись традиции и приемы охотничьей магии с использованием масок и ритуальных зооморфных фигур, известных со времени мадлена. Примером использования масок в ритуальных действиях нередко считают широко известное зооморфное изображение из пещеры Труа Фрер (Трех братьев) во Французских Пиринеях (*Clark, 1954. P. 170. Pl. XXII*), датированное поздним мадленом. Фигура наглядно сочетает общее строение человека с маской зверя с рогами и хвостом. Она вырезана на скальной поверхности пещеры и окрашена в красный и черный цвет (*Елинек, 1982. С. 351, рис. 584*). Реконструкция изображения принадлежит Х. Брейлю. Двухцветная фигура с ногами человека, с хвостом и в маске с рогами представляет мужчину в ритуальном танце и имеет тотемный характер (*Абрамова, 1994. С. 330*). Иногда это изображение называют «колдуном», помогающим в охотничьей практике (*Gramsch, 1957. S. 176*).

В позднем палеолите Франции известны и другие зооморфные изображения с чертами человека. Например на жезле из пещеры Тэйжа представлены три фигурки с ногами человека, с телом покрытым шерстью и головой с рогами и ушами зверя, что похоже на маски в ритуальных действиях древних (*Елинек, 1982. С. 351. Рис. 585*).

Маски из черепов благородного оленя найдены на трех стоянках Северной Германии. В Штеллмоор (Stellmoor) нижний культурный слой оставленный стоянкой гамбургской культуры, оказался достаточно бедным. Верхний слой, который принадлежит аренбургской культуре позднего палеолита, оказался интенсивно насыщенным остатками деятельности обитателей стоянки. Здесь обнаружено много орудий из камня, кости и рога, десятки наконечников стрел, обломки луков. По составу находок стоянка могла быть местом охоты и забоя животных. В культурном слое стоянки аренбургской культуры найден обломок черепа оленя с отверстиями, характерными для ритуальной маски (*Rust, 1943. S. 210. Taf. 107*). На памятнике были найдены остатки несомненно жертвенных животных — утопленные в воде олени с камнями в грудной клетке (12 особей, возможно, их было около 20), с наконечниками стрел среди костей. Особого внимания заслуживает заостренный у основания сосновый столб, на котором был укреплен череп старого оленя с сохранившимися рогами. В орнаментальных композициях, выполненных на ребрах животных, найденных в Штеллмоор, по мнению А. Руста, отражен мотив ритуального столба, завершенного развесистыми рогами оленя (*Rust, 1936. S. 13–22. Abb. 10*). В общих чертах ритуальный столб с черепами животных напоминает святилище из Веретья 1, где стоял подобный столб, завершенный двумя черепами молодых лосей на вершине, в окружении скоплений фауны и многочисленных обломков наконечников стрел, большей частью деревянных.

В Северной Германии, на мезолитической стоянке Берлин-Бисхов, найден фрагмент еще одной маски из черепа благородного оленя. На сохранившемся фрагменте черепа животного сохранились отверстия для глаз (*Reinbacher, 1956; Schuldt, 1961. S. 130*).

Наиболее совершенные и интересные маски происходят из Хоен Фихельн (Hoen Viecheln) в округе Мекленбург в Германии. Стоянка находится на северном берегу озера Шверинер. Масштабные раскопки показали, что верхний культурный слой неолитического времени отделен мощной стерильной прослойкой (более 0,2 м) от нижнего слоя, оставленного стоянкой мезолита бореального времени. В нижнем слое среди многочисленных изделий из кремня, кости, рога и древесины оказались художественно оформленные предметы. Состав инвен-

таря Хоен Фихельн показывает, что памятник имеет черты характерные для стоянки эпохи мезолита, продолжающей традиции культуры маглемозе Дании (*Schuldt, 1961. S. 113*).

В Хоен Фихельн найдены две маски из черепов благородного оленя. Одна найдена в виде фрагмента и не опубликована. Другая маска сохранилась хорошо, при ее изучении автором раскопок Е. Шульдтом сделан ряд интересных наблюдений. Это изделие имеет четыре отверстия обработанные резьбой с двух сторон. Как полагает Е. Шульдт, маска надевалась на лицо и верхние отверстия служили для привязывания шнура, а нижние приспособлены для глаз. Оставлены короткие основания рогов, имитирующие уши животного. При этом никаких следов от прикрепления или продергивания упомянутого шнура не обнаружено, что объясняется разрушением кожи или меха на черепе животного. С другой стороны выяснилось, что вся поверхность черепа обработана с обеих сторон, удалены выступающие участки кости даже внутри. Отверстия для глаз овальной формы, размером 18x14 мм. Представляется, что эти отверстия слишком малы, чтобы человек в такой маске мог успешно участвовать в охоте. Следовательно, маска из черепа животного являлась деталью ритуального костюма, она могла быть сакральным предметом, который во время мистических представлений, происходивших на стоянке, укреплялся сверху на головном уборе участника представления или шамана (*Schuldt, 1961. S. 156*).

Примерно таким же образом обитатели стоянки Стар Карр могли использовать маски с оставленными длинными частями рогов. Ритуальные обычаи и действия с зооморфными масками, принятые в культуре маглемозе, продолжали традиции, берущие начало в верхнем палеолите, в мадлене, как полагает Г.Д. Кларк. Действительно фигуры с зооморфными масками и рогами представлены в наскальных рисунках и мобильном искусстве. Ярким примером служит упомянутая профильная фигура из Труа Фрер с зооморфной личиной анфас.

О назначении масок и использовании их в ритуальных действиях существуют разные мнения. Не вызывает сомнений только их прямое отношение к редким изображениям, к упомянутым выше фигурам «колдунов» или «дьяволят» из Тэйжи и других необычных фигур. На основании этнографических наблюдений и описаний, исследователи полагают, что собственно охотничьи маски были более древними и натуралистичными. Они должны были передавать сходство с определенным животным и предназначались для ритуальных действий или тотемных представлений. Охотничьи или тотемные пляски, а также другие представления в костюмах и масках, имитирующих животных, относятся к более поздним явлениям. По мнению многих исследователей они связаны с обычаями и представлениями тотемного характера, еще сохранившимся у некоторых современных народов (*Авдеев, 1994. С. 366*).

Остается вопрос о сходстве зооморфных масок, которые в исключительных случаях встречаются на огромной территории лесной зоны Северной и частично Восточной Европы на памятниках эпохи мезолита. Главным образом, вопрос обращен к назначению и использованию масок из черепов животных, а также касается определенного сходства в материальной культуре охотников-собирателей населявших лесную зону Евразии. Известно, что последний ледниковый период завершился таянием материковых ледников и образованием обширных равнин от Северной Европы до Британских островов, которые соединялись с материком на протяжении всего бореального периода (*Квасов, 1975; Galinski, 1997. Rys. 11–14; др.*). В Восточной Европе этого времени возникли приледниковые водоемы, которые постепенно преобразовались в систему больших и малых озер в зоне тундр. Началось движение в северном направлении лесных формаций сменявших тундры. В Северной Европе распространялись лиственные леса, на севере Восточной преобладали таежные формации. Составу лесов соответствовал состав фауны. Повсюду расселялись сначала популяции верхнего палеолита, затем мезолита. Примерно одинаковый образ жизни и уровень развития охотников-собирателей, основой жизнеобеспечения которых была добыча крупных лес-

ных копытных, способствовал распространению на новых территориях популяций охотников-собирателей, сходных по образу жизни, материальной культуре или даже, возможно, близких в этническом отношении. В свое время Г.Д. Кларк заметил, что кремневые и костяные орудия на мезолитических стоянках и случайные находки с разрушенных памятников показывают, что существовало определенное культурное сходство населения в то время, когда Восточная Британия соединялась с континентом, а вместо Балтийского моря существовало Иольдиевое море, затем превратившееся в Анциловое озеро (Clark, 1954. P. 179). В пребореальном и бореальном периодах популяции охотников-собирателей культуры маглемозе в виде разных территориальных и хронологических групп населяли приморские и приозерные равнины от Британии до Прибалтики, могли продвигаться восточнее, до озерных котловин приледникового происхождения на севере Восточной Европы. Есть мнение, что насчитывалось до шести вариантов культуры маглемозе.

Как следует из современных исследований, охотники-собиратели приморских равнин Северной Европы, основной добычей которых были олени, северный и благородный, а позднее лесной лось, по облику материальной культуры и, особенно, по вооружению заметно отличались от населения эпохи мезолита и неолита южных областей Средней Европы, где в вооружении преобладали микролиты. Применение микролитов характерно для стоянок маглемозе западных регионов, где сохранялись традиции тарденуаза (Street, et. al. 2001 P. 403. Fig. 18). В эпоху мезолита от Северной Германии до стоянки Кунда в Прибалтике, в кремневой индустрии населения приморских равнин микролиты являются скорее исключением (Gross, 1940. S. 63). В отношении остального каменного и кремневого инвентаря, бытовых предметов, орнаментации оружия, в выборе мест поселения и устройстве жилищ существует сходство стоянок пребореального и бореального времени, которые относят к культуре/стадии маглемозе.

Отсюда сходство традиций на памятниках культуры и ее вариантов в отношении приемов охотничьей магии, что демонстрирует использование в обрядах зооморфных масок из черепов благородного оленя. Для реконструкции магических действий, принятых у охотников-собирателей верхнего палеолита и мезолита, Г.Д. Кларк обратился к этнографическим аналогиям и сибирским шаманским костюмированным обрядам, как их описывали ученые начала 18 века (Clark, 1954. Fig. 75). В этом отношении представляет интерес наряд тунгусского шамана и способ крепления на его головном уборе ветвистых рогов северного оленя.

Зооморфная маска из Веретья 1 отличается от описанных выше находок со стоянок Северной Европы. Прежде всего, она сделана из рога лося, что вполне объяснимо, поскольку лось был основным объектом охоты в зоне таежных лесов. Массивная роговая пластина требовала собственных приемов обработки и крепления на головном уборе. Однако целью изготовителя в этом случае оставалась имитация головы животного с рогами и намеченными глазами. Очевидно, зооморфная маска из Веретья 1 предназначалась для определенных магических действий, предшествовавших охоте и обеспечивающих ее успех. В таежных лесах Восточной Европы мезолитические охотники-собиратели существовали в своеобразном собственном мире, отличном от стоянок и культур Северной Европы. Тем не менее, сходство ряда памятников мезолита на больших расстояниях вполне очевидно. Оно прослеживается в выборе мест поселения, устройстве жилищ, вооружении, орнаментальных композициях на оружии и бытовых предметах. Редкие находки зооморфных масок показывают, что существовали сходные традиции в магических действиях и обрядах, что могло быть связано с примерно одинаковым образом жизни. Не исключены также дальние миграции охотников-собирателей и длительное сохранение определенной материальной культуры и духовных традиций у отделившихся популяций, вынужденных адаптироваться к условиям существования на новых территориях и в новых природных обстоятельствах.

Основные сюжеты в творчестве населения

«Проницательных наблюдателей всегда поражала в быте и психике дикарей не скудость.... умственного творчества, а наоборот сравнительно с убожеством их внешней обстановки, в пределах данного культурного уровня, удивительно высокое проявление творчества»

Л.Я. Штернберг (1936: 2)

Как показывают материалы поселений и могильников, некоторые темы и сюжеты постоянно представлены в разных видах творчества охотников-собирателей лесной зоны Евразии, в частности у мезолитического населения Восточного Прионежья. Прежде всего, внимание обитателей поселений привлекало природное окружение — флора и фауна таежных лесов, от которых зависело их жизнеобеспечение и само существование. Для понимания основных тем и сюжетов художественного творчества мезолитического населения Севера приходится использовать с известными оговорками этнографические примеры. Мифы, различные приметы и правила жизни, часто не имеющие в наше время рациональных объяснений, сохраняют следы древних верований охотников-собирателей и помогают понять истоки искусства каменного века, дошедшего до нашего времени в исключительно редких случаях.

О лосе и олене

Главными объектами охоты у северных народов на протяжении бореального времени и позднее оставались крупные копытные животные — в основном обитатель лесов лось и, в меньшей степени, северный олень, стада которого совершали сезонные перекочевки из тундр в таежные леса. В количественном отношении среди охотничьей добычи по подсчетам количества особей лось занимает второе место после бобра, но в остальном лось был важнейшим источником не только пищи, но и разного поделочного материала. Большая часть оружия и орудий труда сделана из костей и рогов лося, его шкуру тоже могли использовать для изготовления обуви или покрытия жилья. Кроме бытовых изделий из ребер, суставов, длинных костей, лопаток животного сделана большая часть вооружения мезолитических охотников-собирателей — наконечники копий и стрел, гарпуны, кинжалы и ножи, ритуальные предметы, в том числе кинжал, завершенный схематической фигурой — головой с гривой и поднятыми ушами. К группе оригинальных изделий относится челюсть лося, помеченная сетчатыми рисунками-символами, а также деревянная фигура в виде жезла с головой лося, к сожалению плохой сохранности. Большая часть украшений и ритуальных предметов на памятниках культуры веретье тоже сделана из костей и зубов лося. Зооморфная маска из рога лося дополняет мифологические сведения о лосе и предполагает, что имели место мистические действия охотников-собирателей, которые предвещали охоты или были связаны с праздниками.

Особое внимание к сюжетам, связанным с лосем или оленем, характерно для населения всей лесной зоны Евразии в мезолите и неолите, что нередко объясняют космо-

гоническими представлениями охотников-собирателей. По данным этнографии у многих народов в мифах и верованиях представлены лось или его двойник олень, олицетворяющие солнце, где люди почитают светило главным источником жизни. Известны древние мифы саамов, которые рассказывают, как солнце едет по небу на оленях, или о том, как олень-солнце движется по небесной сфере, как умирающее вечером и вновь возникающее утром божество (*Равдоникас, 1937. С. 22*).

На эту же тему А.П. Окладников сообщает, что охотники тайги представляли солнце как живое существо в виде гигантского лося, за день пробегающего весь небосклон и к ночи погружающегося в бесконечное подземное море. У малых народов Сибири еще существуют предания о гигантском солнечном звере, которые сложились в каменном веке, и в мифах дошли до нашего времени (*Окладников, 1964. С. 59–60*). Известен миф нганасан о шамане и женщинах-лосихах (важенках), сидящих вокруг небесного очага, в котором вместо огня сияют солнечные лучи. Очевидна глубокая древность и повсеместное распространение мифологии, отражающей представления различных по происхождению и этносу народов, обитавших в лесной зоне Евразии.

В связи со сказанным, представляет особый интерес гравировка в виде солярного знака из Веретья 1, крестовидная фигура, состоящая из двух пересекающихся линий, размещенная на фрагменте лопаточной кости лося. Рисунок говорит о внимании обитателей поселения к небесной сфере и солнцу, о существовании мифов связанных с космогоническими представлениями. Интересна такая деталь крестовидного рисунка, как короткие линии по концам основных лучей солярного знака.

Примитивные солярные знаки встречаются в рисунках и орнаментах многих народов. У саамов культ солнца, которое считается матерью всех животных, в том числе оленьих стад, существовал до XVII века. Поэтому почти на каждом шаманском бубне был изображен солярный знак в виде креста, от углов которого тянутся четыре нити — «вожжи» солнца. Знаки или пометки, изображенные между «вожжами» солярного знака или на концах этих линий, обозначали время праздников, также лучшие дни недели для охоты или колдовства (*Харузин, 1890. С. 145*). Содержание этих мифов позволяет составить некоторое представление о назначении рисунков представленных в искусстве эпохи мезолита. Однако основное значение украшений из зубов или костей лося могло быть связано, скорее всего, с подсчетом добычи охотника и его личного успеха в общей охоте.

О птицах

На всех памятниках культуры веретье сохранились многочисленные кости птиц, главным образом водоплавающих, больше всего уток (*Anas*) разных видов, а также лебеди (*Cygnus*) и гуси (*Anser*). Среди охотничьей добычи лесные птицы встречаются редко, представлены отдельными особями, что говорит о преобладании охоты на перелетных птиц. При этом именно кости крупных перелетных чаще всего использовали для изготовления бытовых предметов, таких как игольники. Особое внимание уделяли лебедю, не только потому, что из его красивых полых костей делали емкости или иные вещи. В Веретье 1 представлено объемная фигура, где подчеркнуты детали характерные для этой птицы, которую считали воплощением света, неба, светил, лета (*Равдоникас, 1937. С. 18*).

Среди костей лесных или тундровых птиц, найденных в Веретье 1, особого внимания заслуживает череп полярной или белой совы (*Nyctea scandiaca*), очень крупной особи, очевидно самки (определение Е.Н. Курочкина). Эта находка говорит о близости основной территории культуры веретье к зоне полярных тундр, где обитает этот вид. Среди мелкой скульптуры из Нижнего Веретья есть фигура похожая на сову или филина (*рис. 51, 1*). Еще одна роговая фигурка имеет с нею сходство, но не завершена (*рис. 51, 2*).

В скоплениях остатков охотничьей добычи в ритуальных ямах и скоплениях костей животных вокруг погребений в могильнике Попово из лесных птиц представлены кулик (*Limocolae*), глухарь (*Tetrao urogalis*) и рябчик (*Fritillaria*).

Из водоплавающих птиц на поселениях культуры веретье часто встречаются черепа гагары двух видов — краснозобой (*Gavia stellata*) и чернозобой (*Gavia arctica*). Оба вида гнездятся на севере лесной зоны Евразии, их еще называют кругополярными. Птица считается непригодной в пищу, но у нее красивая фактура черепа, на нее охотились по какой-то особой причине. В Веретье 1 найдено соответственно 4 и 8 черепов гагары двух названных видов (определение Л.И. Алексеевой и Н.И. Бурчак-Абрамовича). Возможно, из рельефных и специально подготовленных и обработанных черепов этих птиц делали украшения в виде подвесок или ожерелий.

Как упоминалось выше, у ног погребения молодого охотника в могильнике Попово найдены кости журавля (*Grus grus*) (определение В.П. Данильченко). Этот случай единственный, на журавля, как правило, не охотились, у многих народов лесной зоны Евразии он считался редкой птицей, связанной со светом или солнцем, поэтому ее кости встречаются на стоянках только в исключительных случаях.

Как охотничья добыча птицы, очевидно, не имели существенного значения, кроме перелетных водоплавающих, добыча которых была сезонной. При этом сохранились объемные изображения птиц, достаточно примитивные, однако узнаваемые, где видны попытки резчика по кости передать особенности натуры. Можно думать, что в отличие от других животных, именно птицы и их изображения у населения культуры веретье играли особую роль, могли быть связаны с верованиями или мифами. Об этом можно судить также по находке скелета утки, найденного в могильном комплексе Попово. Вокруг разрушенной могильной ямы здесь располагались скопления костей животных, сооруженные на одном уровне с верхним уровнем ямы и все засыпанные красной охрой. В одном случае в скоплениях обнаружен большой лось и в другом крупная утка, оба скелета в анатомическом порядке. В остальных скоплениях оказались кости или черепа зайца беляка (*Lepus lepus*). Весь комплекс Песчаница, включая захоронение и отдельно найденный череп архаичного европеоида, является сакральным погребальным сооружением.

О собаках

Останки собак (*Canis familiaris*) найдены на многих памятниках культуры веретье, они представлены костями и черепами, их клыки и расколотые коренные зубы входили в состав сложных ожерелий или служили отдельными подвесками или нашивками на одежду и головные уборы. На заметное число собак в культурном слое стоянки Нижнее Веретье обратили внимание еще при первых раскопках стоянки, по разным определениям они были представлены 3–5 особями (Фосс, 1941. С. 30). В результате современных раскопок (1990 г.) число останков животных на этом памятнике достигло 6 особей. Большое количество собак было найдено в Веретье 1, где представлены черепа и кости 42 особей. На основании этнографических аналогий можно утверждать, что только что прирученных животных обитатели поселений использовали для охраны и охоты, конкретных сведений о применении их в упряжках нет. В экстремальных обстоятельствах собак могли использовать как дополнительный источник питания (Ошибкина, 2000).

Особый случай — сведения об участии собаки в погребальном обряде, прослежен в могильнике Попово. Во всех ритуальных ямах около погребений помещались отдельные кости скелетов собак, но над ямой 12 около детской могилы VII были обнаружены скелеты двух собак — взрослой и молодой особей, остатки которых перекрывали яму заполненную разнообразными приношениями умершему ребенку (Ошибкина, 2006).

С. 100–105). Захоронения умерших в сопровождении определенных приношений возникли в глубокой древности, известны в палеолите. Вещи предназначались для того, чтобы служить в дальнейшей жизни, иными словами у человека сложилось представление о продолжении существования после смерти, вера в загробную жизнь. В случае с детским погребением в могильнике Попово, очевидно, что две собаки были специально убиты для сопровождения и охраны ребенка, судя по сопровождающему его инвентарю мальчика, при его переходе в другой мир. Захоронения собак в погребениях и рядом с ними в отдельных ямах обнаружены в могильниках Скейтхолм I и II в южной Швеции (Larsson, 1989), что только подтверждает распространение этого обычая в мире охотников-собирателей эпохи мезолита, обитавших в лесной зоне около пребореальных и бореальных побережий Балтики и восточнее, около озер ледникового происхождения. Интересно, что по описанию Н. Харузина (Харузин, 1890. С. 318) со ссылкой на результаты раскопок Нордви, обычай сопровождать умершего охотника оружием и собакой сохранялся у лопарей до железного века, когда вместо собаки в могилу помещали раковину улитки Hund-sjai, что означает собачья душа (Ошибкина, 1983. С. 192–198). Очевидна глубокая древность обычая погребения человека в сопровождении собаки, наглядно представленного в могильнике Попово.

Однако в изобразительной деятельности обитателей поселений нет никаких сюжетов связанных с изображением собаки, которая, несомненно, играла важную роль в жизни мезолитических охотников-собирателей. Это животное оставалось оберегом, охраной людей в жизни и после нее. Обычай ношения собачьих зубов сложился еще в древние времена, когда собака была только что приручена и мало отличалась от волка, предположение об охранительном значении украшений из собачьих зубов хорошо иллюстрирует этнографический материал. Л.Я. Штернберг пишет, что в 1905 г. он приобрел для МАЭ у нью-йоркского Музея природы эскимосскую кухлянку с нашитым на нее ожерельем из собачьих зубов. Самое замечательное, что ожерелье было нашито не снаружи, а с внутренней стороны. Таким образом, стало ясно, что оно имело не эстетическое, а охранительное назначение. До сих пор у многих народов сохраняется представление об охранительной силе костей, зубов, когтей особенно мощных и сильных животных. Подобными представлениями объясняется стремление людей носить подвески в виде зубов медведя, ягуара, льва или волка, которые охраняют человеку и передают ему часть своей силы (Штернберг, 1936. С. 304). Среди украшений на всех памятниках культуры веретые клыки и расколотые собачьи зубы особенно многочисленны, встречаются отдельными подвесками или в виде рассыпанных ожерелий.

О жилищах

Этот сюжет часто повторяется, условные изображения жилищ или тектиформы помещены на костяном оружии охотников-собирателей культуры веретые, есть рисунки на роговой пластине, на фрагменте челюсти лося, они включены в орнаментальные композиции. Все изображения жилищ условны, но рассматривая рисунки в совокупности можно заметить, что стилистически они близки, несмотря на различия рисунков, происходящих с разных памятников (рис. 1: 1; 31: 5; 32: 2, 3; 33). Изображения жилищ могли отражать мифы или верования древнего населения. Если они были включены в композицию из прочерченных специально линий разного направления, можно предполагать, что рисунок представлял собой примитивный план местности с указанием мест поселения (Ошибкина, 2010). Аналогии в других культурах мезолита соседних регионов не известны. Некоторое сходство со стилизованными изображениями жилищ представлено на роговом топоре со стоянки Сегebro (Segebro) расположенной на острове Борнхолм (Larsson, 2000) в восточной Дании.

Заключение

Художественное творчество мезолитических охотников-собирателей позволяет составить представление о различных сторонах жизни населения, которое первым осваивало озерный регион на севере Восточной Европы после отступления ледника и продвижения к арктическим побережьям тундр, а затем и лесной зоны. На рубеже пребореала и бореала в Восточном Прионежье образовалась гидросистема из больших озер, отделившихся от древнего приледникового водоема конца плейстоцена. Общая картина палеогеографии основных регионов Севера примерно приближалась к современной географической ситуации. Вокруг больших приледниковых озер и в устьях рек в этот период обосновалась популяция охотников-собирателей, известных как культура веретье, жизнедеятельность которых была основана на охоте на лесных животных и частично на рыболовстве. Здесь существовали постоянные поселения и временные стоянки, вероятно, промысловые. Следует отметить, что уровень развития этой группы населения для своего времени оказался очень высоким. Производит впечатление правильная организация жилищных площадок, развитые приемы домостроительства, сооружение хозяйственных площадок и мест обработки каменного сырья и древесины. Характерна высокая оснащенность населения оружием и орудиями труда из камня, кости, рога, древесины и прочих растительных материалов. Как показали подсчеты массового вещественного материала, полученного при раскопках поселений, основная часть орудий была сделана из камня, костяные и роговые изделия составляли примерно 25% инвентаря. Важной составляющей вещественного материала являются изделия из дерева, в том числе оружие, бытовые предметы, остатки строительных конструкций. Иными словами, культуру веретье не следует считать так называемой «костяной», хотя изделия из органических материалов достигли здесь высокого уровня исполнения и сложности. Обращает на себя внимание исключительное внимание людей к вооружению, его большому количеству и высокому качеству, что говорит о существовании рассматриваемой популяции охотников-собирателей в новом для них и возможно враждебном окружении.

Наряду с оружием и орудиями труда, на поселениях и стоянках культуры веретье найдено заметно большее количество художественно оформленных предметов, чем это обычно встречается на памятниках мезолита в сопредельных регионах. Этот факт не связан только с длительностью существования поселений и образованием мощных культурных слоев. На протяжении всего бореального времени происходило изменение природной обстановки и население меняло места обитания, что зависело, в частности, от уровня водоемов и направления стока рек. С течением времени происходили определенные изменения в материальной культуре населения, что соответствует естественным результатам адаптации к условиям существования. Со временем должна была происходить некоторая потеря первоначальных традиций культуры, однако это не оказало решающего влияния на исключительно высокий уровень развития рассматриваемой популяции эпохи мезолита.

Приемы орнаментации оружия и некоторой части орудий труда оказались наиболее консервативными и долго оставались традиционными и устойчивыми сторонами материальной культуры. Особенность длительного сохранения орнаментальных традиций отчетливо видна на примере оружия с орнаментами геометрического стиля. Оружие из кости, рога и даже дерева отличается прекрасной обработкой и геометрической орнаментацией, характерной для ранних поселений, повторяющейся в разных вариантах на поздних памятниках культуры веретье. Остальные виды орнаментации реже представлены на вещах в ранних памятниках, почти не встречаются на предметах в поздних стоянках, затем постепенно исчезают совсем.

Метки на оружии являются редким, тем не менее, исключительно важным свидетельством раннего формирования правил разделения охотничьей добычи и очевидном существовании сложившихся представлений о различном вкладе человека в общие достижения. О выделении некоторых членов популяции как самых удачливых охотников или старейшин можно судить по составу и качеству погребального инвентаря в могилах. Особое положение некоторых людей говорит о структурированном обществе, где уже могли выделяться старейшины, где было принято заботиться о тех, кто не мог обеспечить себя охотой, о стариках и детях. Некоторые находки определенно свидетельствуют о том, что здесь уже было принято заботиться об обучении детей охоте и бытовой деятельности на примере взрослых, для чего изготавливали детские оружие, орудия труда и игрушки.

О духовной жизни мезолитических охотников-собираателей позволяют составить представление правила и особенности погребального ритуала, предметы искусства и сохранившиеся сакральные предметы. К ним относятся маски, стилизованные антропоморфные изображения, гравированные фигуры и знаки, скульптурные фигуры птиц и рыб. Вся группа объемных фигур, которые можно считать первобытной скульптурой, отличается исключительным примитивизмом, что говорит о первых попытках человека эпохи мезолита проявить свои способности в изобразительной деятельности. То же самое можно видеть среди гравированных рисунков и знаков, в которых определенно содержится информация о важных событиях или мифах, понятная только для их создателей. В материалах поздних памятников культуры веретье замечен переход к более конкретной изобразительной деятельности, хотя и достаточно далекой от реалистических приемов отображения действительности. Самой выразительной и характерной особенностью творчества охотников-собираателей остаются орнаментированные предметы, причем, только орнаменты при описании могут быть структурированы по группам, которые сохраняются, изменяются со временем и в ряде случаев сопоставимы с группами принятых условных знаков и символов. Творческая деятельность населения эпохи мезолита долгое время оставалась достаточно примитивной. В ее основе можно видеть соблюдение традиционных приемов орнаментации, исполнения гравировок, меток и знаков, изготовления объемных фигур.

Весь комплекс археологического материала и сведений о культуре веретье показывает ее своеобразие в сравнении с мезолитическими этнокультурными образованиями на сопредельных территориях. Существует предположение о существовании в мезолите в лесной зоне Восточной Европы и Зауралье некоей общности населения, с чем трудно согласиться. Количество населения в эпоху мезолита в лесной зоне Евразии оставалось незначительным до среднего неолита. К эпохе неолита относят первые признаки оседлости населения и частичного освоения производящих форм хозяйства, что привело к резкому росту народонаселения и получило название демографической революции. Но в мезолите еще многие популяции вели подвижный образ жизни, связанный с охотой на лесную фауну, зачастую в процессе миграций охотники-собираатели не оставляли следов стоянок и жилищ, тем более хорошо структурированных поселений.

В этом отношении культура веретье в Восточном Прионежье и население, обитавшее вокруг Онежского озера, являются скорее всего исключением. В этих регионах существовали популяции охотников-собирателей, в среде которых формировались сложные сообщества, оставившие поселения, временные стоянки и могильники. Они отличались от существовавших восточнее культур мезолита с более мобильным образом жизни, таких как сухонская, культуры Верхнего Поволжья, Приуралья и Зауралья. Отличия названных культур в каменном, костяном инвентаре, искусстве и устройстве поселений очевидны. Каждая из перечисленных культур занимает определенную, чаще небольшую территорию, внутри которой могли долго существовать и перемещаться конкретные популяции охотников-собирателей, не создавая никаких объединений или общностей. В каких-то обстоятельствах между ними могли возникать и военные столкновения, хотя не исключены были и определенные связи, о чем можно судить по распространению некоторых аналогий среди форм оружия, а также по данным палеоантропологии, говорящим о контактах и смешении отдельных групп населения. При всех обстоятельствах наиболее консервативной и характерной стороной материальной культуры каждой популяции оставались артефакты, связанные с традиционным искусством.

Проблемой является сходство археологических материалов и предметов искусства культуры веретье, особенно на ранних этапах ее существования, с памятниками среднего мезолита в Прибалтике и на Северогерманской равнине, что показали в свое время еще первые материалы стоянки Нижнее Веретье и подтверждают исследования последних лет на других памятниках Восточного Прионежья. Вероятно, в пребореале и начале бореала у южных побережий Анцилового озера и в бассейнах нескольких крупных водоемов ледникового происхождения не происходило направленных миграций населения, но имело место постепенное передвижение охотничьих коллективов на свободные земли с привычным для них природным окружением. Освоение новых территорий завершалось оседанием в удобных и привычных для жизни экологических нишах, но могло также иметь обратное движение или завершаться физическим исчезновением популяции. Все события эпохи мезолита могли быть периодическими и кратковременными, что приводило к сложным отношениям и смешению различных групп населения.

Представление об эпохе мезолита как о времени заселения лесной зоны Восточной Европы или даже всей Северной Евразии малыми подвижными группами «бродячих» охотников-собирателей постепенно изменяется. Открытие новых памятников мезолита, показывает, что уже 8–10 тыс. лет назад в некоторых регионах лесной зоны существовали группы населения, материальная и духовная культура которых находилась на исключительно высоком уровне исторического развития.

Литература

- Абрамова З.А.* 1994. Человек в искусстве палеолита. Женские изображения // Художественная культура первобытного общества. СПб. Изд. «Славия». С. 317–331.
- Авдеев А.Д.* 1994. Происхождение театра // Художественная культура первобытного общества. Изд. «Славия». СПб. С. 354–378.
- Брюсов А.Я.* 1947. Заселение Севера европейской части СССР по археологическим данным // Ученые записки ЛГУ. Серия востоков. наук, вып. 2.
- Величко А.А., Долуханов П.М., Куренкова Е.И.* 2008. Система адаптации: человек — социально-хозяйственная структура — окружающая среда в позднем палеолите, мезолите и неолите Восточной Европы // Путь на Север. Окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и субарктики. Мат-лы конференции. Междунар. полярный год. М. Изд. ГЕОС. С. 14–32.
- Гвоздовер М.Д.* 1953. Обработка кости и костяных изделий Авдеевской стоянки // МИА № 39.
- Гурина Н.Н.* 1982. Время, врезанное в камень. Мурманск. Мурманское книжное изд. 120 с.
- Гурина Н.Н.* 1956. Оленеостровский могильник // МИА № 47. М.-Л. Наука. 430 с.
- Гущин А.С.* 1937. Происхождение искусства. Л. — М. Изд. Искусство. 126 с.
- Елинек А.* 1982. Большой иллюстрированный Атлас первобытного человека. Прага. Изд. Артия. 560 с.
- Жилин М.Г.* 2001. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. Изд. УРСС. 326 с.
- Жилин М.Г.* 2002. Мезолитические комплексы стоянки Ивановское VII // Жилин М.Г., Костылева Е.Л., Уткин А.В., Энговатова А.В. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья. М. Наука. С. 9–39.
- Житенев В.С.* 2007. Изучение подвесок из зубов животных ранней и средней эпох верхнего палеолита Русской равнины // Проблемы археологии каменного века. Памяти М.Д. Гвоздовер. М. Изд. Дом еврейской книги. С. 40–61.
- Жульников А.М.* 2006. Петроглифы Карелии. Образ мира и миры образов. Изд. «Скандинавия». 223 с.
- Замятнин С.Н.* 1948. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите северо-восточной Европы // СА, X. С. 85–123.
- Зимица М.П.* 1992. Искусство в неолите — энеолите. Запад Русской равнины // Искусство каменного века. М. Наука. С. 112–130.
- Иванов С.В.* 1963. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX — начала XX в.) // ТИЭ. Т. 81. М.-Л.
- Иностранцев Ф.Ф.* 1882. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб. 244 с.

Калинина И.В. 2006. Орнаментальные композиции на мезолитических наконечниках стрел в связи с культовым характером пещеры Камень Дыроватый // ТАС, вып. 6. Т. 1. Тверь. Изд. «Триада». С. 393–402.

Квасов Д.Д. 1975. Позднечетвертичная история крупных озер и внутренних морей Восточной Европы. Л. Наука. 278 с.

Колпаков Е.М. 2007. Петроглифы Кенозера: типологический анализ (по состоянию на 2005 г.) // Кольский сборник. СПб. Изд. «Элексис Принт». С. 155–191.

Крайнов Д.А. 1978. Кремневые и костяные скульптуры из стоянок Верхнего Поволжья // Древняя Русь и славяне. М. Наука. С. 101–110.

Крайнов Д.А. 1992. Искусство в неолите-энеолите. Русская равнина, Центр. М. Наука. С. 68–111.

Кривальцевич Н.Н. 1985. Исследования в припятской части Белорусского Полесья. // АО, 1985. М. Наука. С. 455–456.

Куратов А.А. 1978. Археологические памятники Архангельской области. Архангельск. Изд. Архангельского обкома КПСС. 103 с.

Леви-Брюль Л. 1930. Первобытное мышление. Л. Изд. «Атеист». 338 с.

Лозе И.А. 1979. Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига. Изд. «Зинатне». 204 с.

Лозовский В.М. 2001. Вопросы перехода от мезолита к неолиту в Волго-Окском междуречье (по материалам стоянки Замостье 2) // Материалы международной конференции «Каменный век Европейских равнин». Сергиев-Посад. Изд. «Подкова». С. 265–272.

Мошинская В.И. 1976. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М. Наука. 131 с.

Окладников А.П. 1964. Олень золотые рога: Рассказы об охоте за наскальными рисунками. Л.-М. Изд. Искусство. 239 с.

Окладников А.П. 1967. Утро искусства. Л. Изд. Искусство. 135 с.

Ошибкина С.В. 1983. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М. Наука. 295 с.

Ошибкина С.В. 1992. Искусство эпохи мезолита // Искусство каменного века. М. Наука. С. 7–40.

Ошибкина С.В. 1983. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М. Наука. 295 с.

Ошибкина С.В. 1997. Веретье 1. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М. Наука. 204 с.

Ошибкина С.В. 2000. Культура веретье. Характеристика поселений // De Temporibus Antiquissimis ad honorem L. Jaanits. Tallinn. «Toimetused». P. 147–166.

Ошибкина С.В. 2000. Доместикация и использование собаки в мезолите // Истор. Ежегодник. Спец. выпуск к 70-летию В.И. Матющенко. Омск. Изд. ОмГУ. С. 148–165.

Ошибкина С.В. 2006. Мезолит Восточного Прионежья. Культура Веретье. 322 с. Изд. «Гриф и К». Тула. 322 с.

Ошибкина С.В. 2010. Жилище эпохи мезолита // Матэрыялы па археалогі Беларусі // Materials of the archaeology of Belarus. Вып. 18. Минск. С. 101–113.

Ошибкина С.В. 2012. Процесс колонизации Севера Восточной Европы в мезолите // ВА, № 22. С. 43–54.

Поляков И.С. 1882. Исследования по каменному веку в Олонецкой губернии, в долине Оки и на верховьях Волги. ЗРГО, отд. этнографии, т. IX. СПб. Изд. Ивансон. СПб. 167 с., 10 табл.

Попова Т.А. 2001. Новое в изучении скульптуры Оленеостровского могильника на Онежском озере // Каменный век Европейских равнин. Материалы международной конференции. Сергиев Посад, изд. «Подкова». С. 120–125.

Равдоникас В.И. 1937. Элементы космических представлений в образах наскальных изображений // СА. № 4. С. 11–32.

- Рыбаков Б.А.* 1981. Язычество Древних славян. М. Наука. 607 с.
- Савватеев Ю.А.* 1970. Залавруга. Л. Наука. 443 с.
- Савватеев Ю.А.* 1990. Каменная летопись Карелии. Петрозаводск. Изд. «Карелия». 119 с.
- Сало У.* 1978. Доисторическое прошлое Финляндии и его археологическая картина в свете аналогий предоставляемых лапландской культурой // *Slovenska archeologia*. XXVI-I. Separatny vytlacok. С. 79–85.
- Савченко С.Н.* 2006. Мезолитические наконечники стрел восточноевропейских типов в Шигирской коллекции Свердловского областного краеведческого Музея // ТАС, вып. 6. Т. 1. Тверь. Изд. «Триада». С. 214–223.
- Серигов Ю.Б.* 2003. Орнаментированные наконечники стрел эпохи мезолита с пещерного святилища на Камне Дыроватом (р. Чусовая) // *Образы и сакральное пространство древних эпох*. Екатеринбург. Изд. «Аква-Пресс». С. 73–82.
- Симченко Ю.Б.* 1976. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М. Наука. 311 с.
- Сорокин А.Н.* 2014. Стоянка и могильник Монино 2 в Подмосковье: костяной и роговой инвентарь. М. Изд. ООО «Аквариус», Тула.
- Столяр А.Д.* 1983. «Жезлы» онежских петроглифов и их материальные прототипы // *Изыскания по мезолиту и неолиту СССР*. Л. С. 145–158.
- Студзицкая С.В.* 1998. Мелкая пластика неолита Прибайкалья. Изобразительные традиции // ВА, вып. 5. С. 207–229.
- Студзицкая С.В.* 2001. Некоторые мотивы древнего искусства лесной Евразии (семантический аспект) // МИФ 7. София. С. 172–190.
- Толмачев В.Я.* 1913. Древности Восточного Урала // *Материалы по первобытной историко-бытовой археологии зауральской части Пермской губернии*. ЗУОЛЕ, т. XXXI, вып. 2.
- Филатова В.Ф.* 2009. Проблемы изучения экологической и культурной адаптации населения Карелии эпохи мезолита // *Адаптация культуры населения Карелии к особенностям местной природной среды периода мезолита — Средневековья*. Гуманитарные исследования. Вып. 4. Изд. Копистар — Оптима. С. 9–43.
- Формозов А.А.* 1980. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М. Наука. 135 с.
- Формозов А.А.* 1983а. К проблеме «очагов первобытного искусства» // СА № 3. С. 5–13.
- Формозов А.А.* 1983б. Начало изучения каменного века в России. Изд. «Наука». 127 с.
- Формозов А.А.* 1998. М.Е. Фосс и проблема неолитических культур // *Очерки истории отечественной археологии*. Вып. II. М. Изд. «Богородский печатник». С. 214–228.
- Фосс М.Е.* 1940. Стоянка Кубенино // СА 5. С. 31–63.
- Фосс М.Е.* 1941. Стоянка Веретье // Тр. ГИМ. Вып. XII. М. С. 21–70.
- Фосс М.Е.* 1952. Древнейшая история севера Европейской части СССР // МИА № 29. М. Наука. 280 с.
- Фролов Б.А.* 1994. Познавательное начало в изобразительной деятельности примитивного человека // *Художественная культура первобытного общества*. СПб. Изд. «Славия». С. 338–342.
- Харузин Н.* 1890. Русские лопари (очерки прошлого и современного быта). М. Тов. Скоропечатня А. А. Левенсон.
- Цветкова И.К.* 1969. Украшения и скульптура из неолитического поселения Черная Гора // *Экспедиции ГИМ*. М. «Союзтеапром». С. 25–38.
- Шевелев В.В.* 1986. Кремневая скульптура из окрестностей озера Лача // СА, № 1.
- Штернберг Л.Я.* 1936. Первобытная религия в свете этнографии. Л. Изд. Института народов Севера. 572 с.

- Andersen S.H.* 1993. Mesolithic coastal settlement // *Digging into the Past. 25 years of archaeology in Denmark.* Aarnus Universitetsverlag. P. 64–68.
- Burov G.M.* 1999. Die mesolithischen Schlittenformen in Nordosteuropa // *Den Bogen spannen... Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas 20.* Beier und Beran. Weissbach. S. 117–137.
- Butrimas A.* 2000. Human figurines in Eastern- Baltic Prehistoric art // *Prehistoric Art in the Baltic region.* Vilnius Academy of Fine Arts Lithuania. Vilnius. P. 7–29.
- Butrimas A.* 2013. New data on the Donkalis and Spiginas (West Lithuania) mesolithic cemeteries // *Mesolithic burials — Rites, symbols and social organization of early postglacial communities.* Landesmuseum für Vorgeschichte. Halle (Saale). P. 8.
- Clark J.G.D.* 1936. *The Mesolithic settlement of Northern Europe.* Cambridge. P. 215.
- Clark J.G.D.* 1954. *Excavation at Star Carr.* Cambridge. At the University Press. 200 p.
- Clark J.G.D.* 1975. *The earlier Stone Age settlement of Scandinavia.* Cambridge. P. 285.
- Hakala Antero V.K.* *Oridin and prehistory of the Fennoscandian reindeer with reference to the taxonomy and background in glacial Europe // Varhain Pohjoisessa early in the North.* MAA – the Land. Helsinki. University. P. 59–80.
- Galinski T.* 1997. *Mezolit Europy.* Szczecin. Drukarnia ZAPOOL. 259 p.
- Galinski T.* 2014. *Obozowiska lowieckie ze Schylku preborealnu w Bolkowiu na Pomorzu zachodnim // Archeologia Polski.* T. LIX, z. 1–2. S. 79–120.
- Gramsch B.* 1957. *Holenfelsbilder des Eiszeitalters // Wissenschaft und Fortschritt.* Heft 5. S. 173–175.
- Gramsch B.* 2000. *Friesack: Letzte Jäger und Sammler in Brandenburg // Jahrbuch des römisch — germanischen Zentralmuseums.* 47. Jahrg. T. 1–6. Mainz. S. 51–96.
- Gramsch B.* 2002. *Holz, Rinde, Bast — Werkstoffe des Mesolithikums // Praehistoria Thuringica 8.* Artern. S. 89–94.
- Gramsch B.* 2008. *An early Mesolithic ornamented bone implement from the Friesack-4 site in northern Germany // Man — Millennia — Environment studies in honour of R. Schild.* Warsaw. Institut of Archaeology and Ethnology PAS. P. 39–43.
- Gron O.* 1987. *Reconstruction of the Social Structure of the Maglemose culture of the Southern Scandinavia and Northern Germany // MM.* V. 8, no 1. University of Wisconsin. Madison, Wisconsin. USA.
- Gross H.* 1940. *Die Renntierjäger — kulturen Ostpreussens.* — PZ, Bd. XXX-XXXI.
- Indreko R.* 1948. *Die mittlere Steinzeit in Estland.* Stockholm.
- Larsson L.* 1978. *Agerod I: B — Agerod I: D. A Study of Early Atlantic Settlement in Scania.* *Acta Archaeologica Lundensia 4:12* Lund. 258 p.
- Larsson L.* 1989. *Late mesolithic Settlements and Cemeteries at Skateholm, Southern Sweden // The Mesolithic in Europe.* Edinburgh.
- Larsson L.* 1990. *The Mesolithic of Southern Scandinavia // World Prehistory,* v. 4, No. 3. P. 157–309.
- Larsson L.* 2000. *Expressions of art in the Mesolithic society of Scandinavia // Prehistoric art in the Baltic region.* Vilnius. Academy of Fine Arts Lithuania. P. 31–61.
- Loze I.* 1983. *Akmens Laikmeta Maksla Austrumbaltija.* Riga. Sinatne. 136 p.
- Lozovski V. M.* 1996. *Zamostje 2. Editions du Cedars.* Treignes, Belgique. 97 p.
- Oshibkina S.* 2009. *Ornaments, Signs and Engravings on the Veretje culture tools // Understanding the Past. Papers offered to S.K.Kozłowski.* University of Warsaw. P. 265–274.
- Oshibkina S.* 2000. *Art of the Veretje culture // Lietuvos archeologija,* 19. Skiriama Rimutes Rimantienės 80-mecini. Vilnius. P. 241–249.
- Palsi S.* 1920. *Ein steinzeitlicher Moorfund bei Korhilahti im Kirchspiel Antrea, Lan Viborg // SMYA.* XXVIII, 2.

Pionka T., Kowalski K., Malkiewicz M., Kuryszko J., Socha P., Stefaniak K. 2011. A new ornamented artefact from Poland: final Paleolithic symbolism from an environmental perspective // *Journal of Archaeological Science* 38. P. 723–733.

Rimantiene R. 1994. Die Steinzeit in Litauen. Sonderdruck aus Bericht der Romisch — Germanische Kommission 75. Philipp von Saubern. Mainz am Rhein. S. 146; Taf. 52.

Rust A. 1937. Das altsteinzeitliche Renntierjagerlager Meiendorf. Neumunster. S. 186.

Rust A. 1943. Die alt- und mittelsteinzeitlichen Funde von Stellmoor. Neumunster.

Schuldt E. 1961. Hohen Viecheln. Ein mittelsteinzeitlichem Wohnplatz in Mecklenburg. Berlin. Akademie — Verlag. 156 S. 144 Taf.

Street M., Baales M., Czesla E., Hartz S., Heinen M., Joris O., Koch I., Pasda C., Terberger T., Vollbrecht J. 2001. Final Paleolithic and Mesolithic Research in Reunified Germany // *Journal of World Prehistory*. Vol. 15, 4. P. 365–453.

Vankina L. 1999. The collection of stone age bone and antler artefacts from lake Lubana. Catalogue. N.I. M.S. Ltd. Riga. 290 p.

Zagorska I. 2000. The art from Zvejnieki burial ground, Lavia. Vilniaus Dailes Akademijos Darbai. Vilnius. P. 79–92.

Zagorska I., Lougas L. 2000. The tooth pendant head-dresses of Zvejnieki cemetery // *De Temporibus antiquissimis ad honorem I. Jaanits*. Tallinn. P. 223–244.

Zagorska I., Zagorskis F. 1989. The Bone and Antler Inventory from Zvejnieki II, Latvian SSR // *The Mesolithic in Europe. Papers presented at the third international symposium*. Ed. C. Bonsall. Edinburgh. P. 414–423.

Summary

Creativity of Mesolithic hunters-gatherers gives us a idea of different sides of life of population, which first colonized the lake-land in East European North migrating to the Arctic shores of tundra and, later, the forest zone, after the glacier melted. On the verge of pre-Boreal/Boreal in Eastern Onega-lake region there formed a system of big lakes, separated from the ancient glacier lake of late Pleistocene. The general paleogeographic configuration of main regions of the North resembled the current areas adjoining glacier lakes populated by hunters-gatherers, also known as the Veretie culture. Their living was based on hunting forest animals and, partially, fishing. This territory features permanent (basic) and temporary settlements, probably used for hunting and fishing. It should be stressed that the level of civilization of this population group was very high for that time period. The regular structure of their dwellings, their construction techniques, presence of household places and places used for processing stones and wood are impressive. Impressive is, also, high availability of weapons and tools made of stone, antlers, wood and other vegetative materials.

Our calculations of the artifacts obtained by excavating settlements show that the most of the tools were made of stone, while bone and antler artifacts amount only to 25%. An important part of inventory are presented by wooden artifacts including weapons, household objects, remains of constructions. In other words, the Veretie culture should not be considered the so-called “bone” culture, though artifacts made of organic substances are on a high level of sophistication and complexity.

It should be noted, that the exceptional focus on weapons, their considerable amounts and high quality show that this hunters-gatherers population existed in an environment that was new and hostile to them.

Along with weapons and tools the sites of the Veretie culture feature notably more of decorated objects than it usually happens at Mesolith sites in adjoining regions. This fact is not only caused by the duration of existence of settlements and formation of thick cultural layers. During Boreal the environment changed and population changed its places depending, partially, on the water level and flow direction of rivers. With time being material culture of the population changed, due to the results of adaptation to the environment.

With time being some losses of the cultural traditions must have taken place, however, this didn't influence the exceptionally high level of development of this Mesolithic population group.

Ornamentation techniques were kept up for a long time period which is clearly seen in case of weapons decorated with geometric ornaments. Weapons made of bone, antlers and even wood are perfectly manufactured and decorated with geometric ornaments characteristic of early settlements. It is repeated in variations at the Veretie culture sites later too. Other types of ornaments are less frequent at early sites, become almost unique later and then become totally extinct.

Marked weapons are rare, still, exceptionally important evidence of formation of hunting rules of distributing the catch at early stages and obvious existence of fully formed-up concept of differentiated personal share in the final result.

Some members of the community were honoured as the most skillful hunters or elders. This can be seen from the contents and quality of inventory in the graves. Special status of the some community members proves that the community was structured, it had the notion of elders and had the tradition of care after those members who couldn't provide themselves by hunting — children and old people. Some finds definitely prove that it was already appropriate to teach children how to hunt and perform household activities as the adults did. For this purpose these people made, along with toys, weapons and tools for children.

We can form up some ideas of what the spiritual life of these Mesolithic hunters-gatherers was like by their funeral rules and rituals, their pieces of art and sacred objects. They are: masks, stylized anthropomorphic drawings, engraved symbols and signs, sculptures of fishes and animals.

The whole group of three-dimensional figures, which can be regarded as stone-age sculpture, is exceptionally primitive, proving to be the first attempt of the Mesolithic man to try his skills in fine arts. The same is true for engraved drawings and signs, which definitely contain information on important events or myths, comprehensive only for their creators. In materials coming from later sites of the Veretie culture we can see a shift towards more concrete art, although, still, far from realistic techniques of depicting reality. The most expressive specific feature of the art of hunters-gatherers are ornamented objects. Only ornaments can be structured into stable groups, that change with the time being and, in a number of cases, can be related to groups of acknowledged signs and symbols. The artistic activity of the Mesolithic population remained rather primitive for a long time period. It is based on using traditional techniques of ornamentation, engraving, marks and signs, manufacture of three-dimensional figures.

The whole complex of the Veretie culture archaeological material and data shows us the peculiarity of this culture in comparison to Mesolithic cultures on adjoining territories. There is a hypothesis that in Mesolithic, in the forest zone of the Eastern Europe and territories behind the Ural mountains there existed a certain community. This hypothesis can hardly be accepted. The population in the Mesolithic in the forest zone of Eurasia wasn't numerous till mid-Neolithic. It is commonly accepted that first signs of sedentary and partial producing of food appeared in the Neolithic and gave rise to dramatic growth of population, which was later called "demographic revolution". In Mesolithic there were many mobile groups, their way of life determined by hunting forest game. Most often than not, when migrating, the hunters-gatherers left no traces of settlements or dwellings, much less so, well-structured settlements. In this respect, the Veretie culture and population of late Mesolithic living in the vicinity of the Onega lake, on the territory of present-day Karelia, is, most surely, an exception. Here existed groups of settlements and sites and, probably, formed up a complex of permanent communities which differed from Mesolithic cultures with more mobile population situated to the East, such as the Sukhona culture of the upper Volga river, near-Ural and behind-the-Ural mountains territories. Differences of these cultures as far as stone and bone inventory and the art of organizing settlements are concerned are obvious. Each of the mentioned cultures occupied a definite, mostly small, territory within which populations of hunters-gatherers could migrate and live for a long time forming no unions or communities. In certain circumstances there could rise military conflicts between them. Still we cannot exclude existence of certain ties, which is proved by the spread of some analogies of the forms of weapons. We can also say so based on paleoanthropological data proving contacts and cross-marriages of some population groups. In all circumstances, the most conservative characteristic feature of material culture of each population are artifacts related to traditional art.

The problem is similarity of archaeology material of the Veretie culture, especially at its early stages, to those from mid-Mesolithic sites in the Baltic states and the North German plain. It was proved by first materials from the Nizhnee Veretie site and recent research of other sites of the Eastern Lake Onega region.

Probably, no intended migration took place in pre-Boreal and early Boreal on the southern coasts of the Ancil lake and basins of several large glacier lakes, but hunters' groups moved, gradually, to vacant lands with environment customary for them. The result of colonization of new territories was settling down in comfortable and habitual environment. It could also end in moving backwards as well as full physical destruction of a population group. All events taking place in the Mesolithic were periodic and short-term, which led to complicated relations and mix of various population groups.

The vision of Mesolithic as the time when the forest zone of Eastern Europe and even the whole Eurasian territory was colonized by small groups of "wandering" hunters-gatherers is gradually changing. Recently discovered Mesolithic sites prove that as early as 8–10 thousand years ago some territories of the forest zone were populated by groups whose material and spiritual culture was at an exceptionally high level.

Список сокращений

- АО — Археологические открытия
ВА — Вестник антропологии
ГИМ — Государственный Исторический музей
ГЭ — Гос. Эрмитаж
ЗУОЛЕ — Записки Уральского общества любителей естествознания
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
СА — Советская археология
ТАС — Тверской археологический сборник
ТИЭ — Труды Института этнографии
ТрГИМ — Труды Исторического Музея
ММ — Mesolithic Miscellany
ЭО — Этнографическое обозрение

Иллюстрации

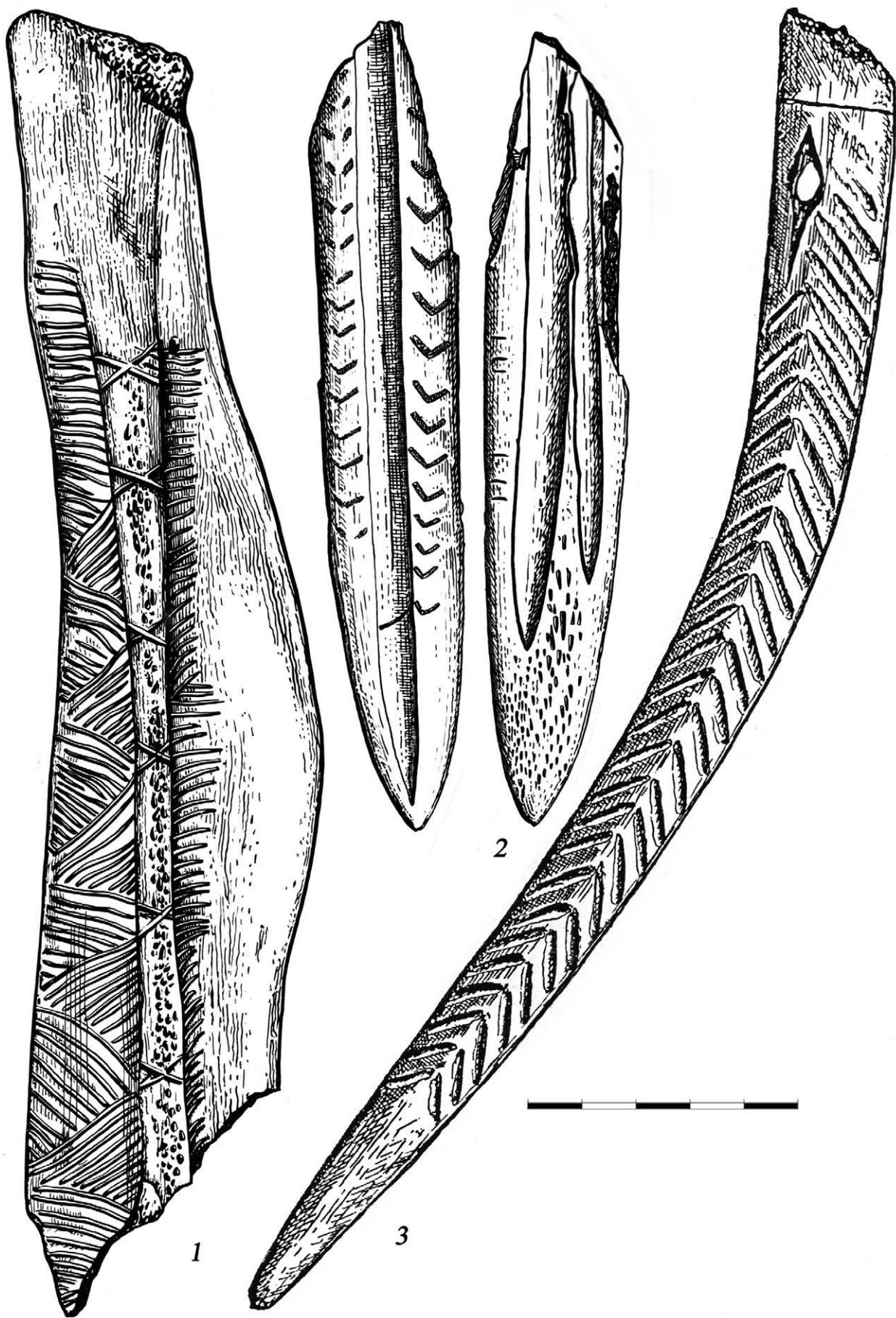

Рис. 1. Геометрический орнамент.

1, 2 — Веретъе 1; 3 — Лукинчиха

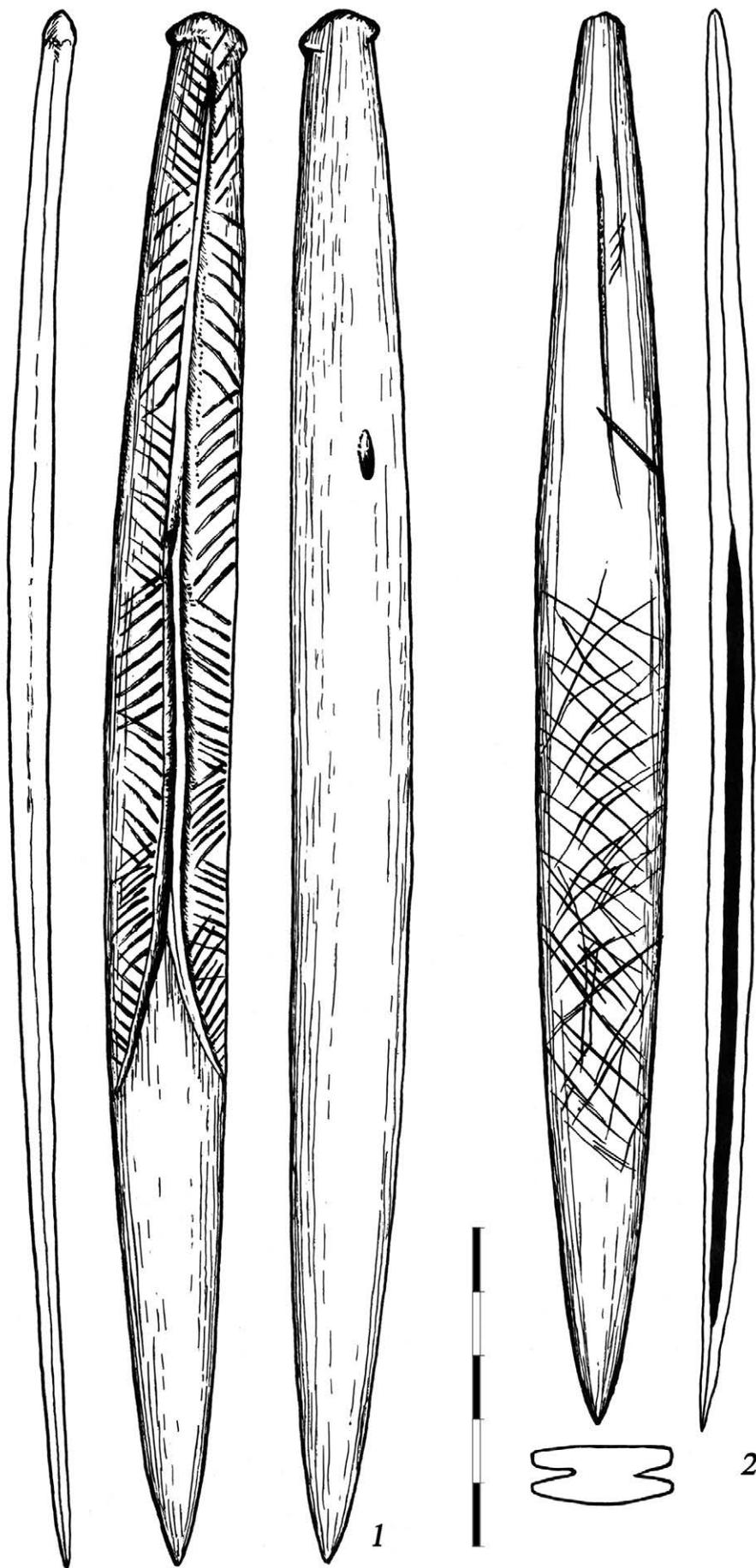

Рис. 2. Веретъе 1. Кинжалы с геометрическим и прочерченным орнаментом

Рис. 3. Веретъе 1. Кинжалы с геометрическим орнаментом. Фото

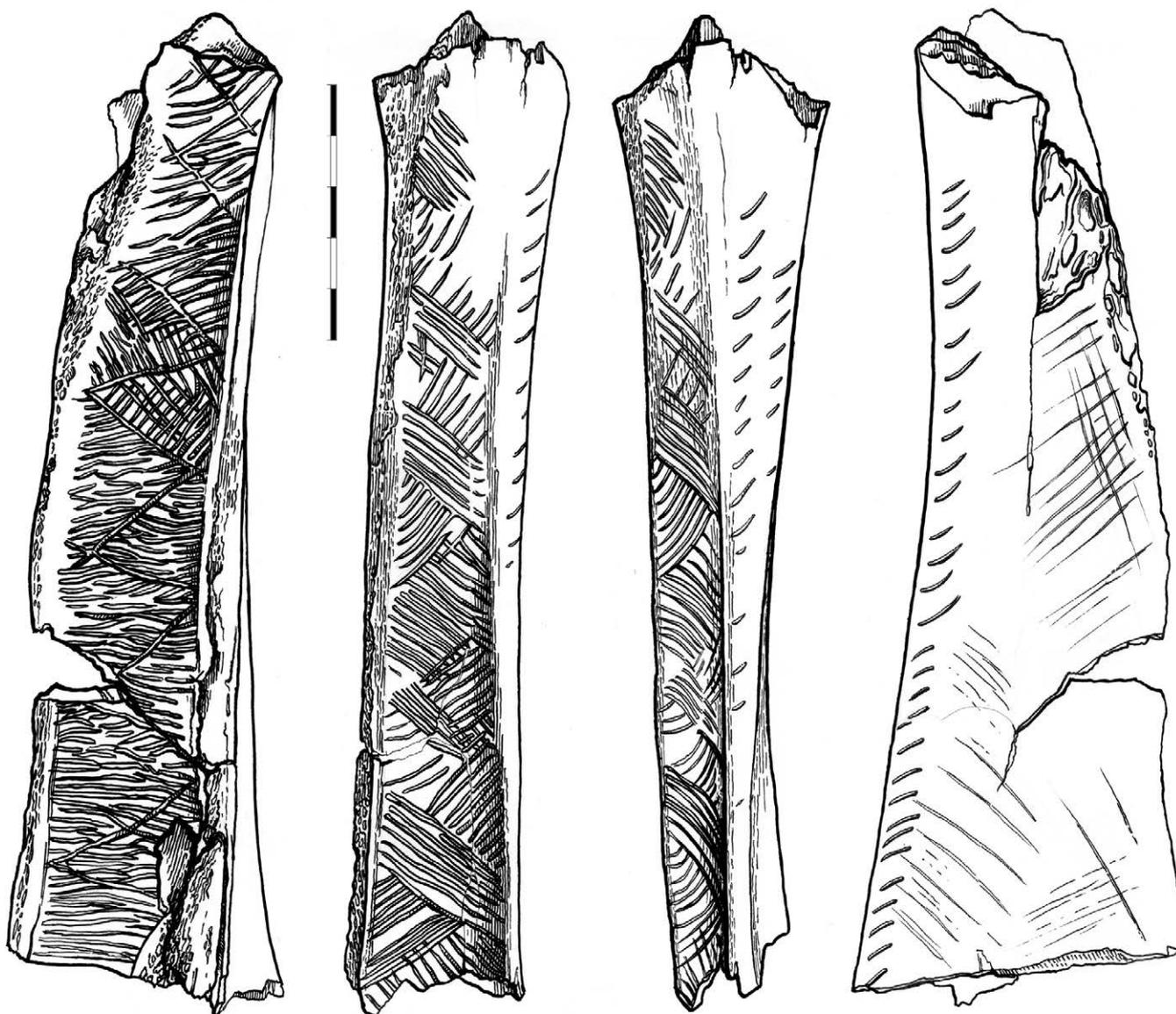

Рис. 4. Веретъе 1. Кинжал с орнаментом на трех поверхностях

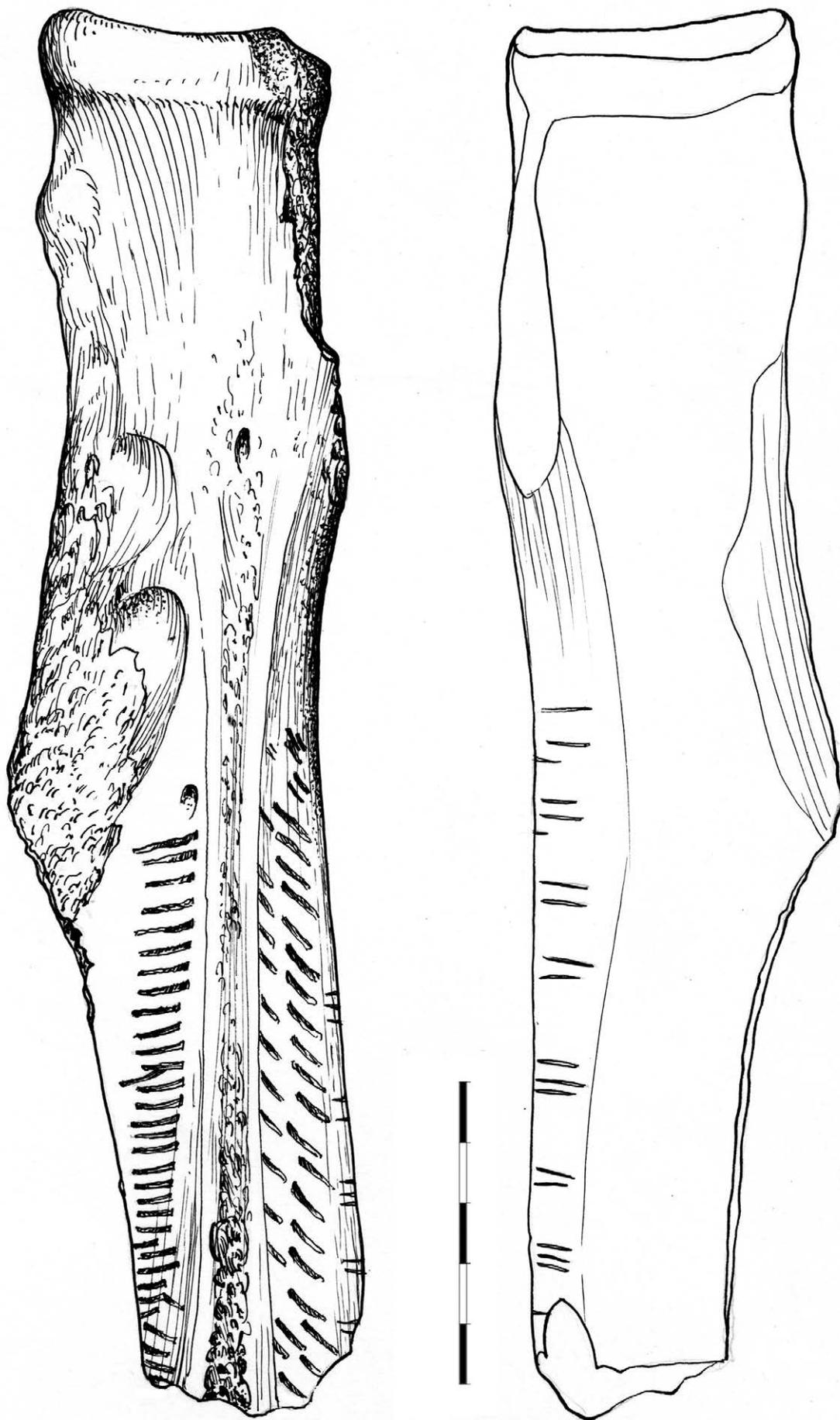

Рис. 5. Веретъе 1. Кинжал с рукоятью и орнаментом

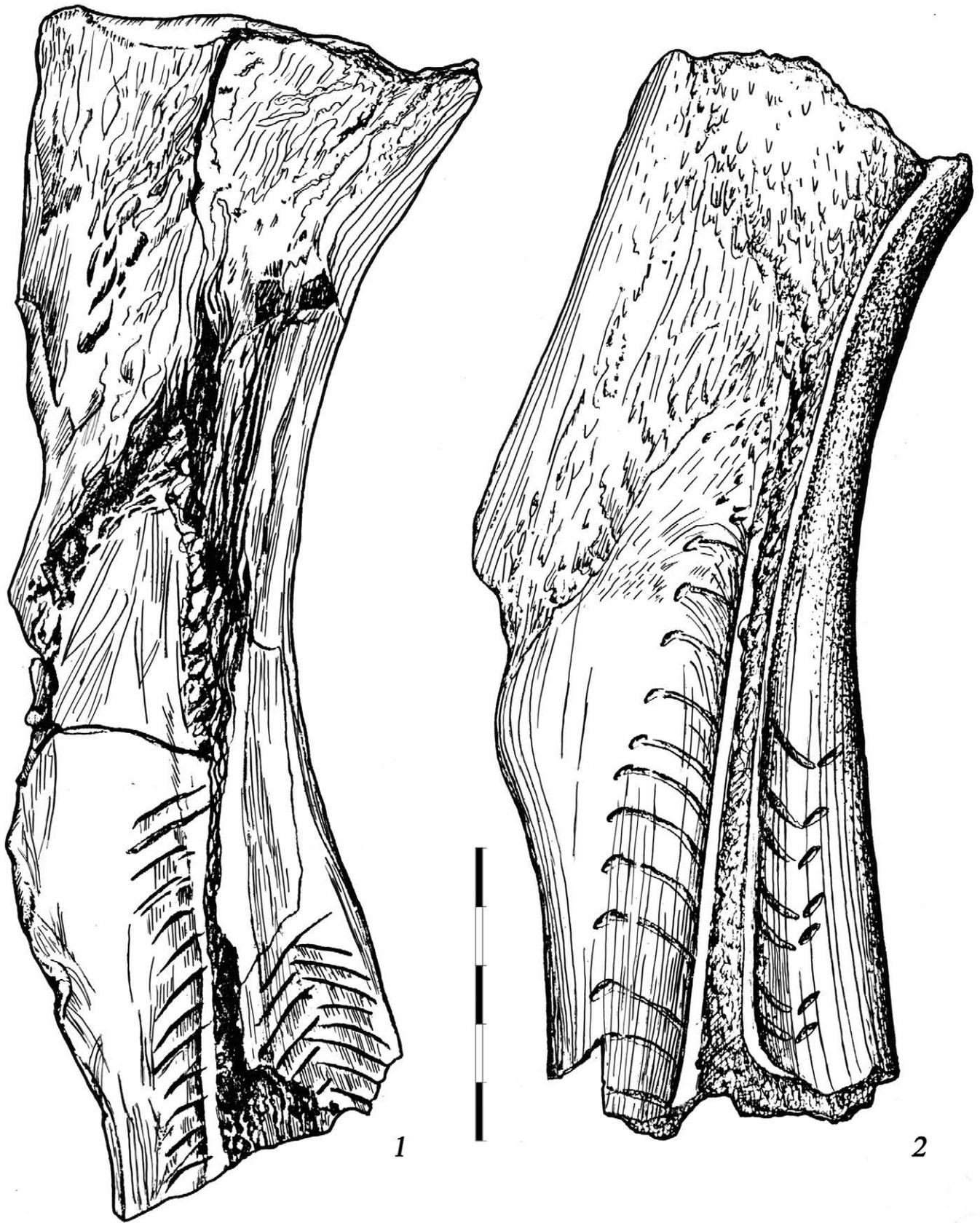

Рис. 6. Вереѣе 1. Широкие ножи из лопаток лося

Рис. 7. Геометрический орнамент. Образцы.
 1, 2, 4 — Веретье 1; 3 — Нижнее Веретье; 5 — Сухое

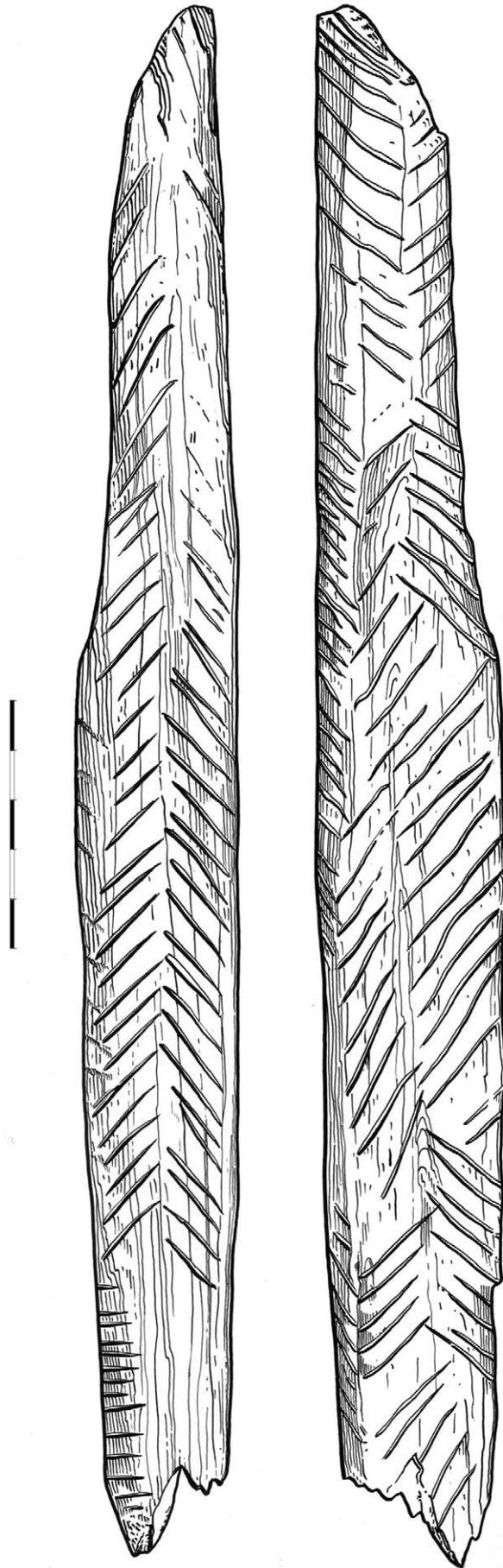

Рис. 8. Веретье 1. Деревянный предмет (древко)

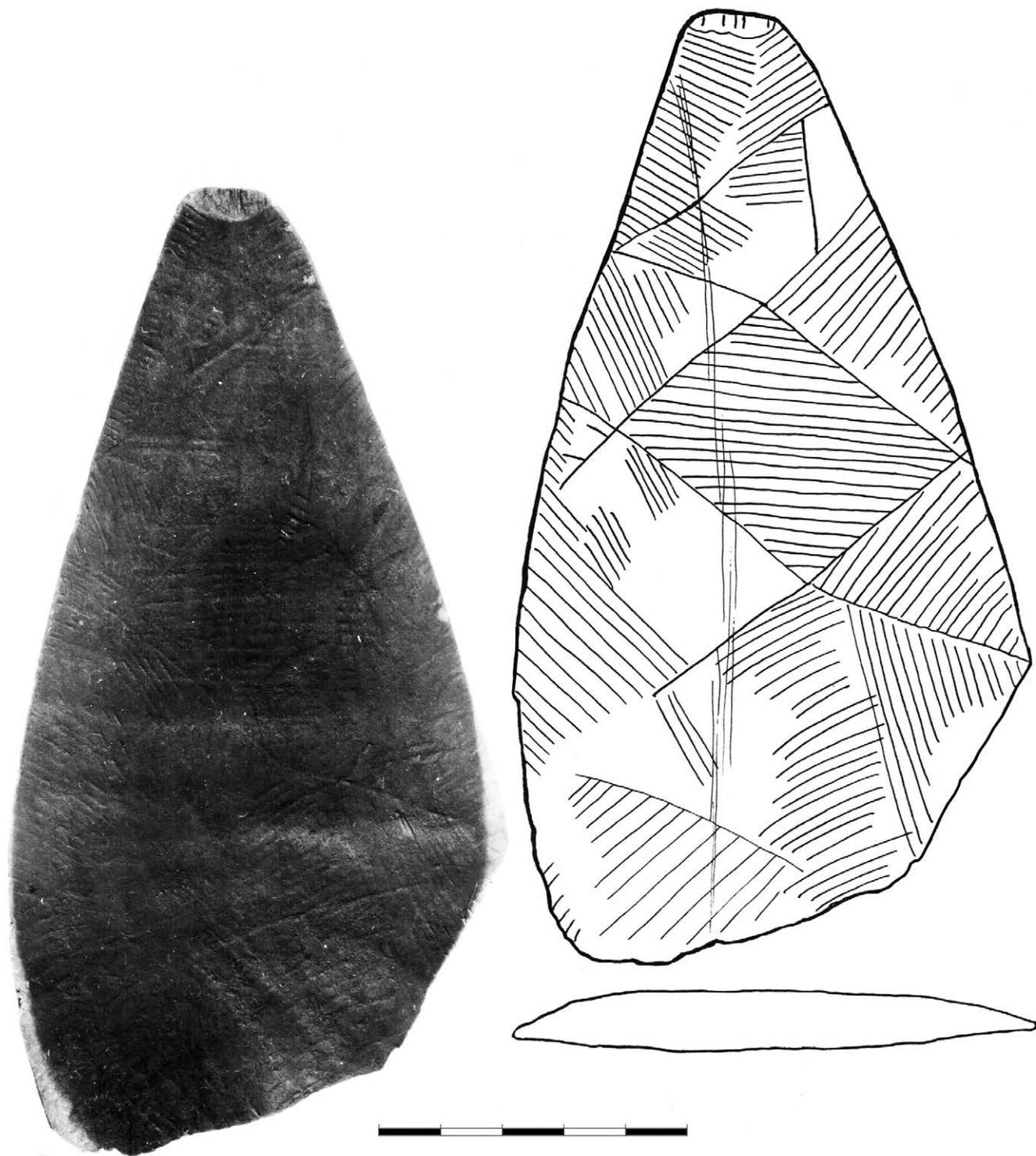

Рис. 9. Веретье 1. Пластина деревянная (лопасть весла ?)

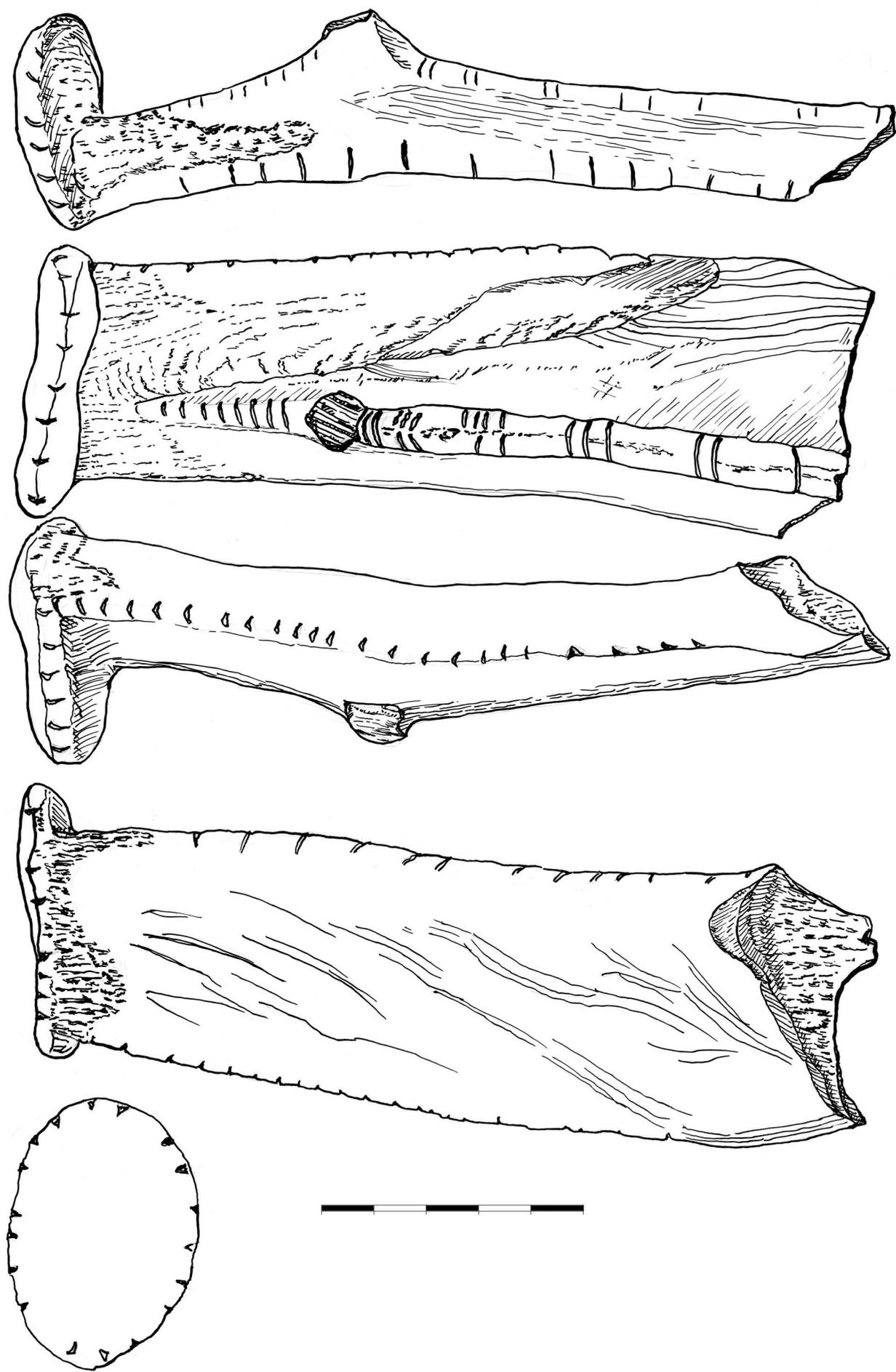

Рис. 10. Веретъе 1. Орнамент — насечки по ребрам и граням орудий. Кинжал

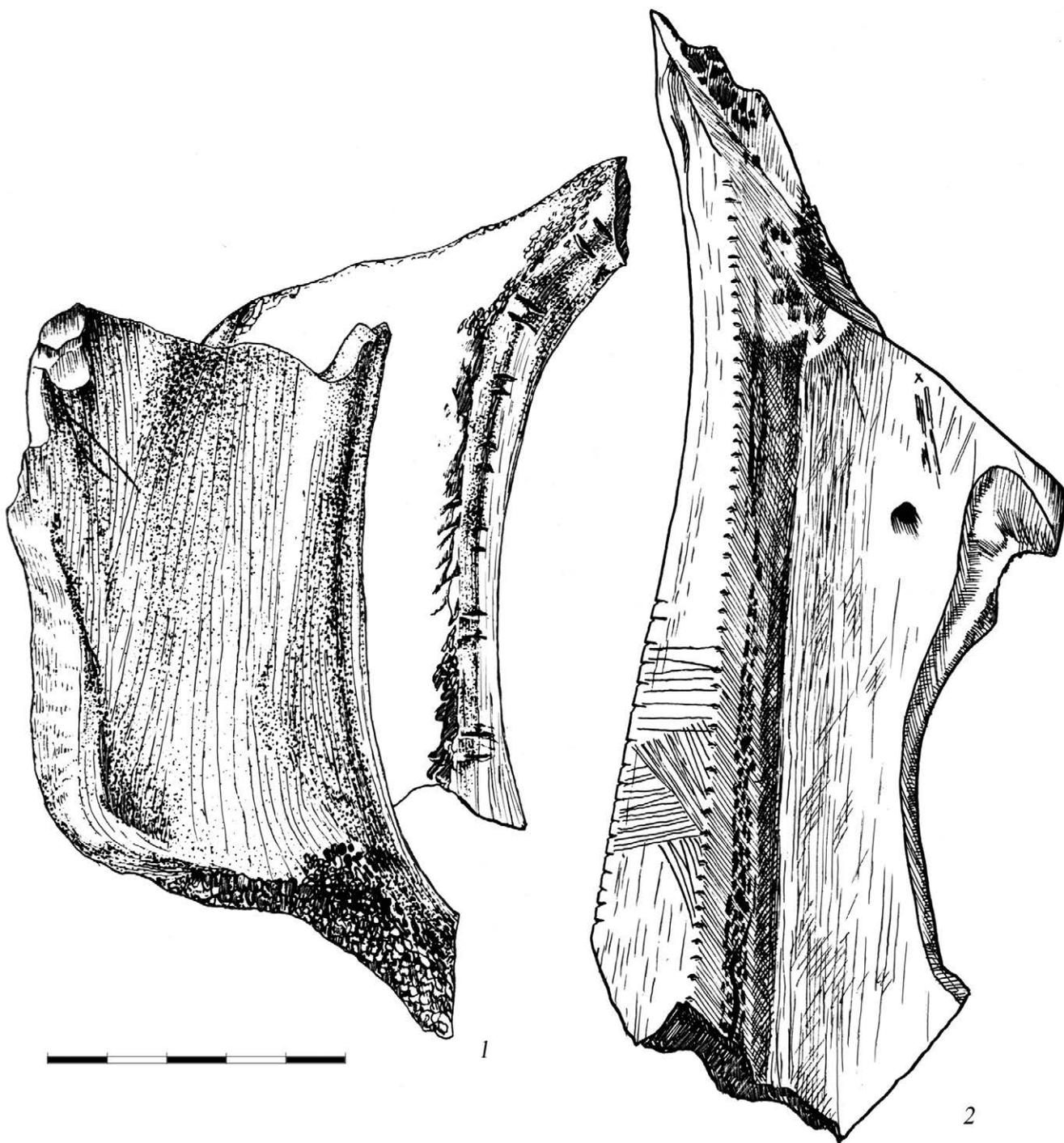

Рис. 11. Верет'е 1. Широкие ножи

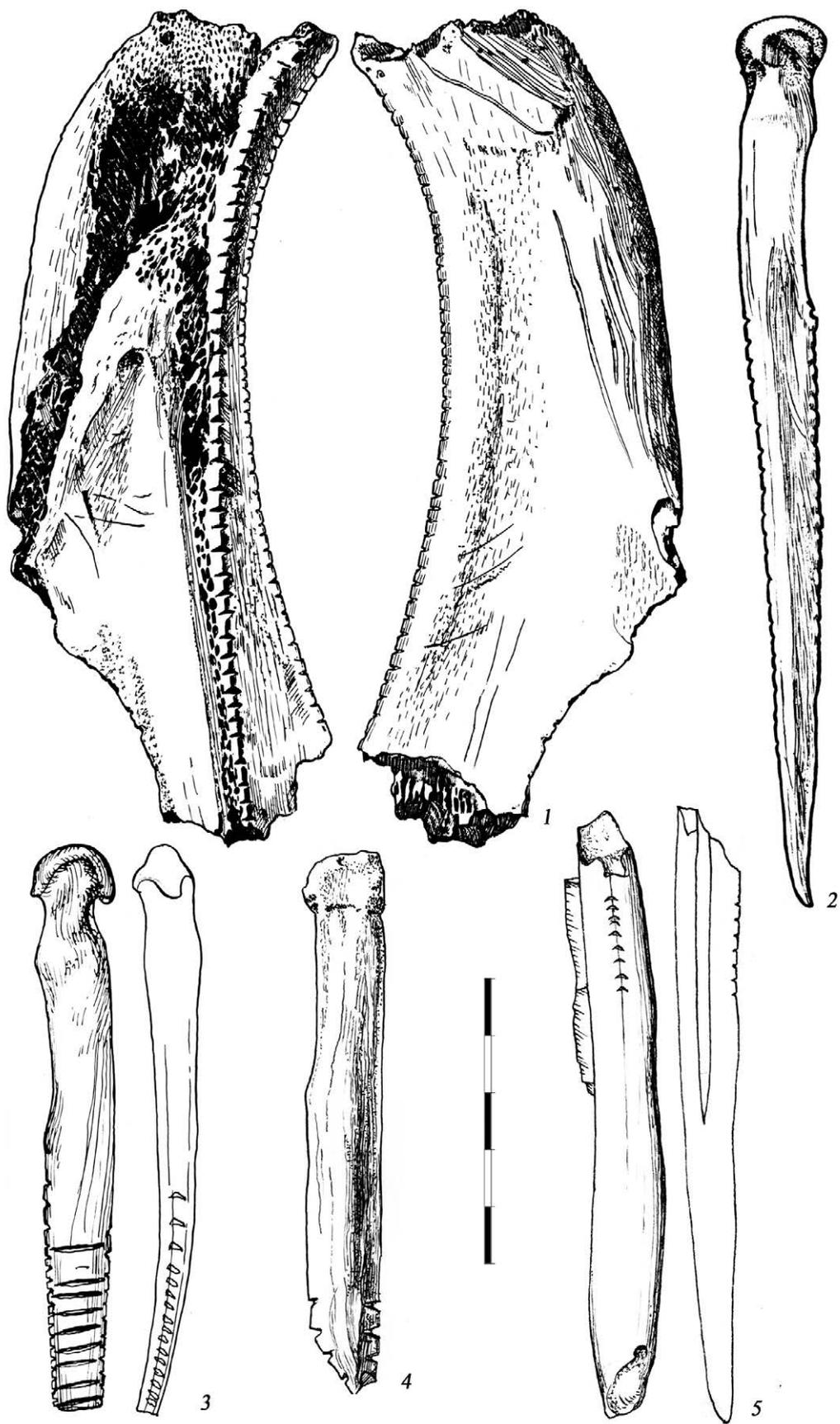

Рис. 12. Орудия с насечками по ребрам и граням.

1 — нож с полукруглым лезвием; 2–4 — орудия из метаподиев;
 5 — орудие с пазом и лезвием из пластин.
 1, 2, 5 — Веретье 1; 3 — Сухое; 4 — могильник Попово (яма № 12)

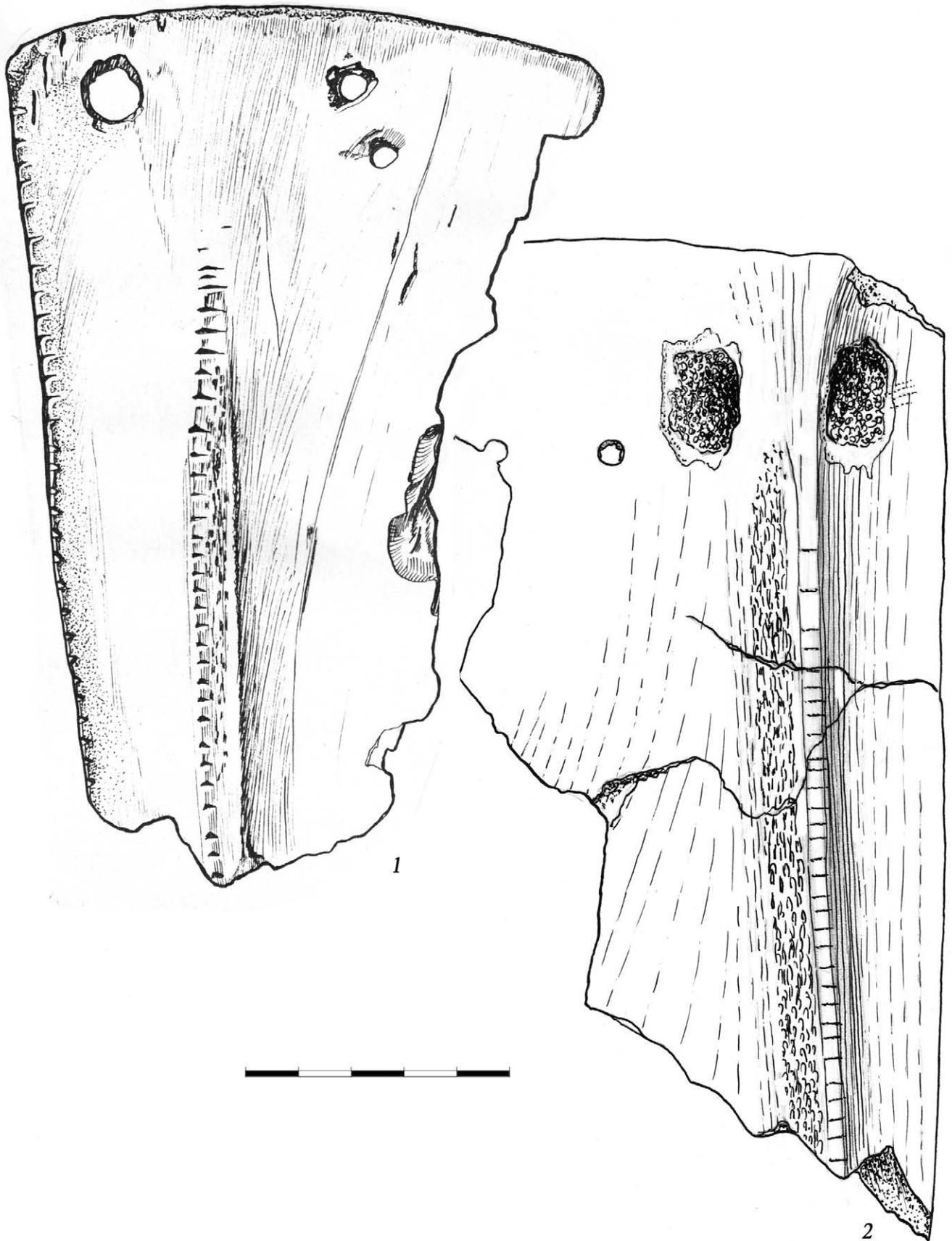

Рис. 13. Веретъе 1. Широкие ножи, насечки по гребню и краю

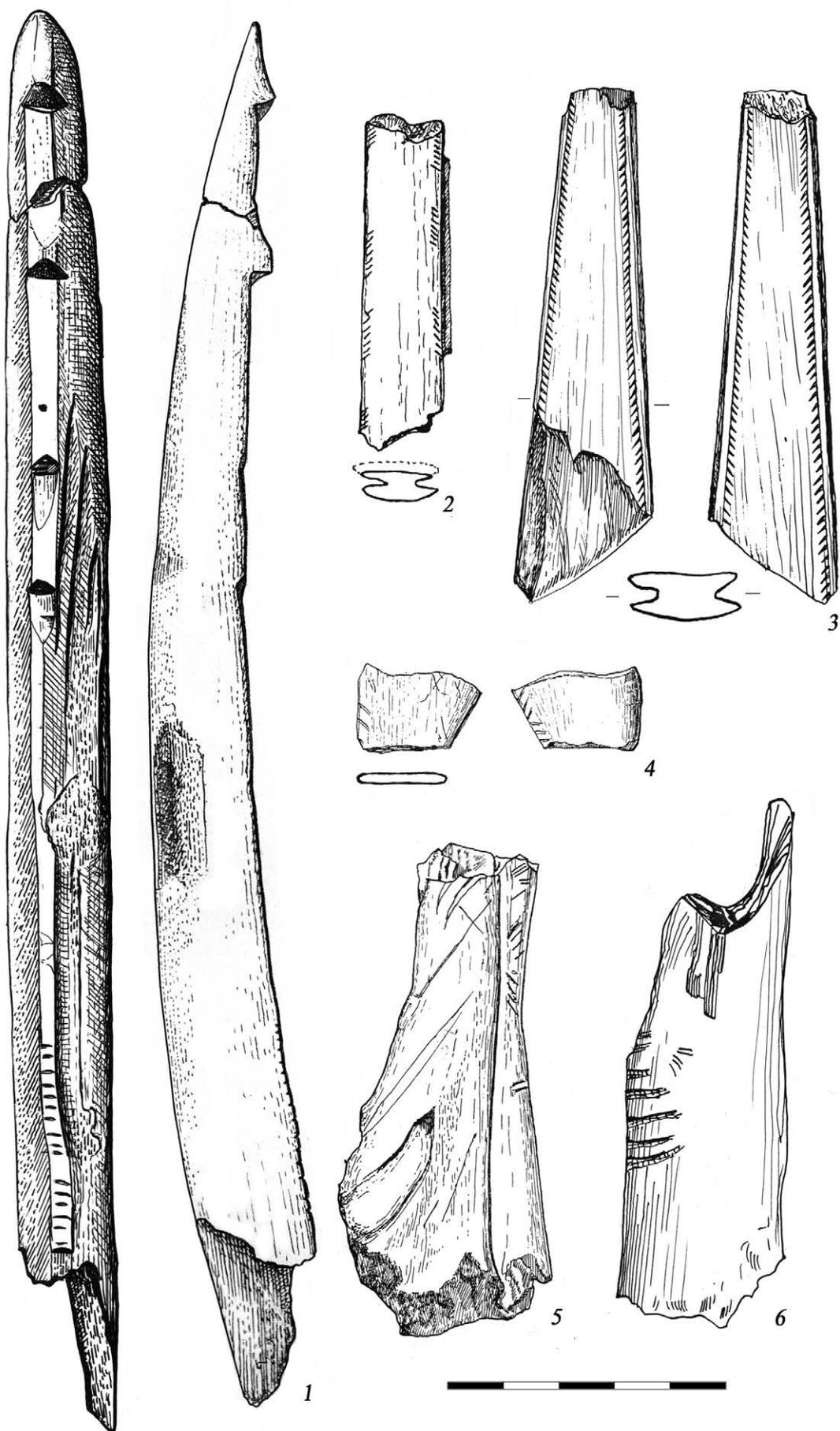

Рис. 14. Предметы из кости с насечками по краю.

1- Веретъе 1; 2-6 — Сухое

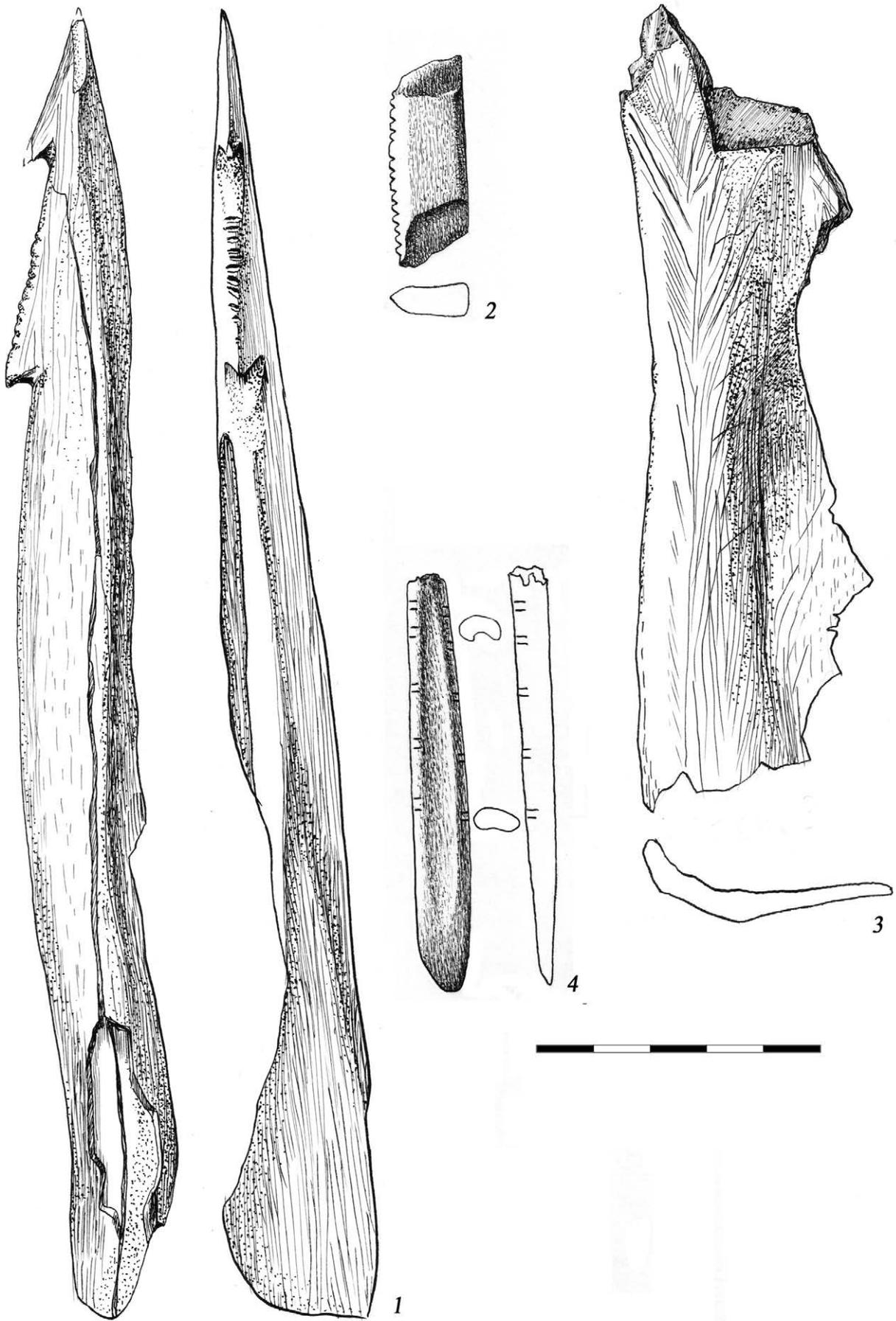

Рис. 15. Предметы из кости с насечками по краю.

1-4 — Нижнее Веретье

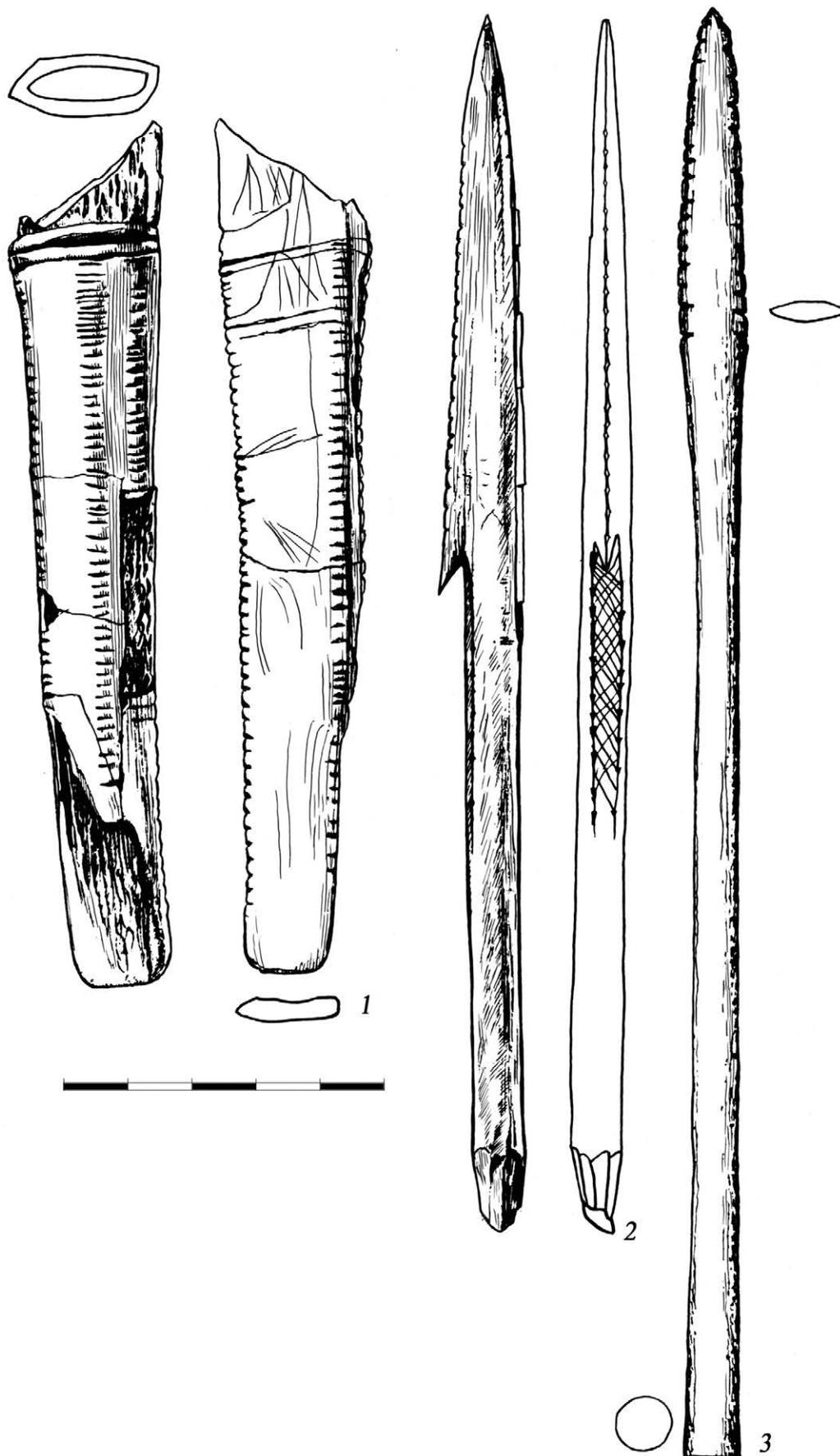

Рис. 16. Веретье 1.

1 — костяная емкость; 2, 3 — наконечники стрел с насечками сетчатым орнаментом

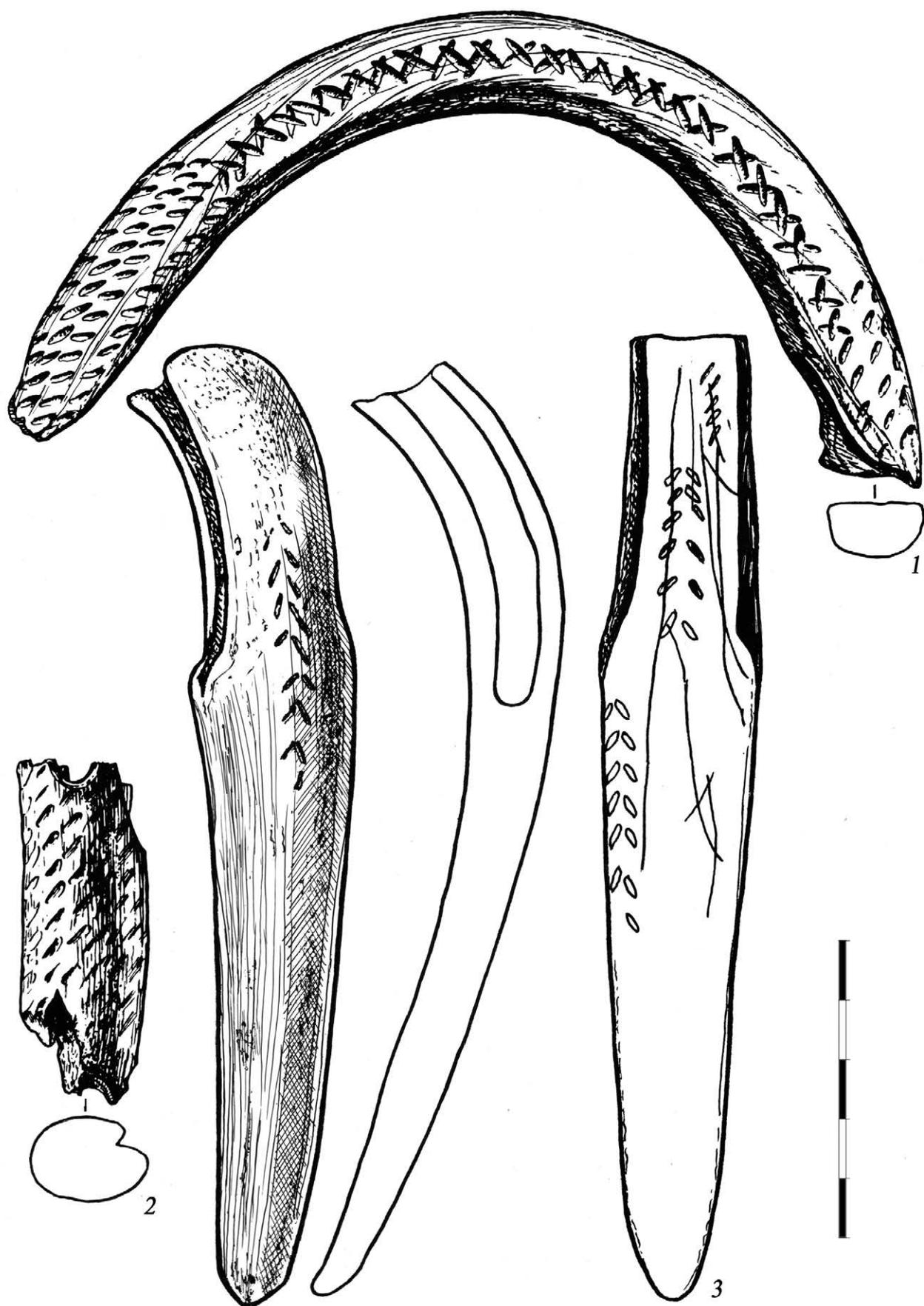

Рис. 17. Веретъе 1. Орнамент из овалных углублений «подем».

Орудия из дерева (1) и рога (2, 3)

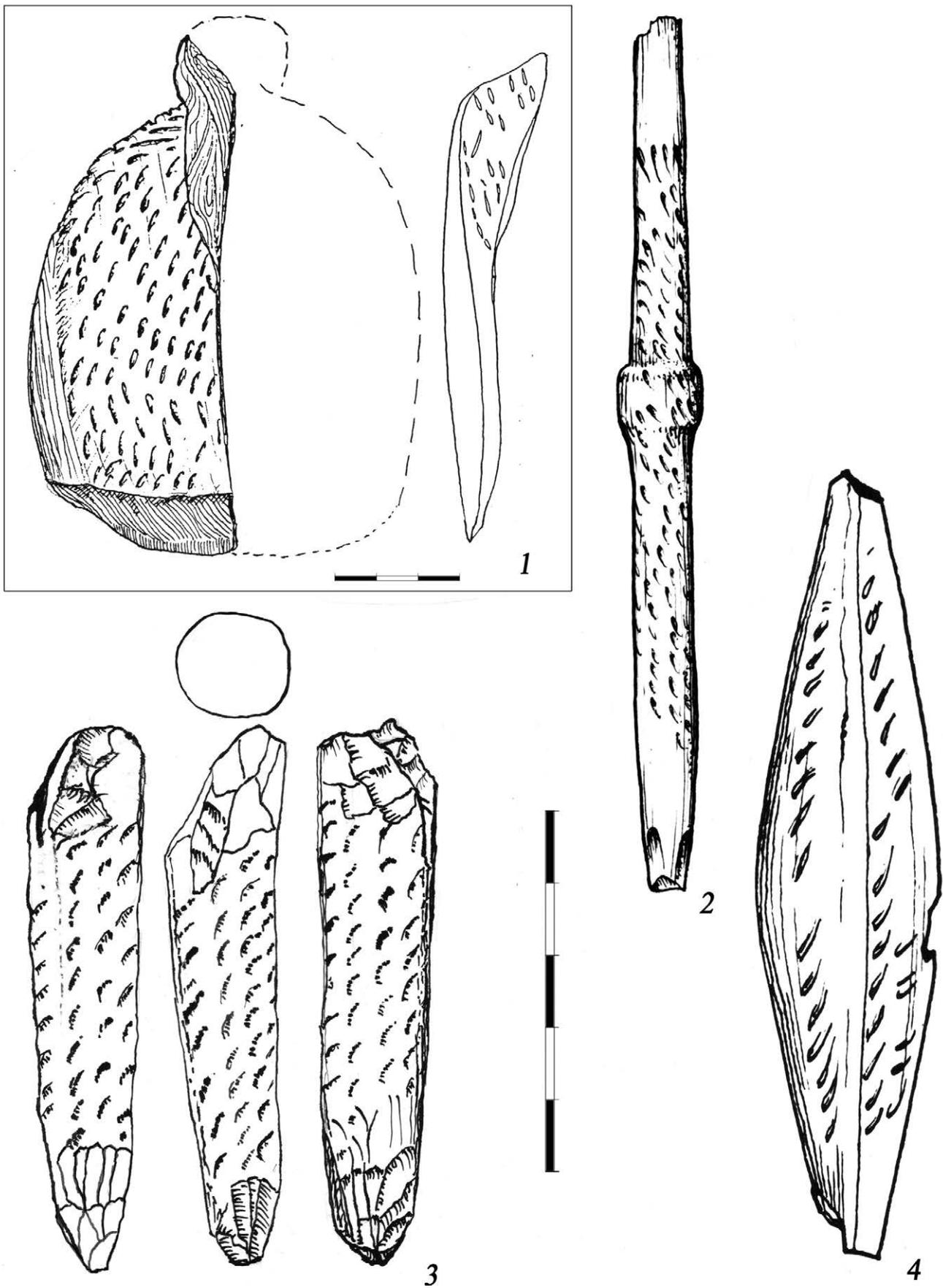

Рис. 18. Орудия с орнаментом «полям».

1-3 — Веретъе 1; 4 — Сухое. Дерево (1), рог (2, 3), кость (4)

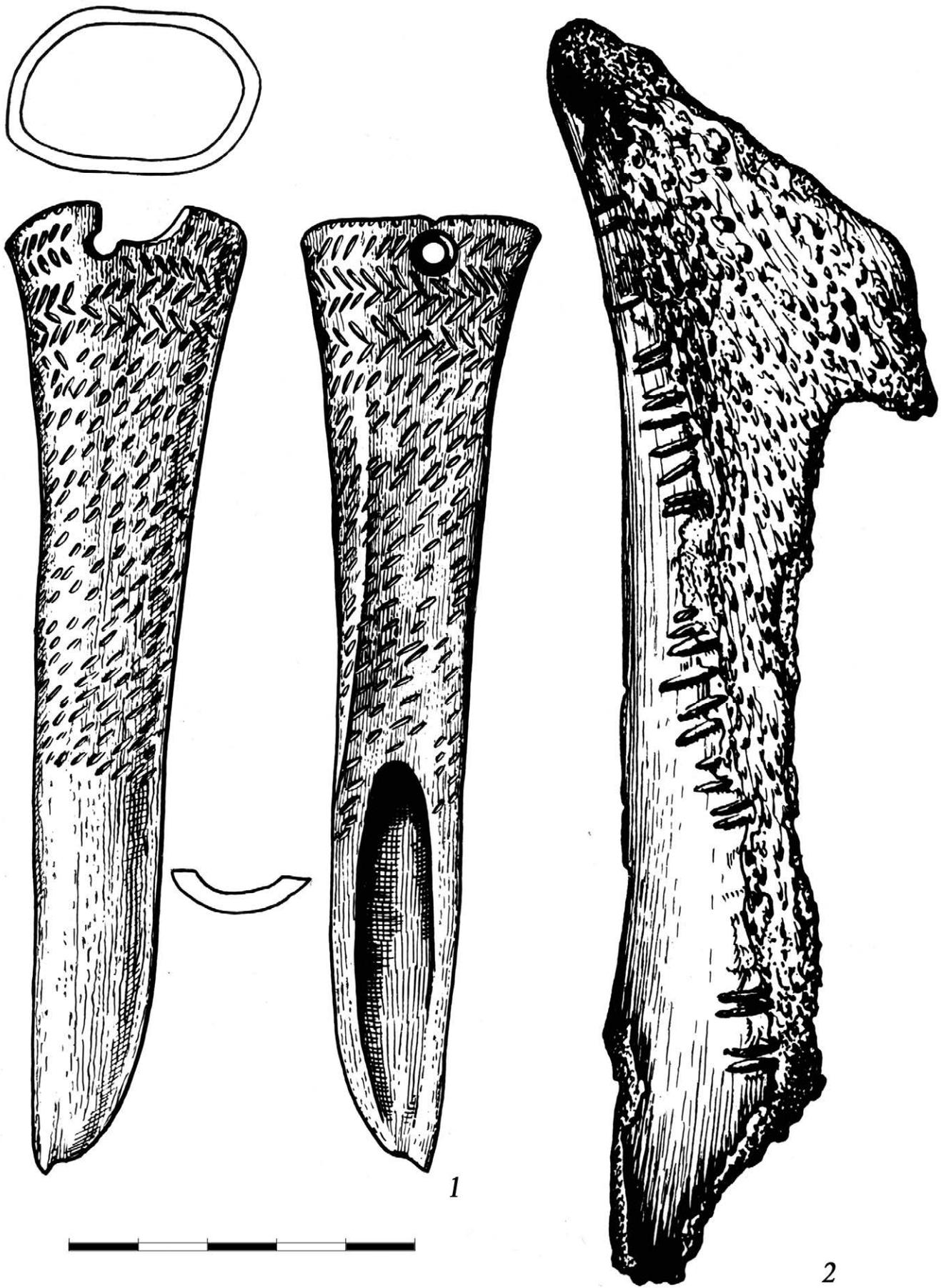

Рис. 19. Веретъе 1.

1 — наконечник копья; 2 — фрагмент ножа. Кость

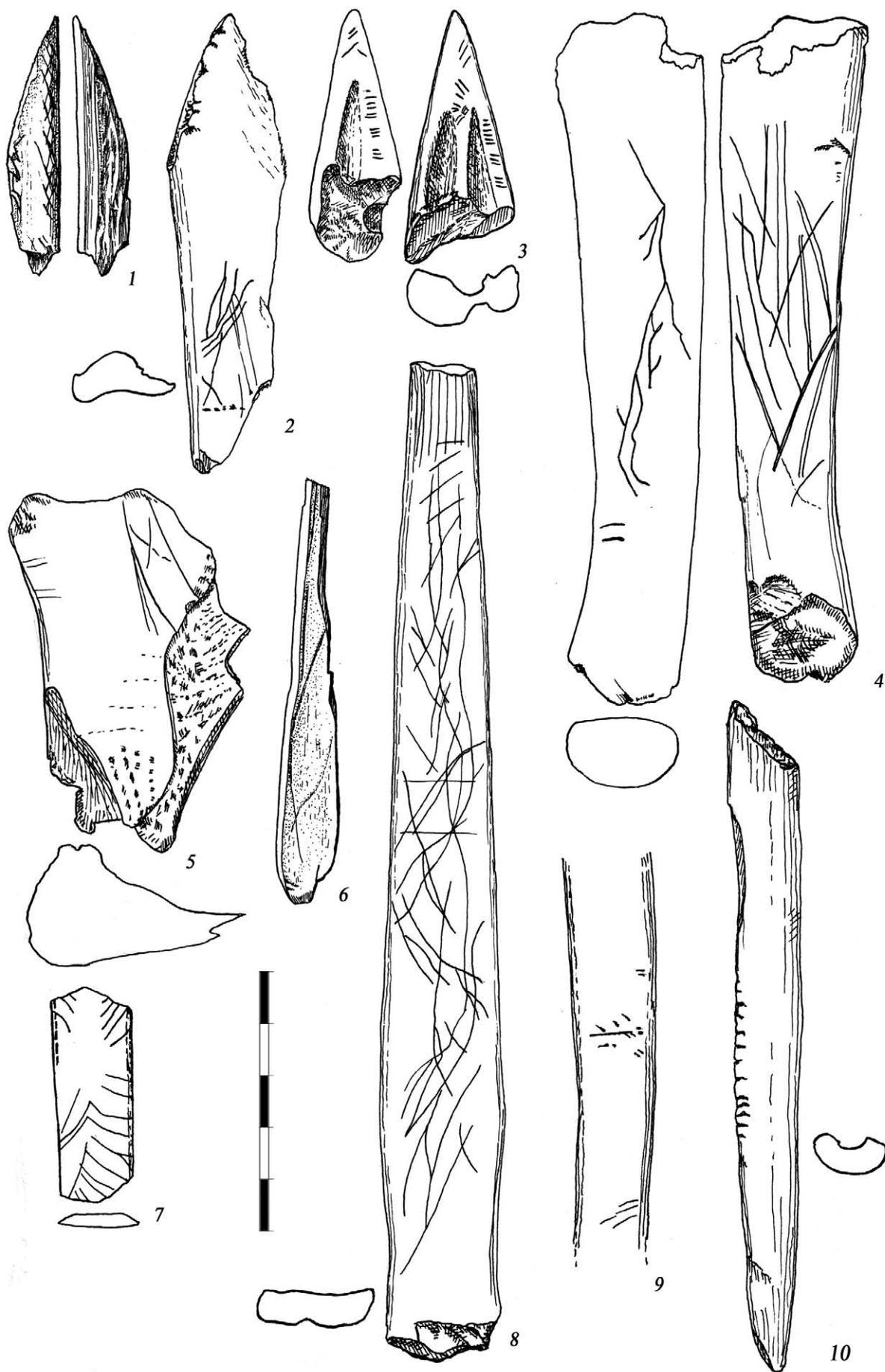

Рис. 20. Предметы с прочерченным орнаментом.

1, 6 — Сухое; 2-5, 7-10 — Веретье 1

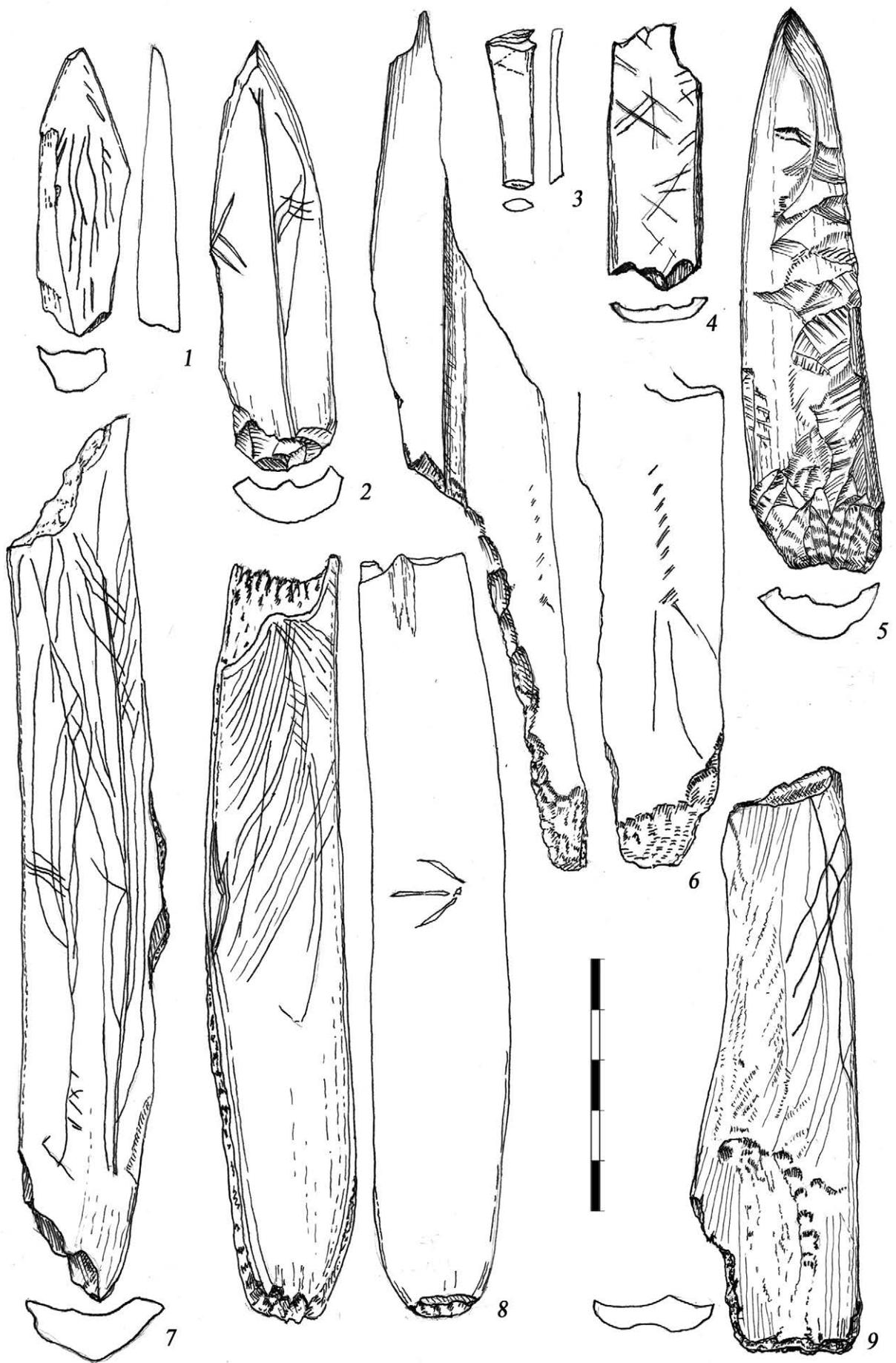

Рис. 21. Веретье 1. Орудия из кости и рога с прочерченным орнаментом

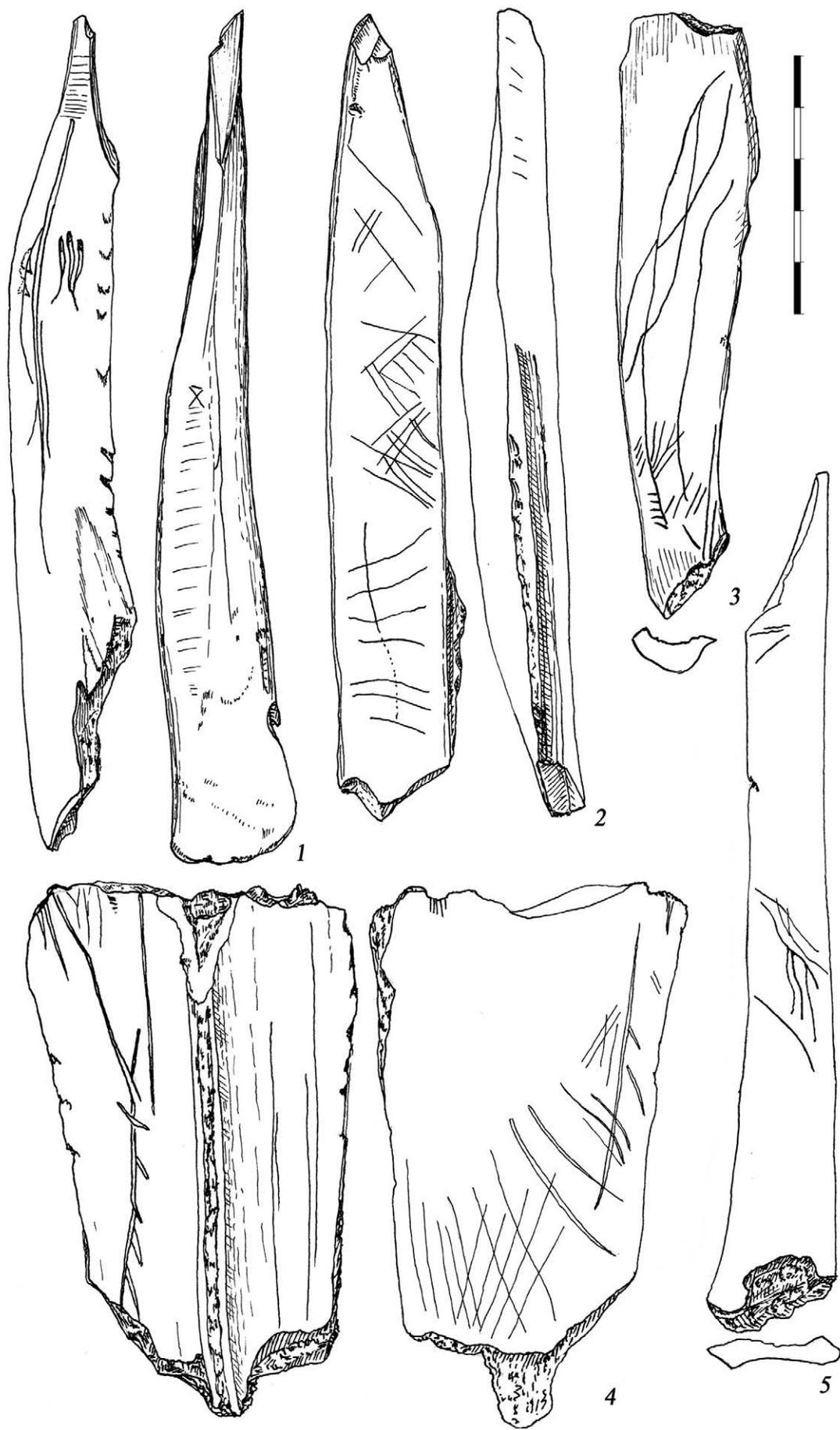

Рис. 22. Веретье 1. Орудия из кости и рога с прочерченным орнаментом

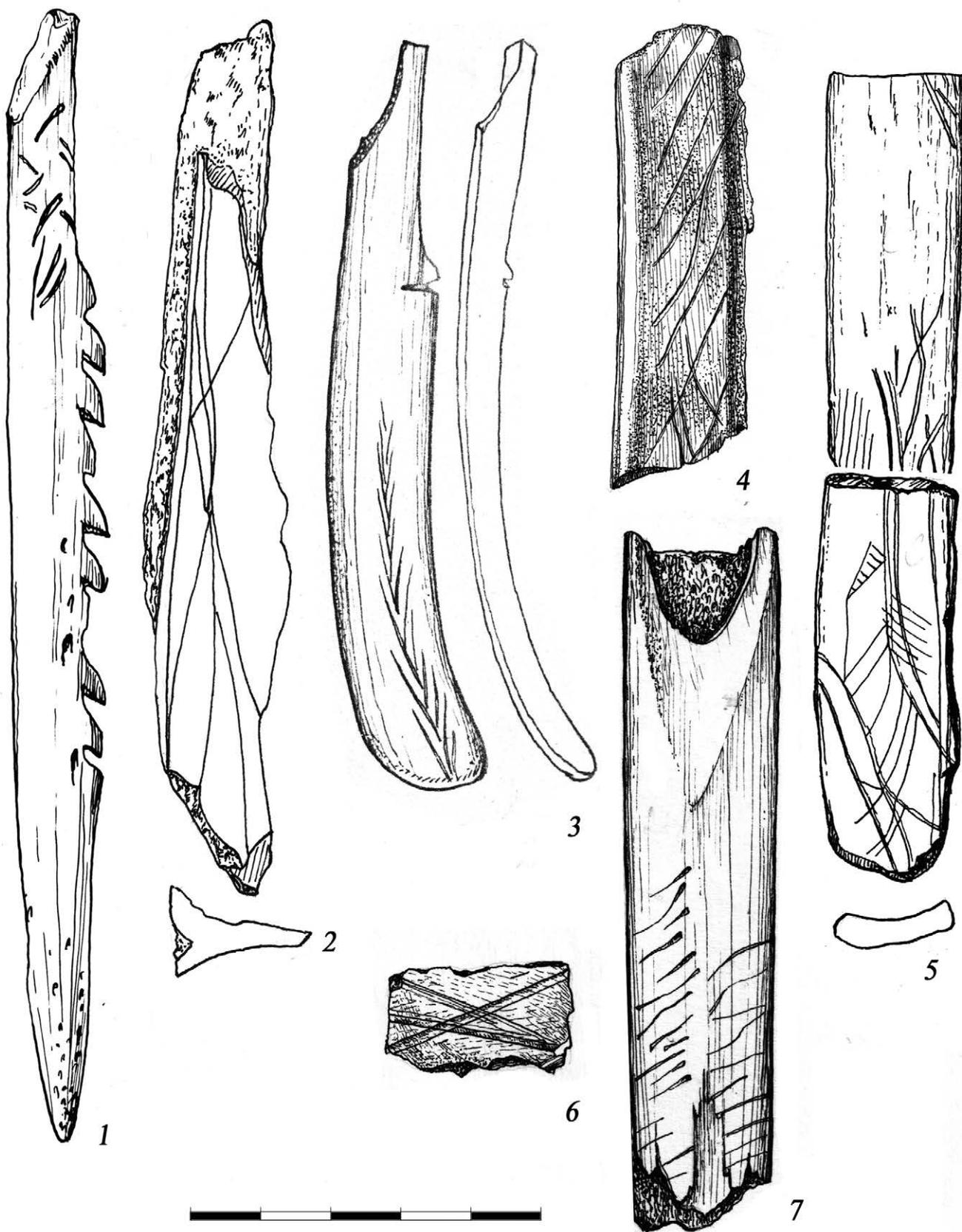

Рис. 23. Орудия с рисунками.
 1, 5 — Сухое; 2-4, 6, 7 — Веретье 1

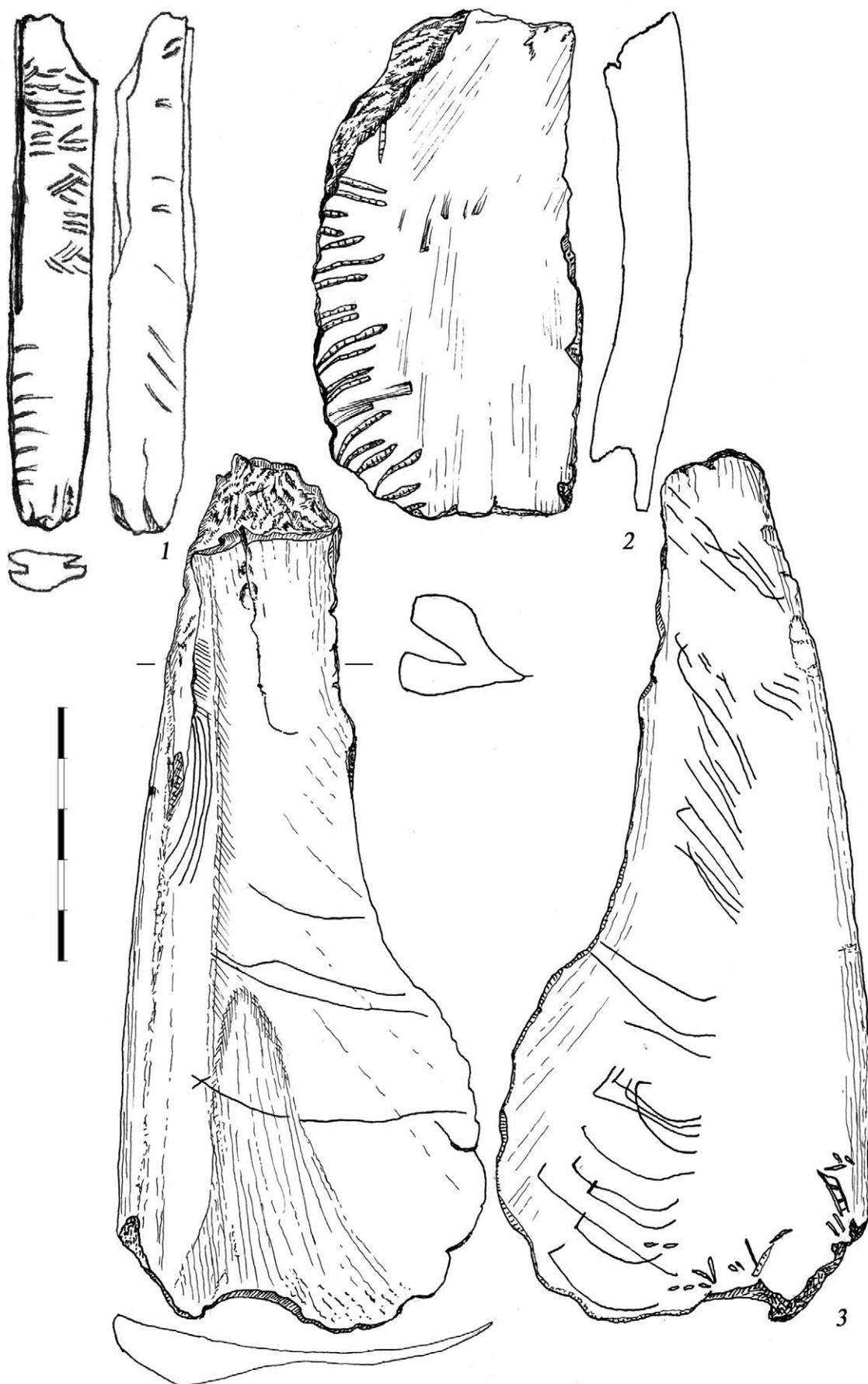

Рис. 24. Веретье 1. Орудия из кости (1,3) и рога (2) с прочерченным орнаментом

Рис. 25. Ножи и фрагменты ножей.

1, 2, 5, 6 — Веретье 1; 3, 4, 7 — Сухое

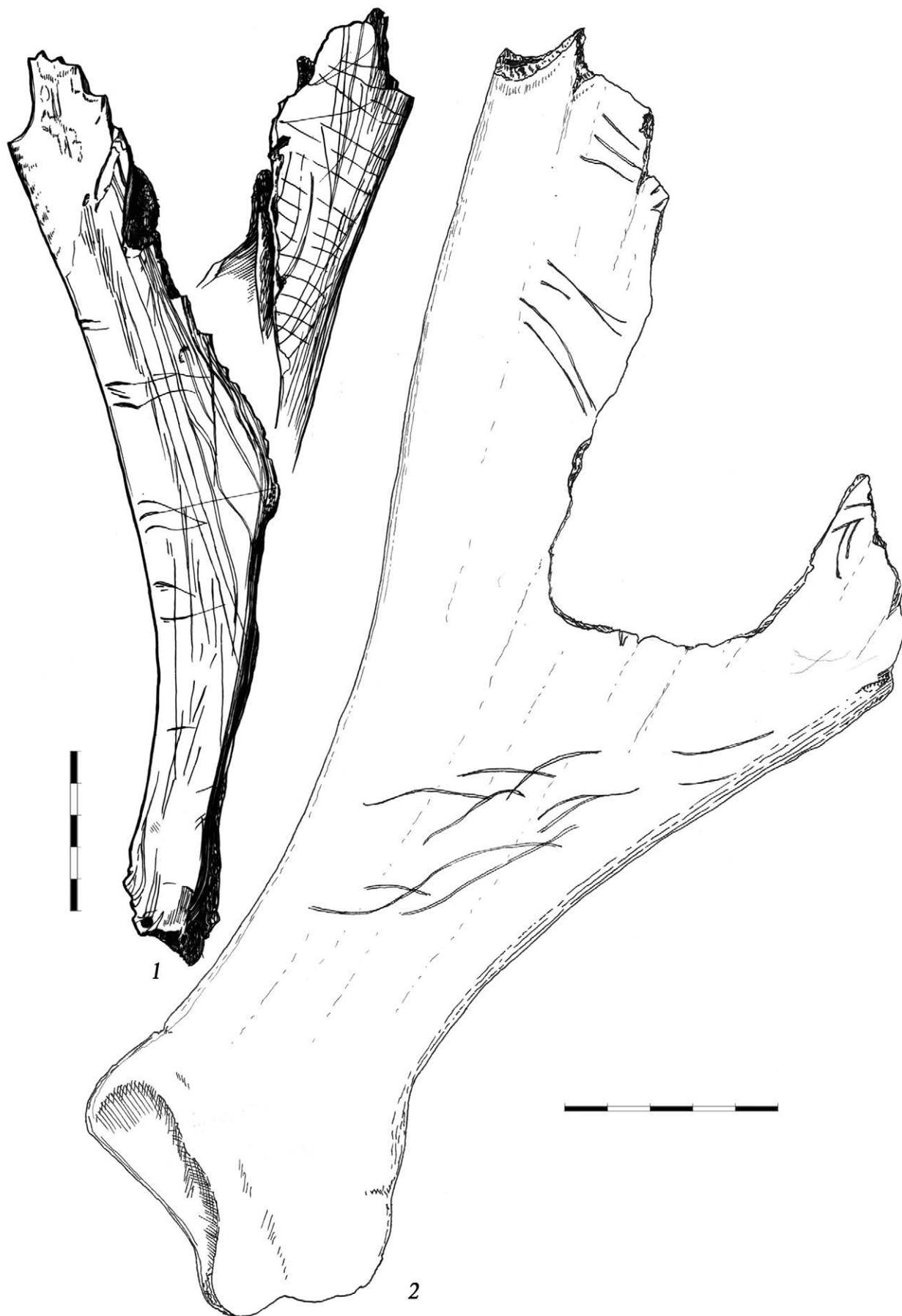

Рис. 26. Веретъе 1. Орудия из лопаток лося с прочерченным орнаментом.

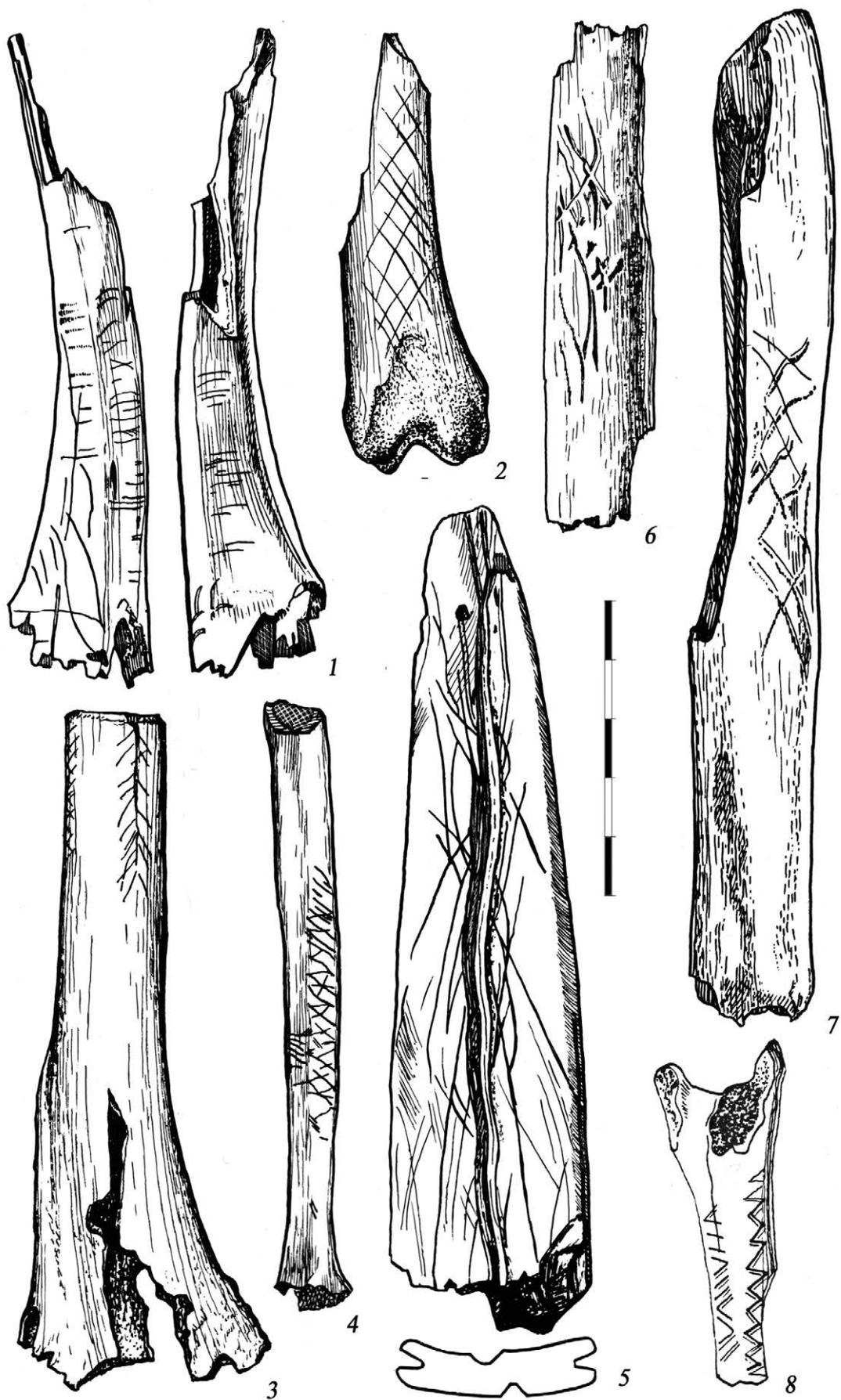
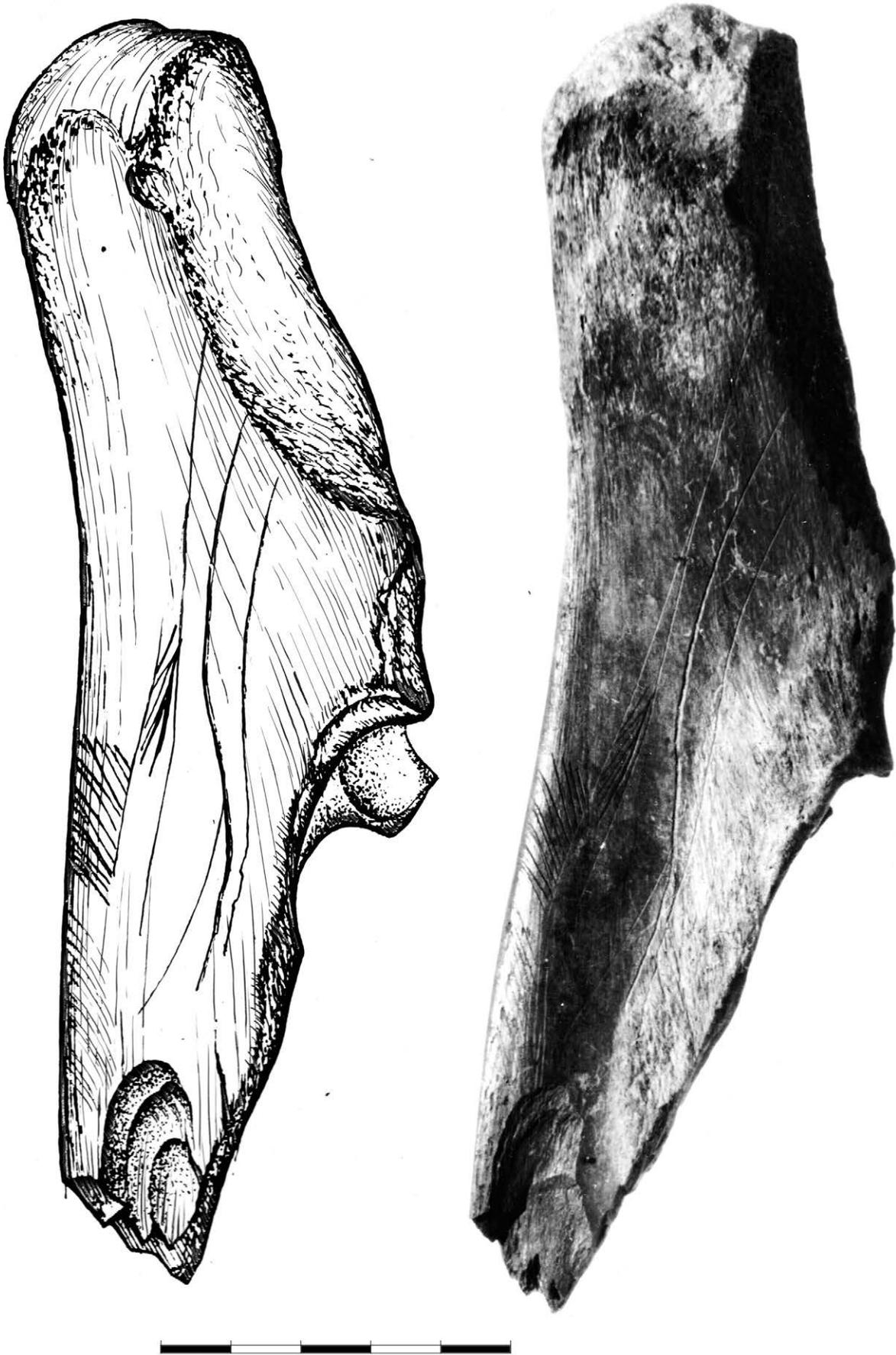

Рис. 27. Изделия из кости и рога с прочерченным орнаментом.

1-7 — Веретье 1; 8 — Сухое

Рис. 28. Веретъе 1. Кинжал из локтевой кости лося гравированным рисунком

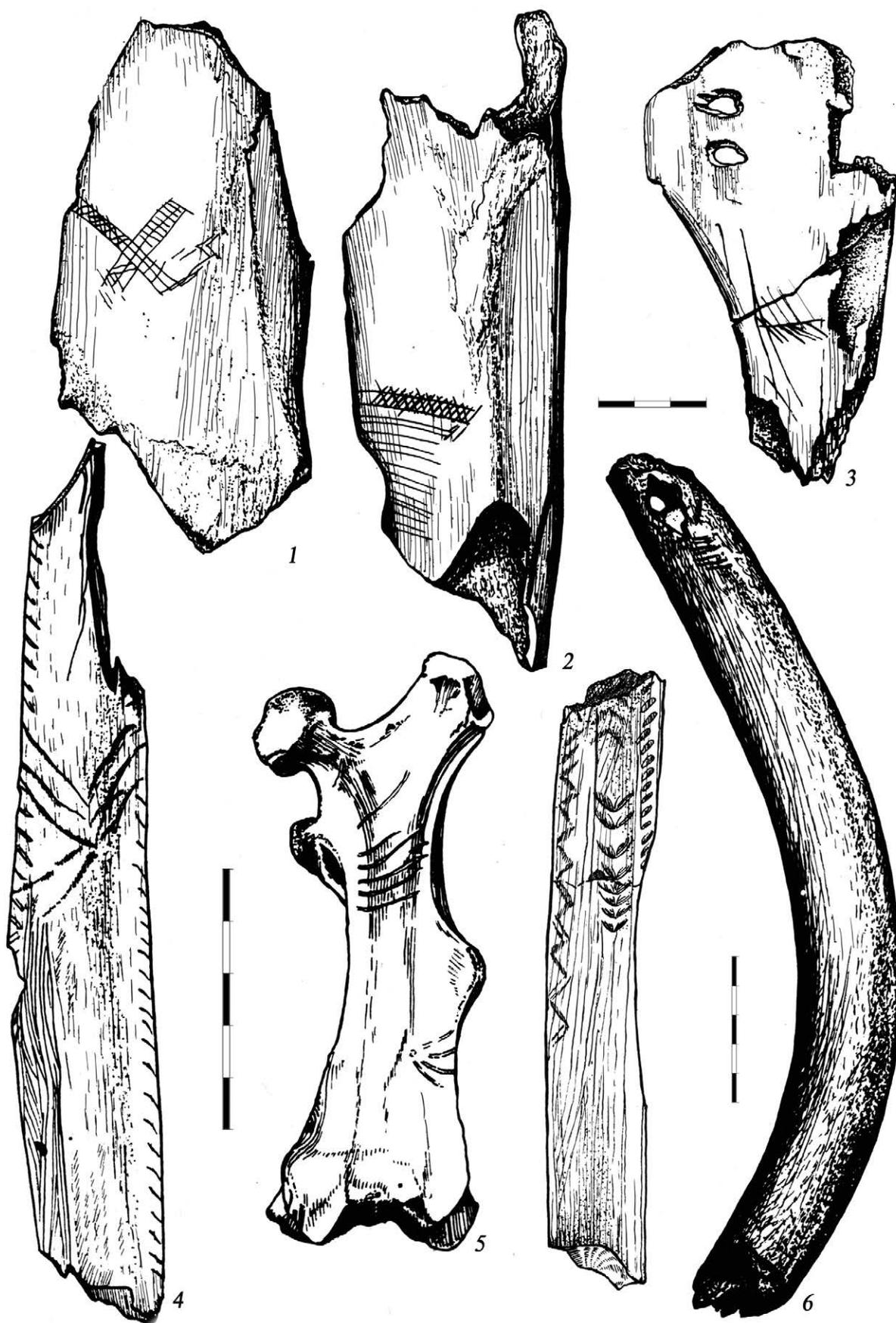
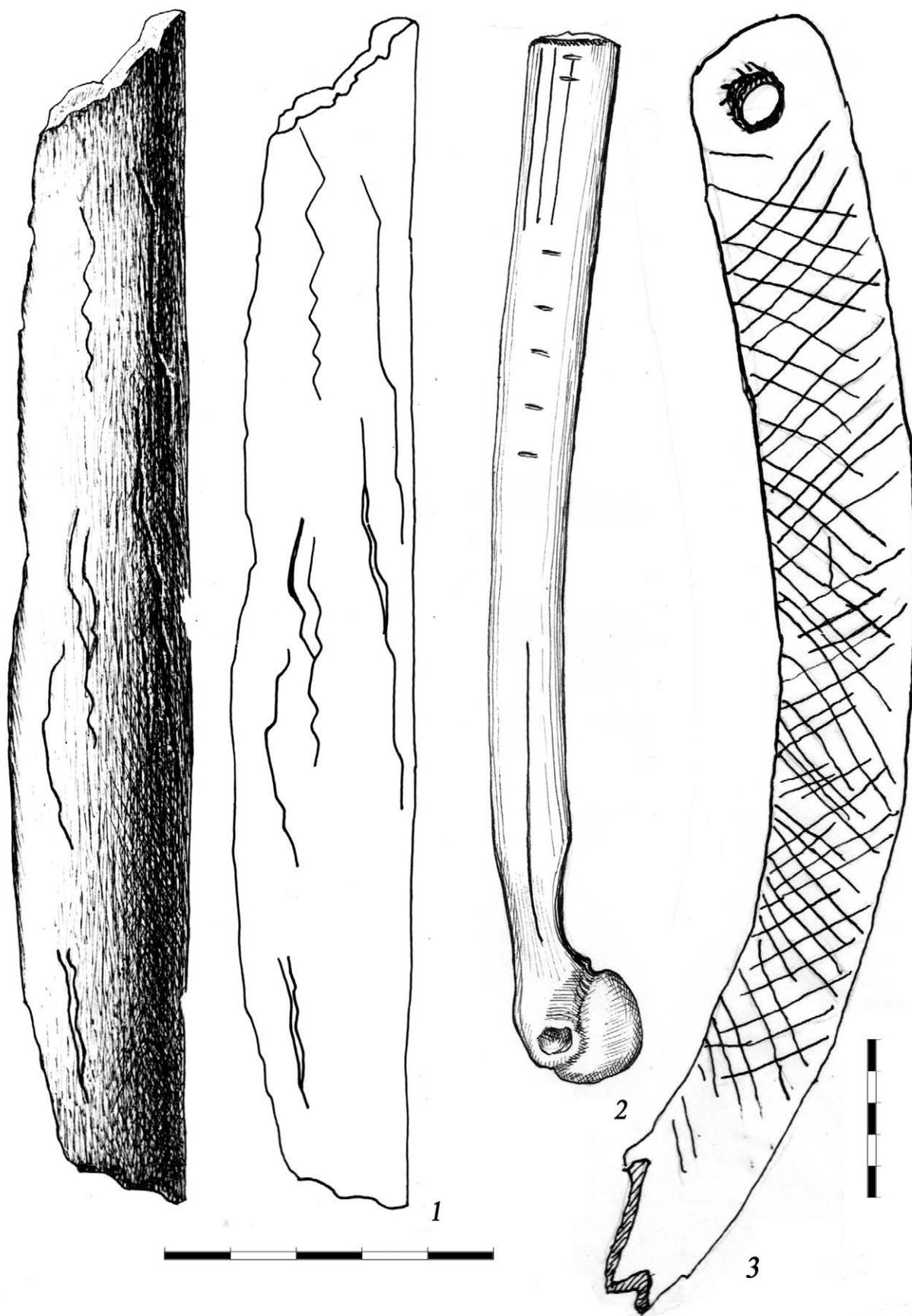

Рис. 29. Веретье 1. Гравировки на лопатках (1–3) и ребрах (4, 7) лося, на кости бобра (5) и роге (6)

Рис. 30. Предметы с гравировкой.

1 — фрагмент орудия из кости; 2 — суставная часть кости птицы; 3 — изделие из рога.
 1 — Веретье 1; 2 — могильник Попово (погребение VI); 3 — Нижнее Веретье

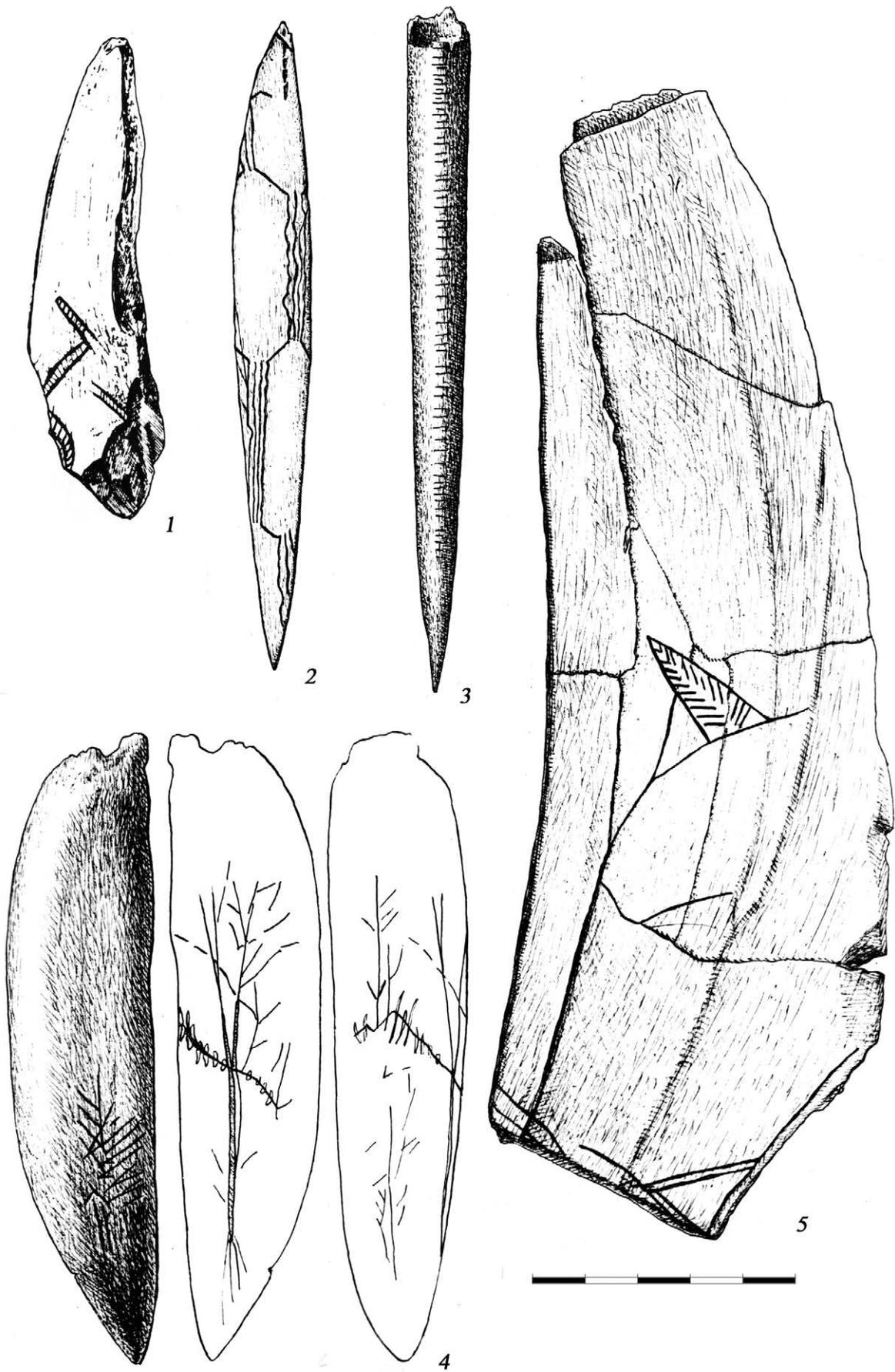

Рис. 31. Предметы с гравировкой.

1 — Сухое; 2-5 — Нижнее Веретъе

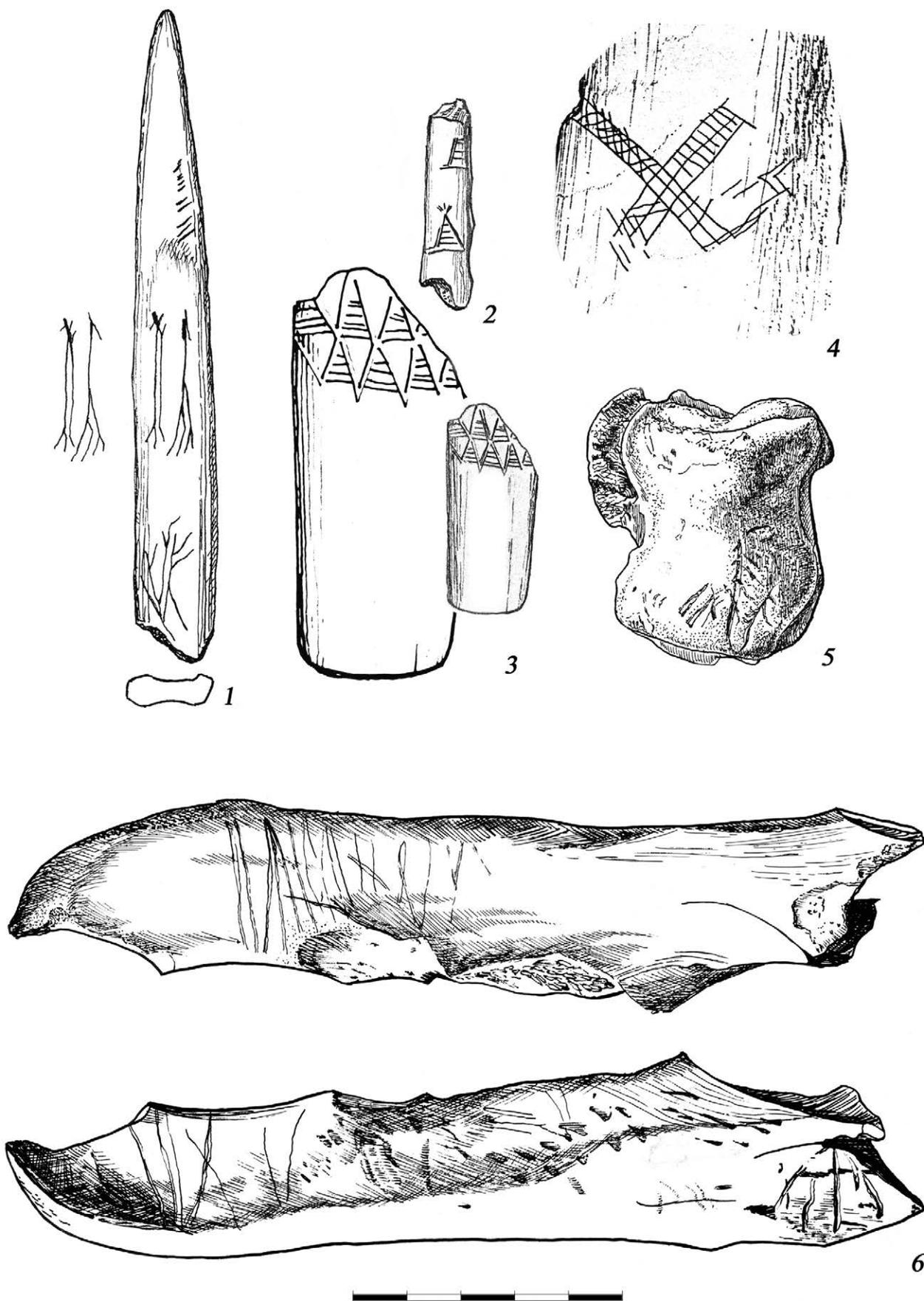

Рис. 32. Гравированные рисунки на изделиях из кости.

1, 4, 6 — Веретье 1; 2, 3, 5 — Сухое

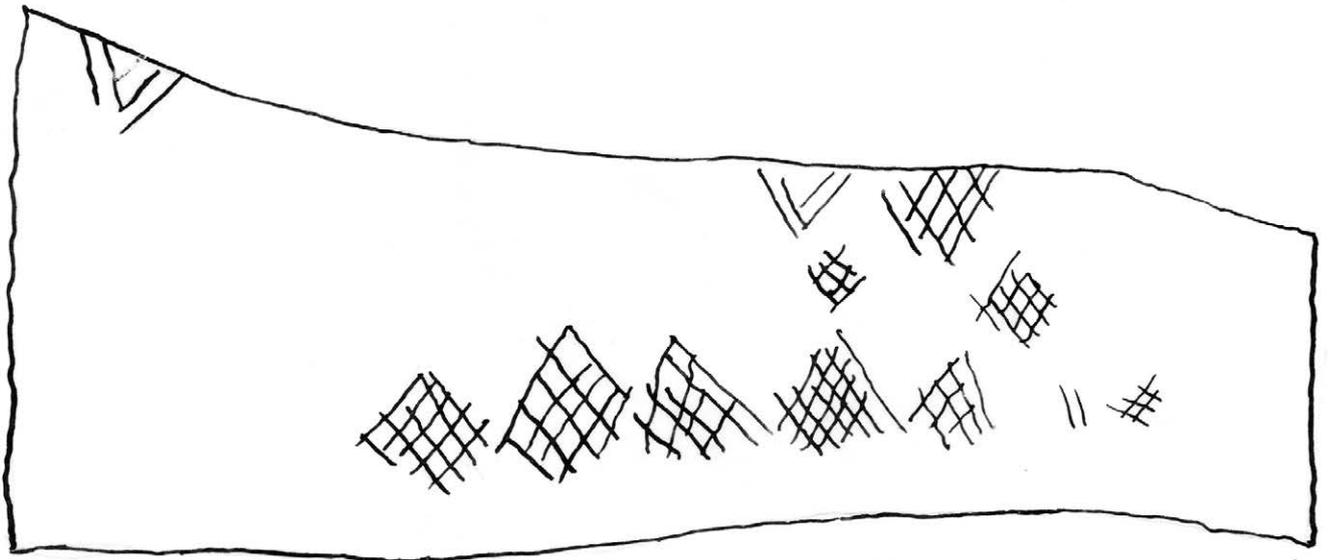

Рис. 33. Нижнее Веретье. Гравированные рисунки на орудии из рога

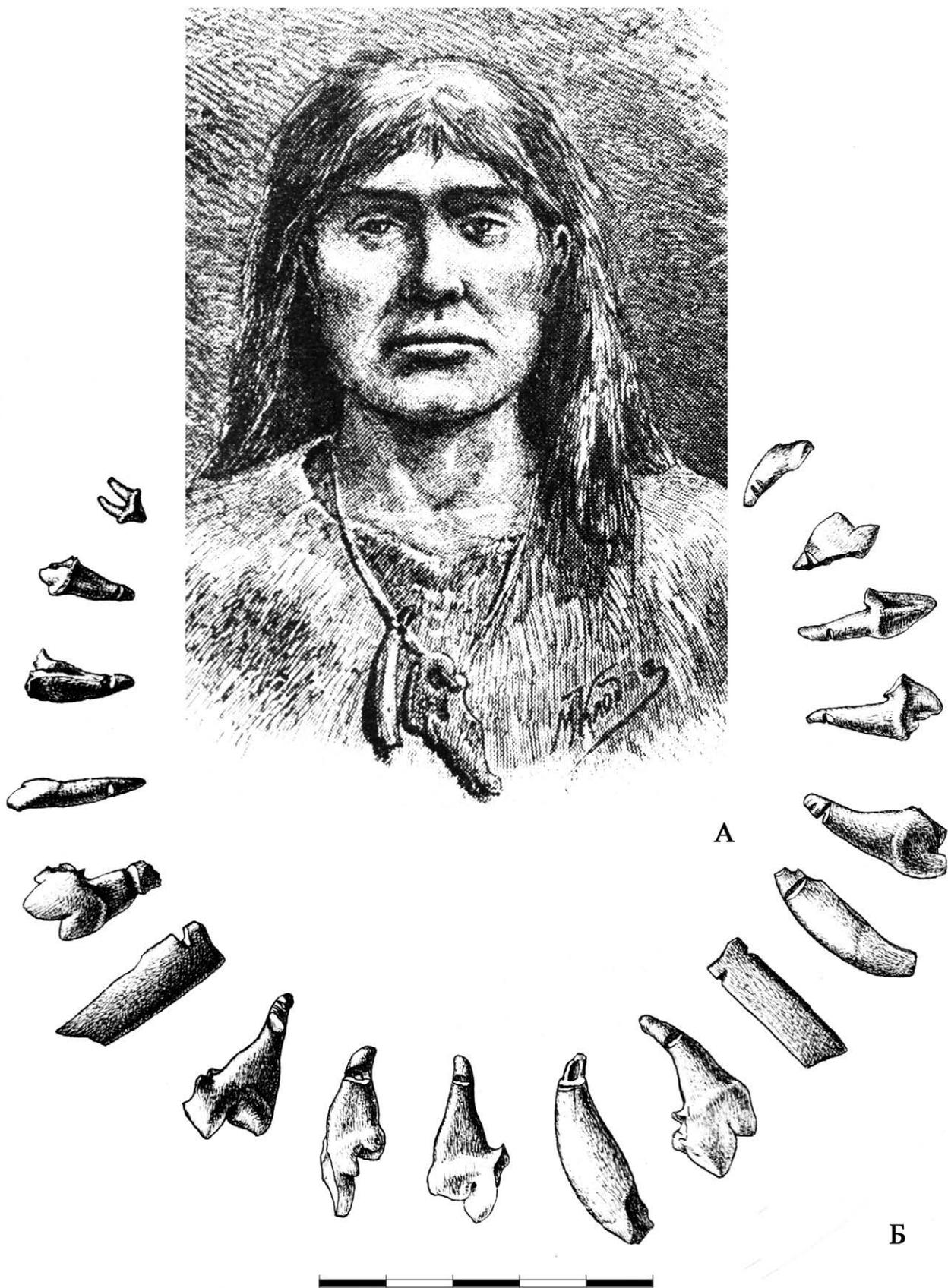

Рис. 34. Украшения из подвесок и ожерелий.

А — представление об украшениях древнего населения по материалам Ладужской стоянки.
 Рисунок М. П. Клодта. Б — ожерелье из могильника Попово, погребение I

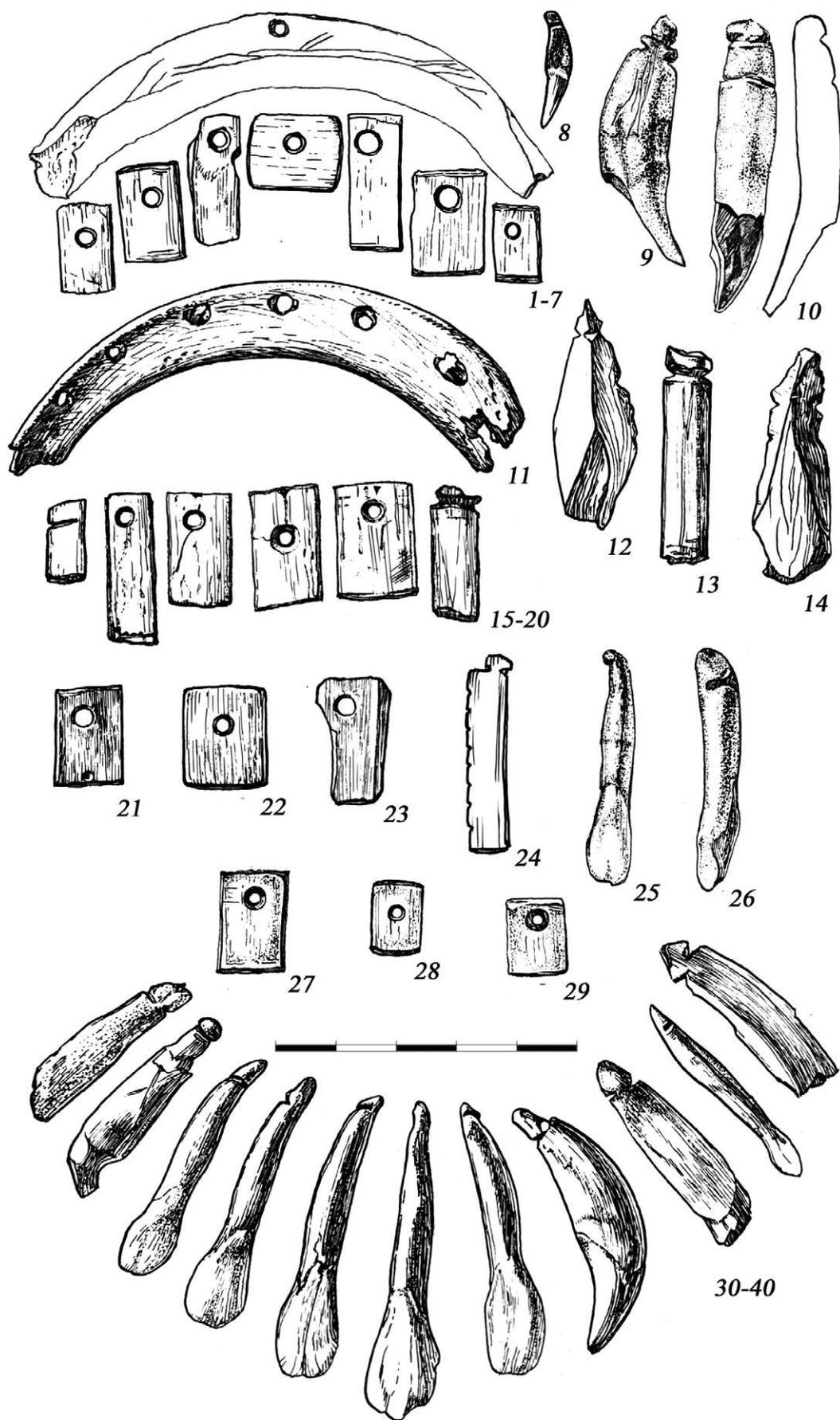

Рис. 35. Веретъе 1. Подвески из резцов и костей животных

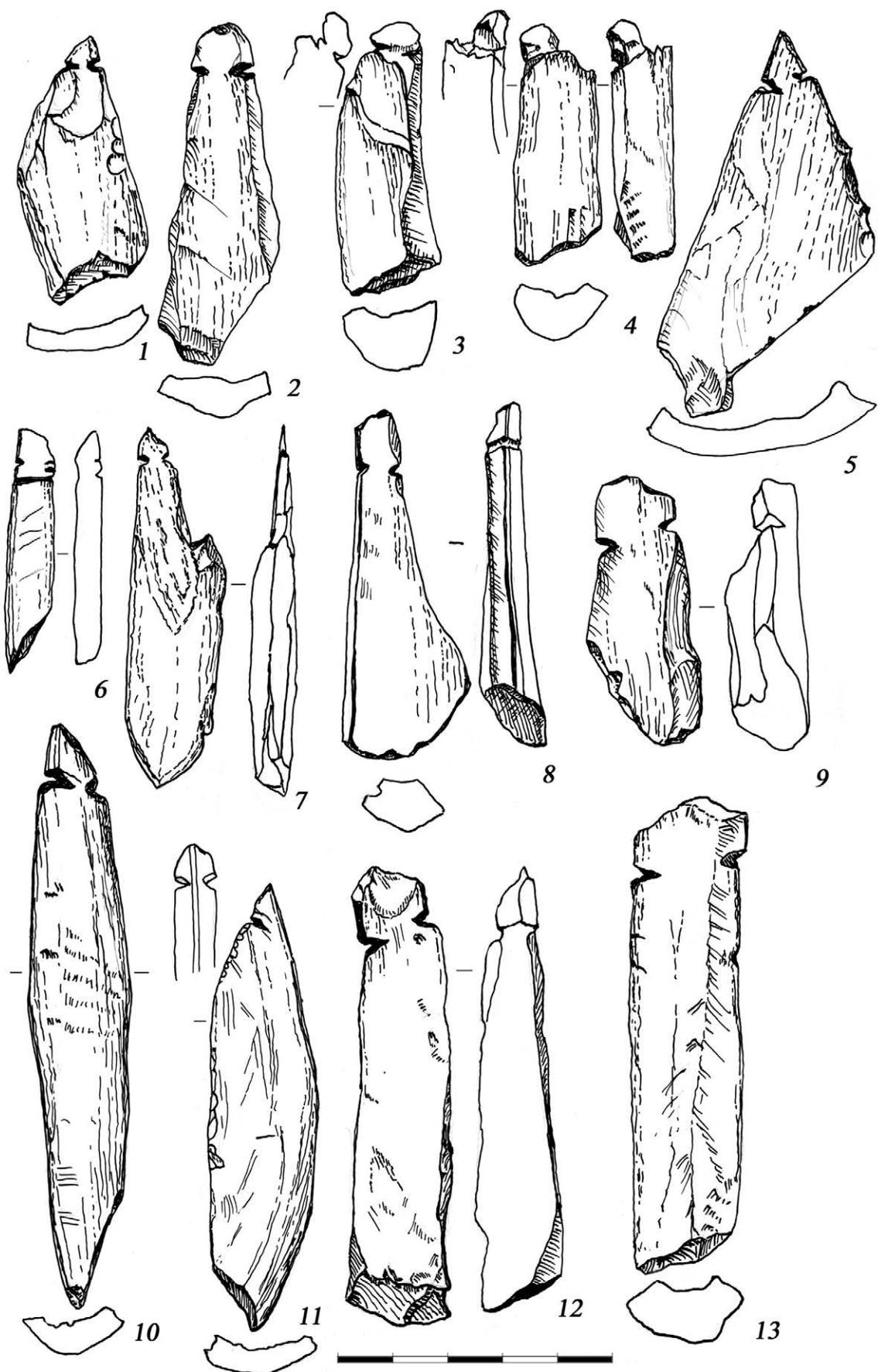

Рис. 36. Веретъе 1.

1-7, 9-13 — подвески из кусков кости; 8 — фрагмента орудия с пазом

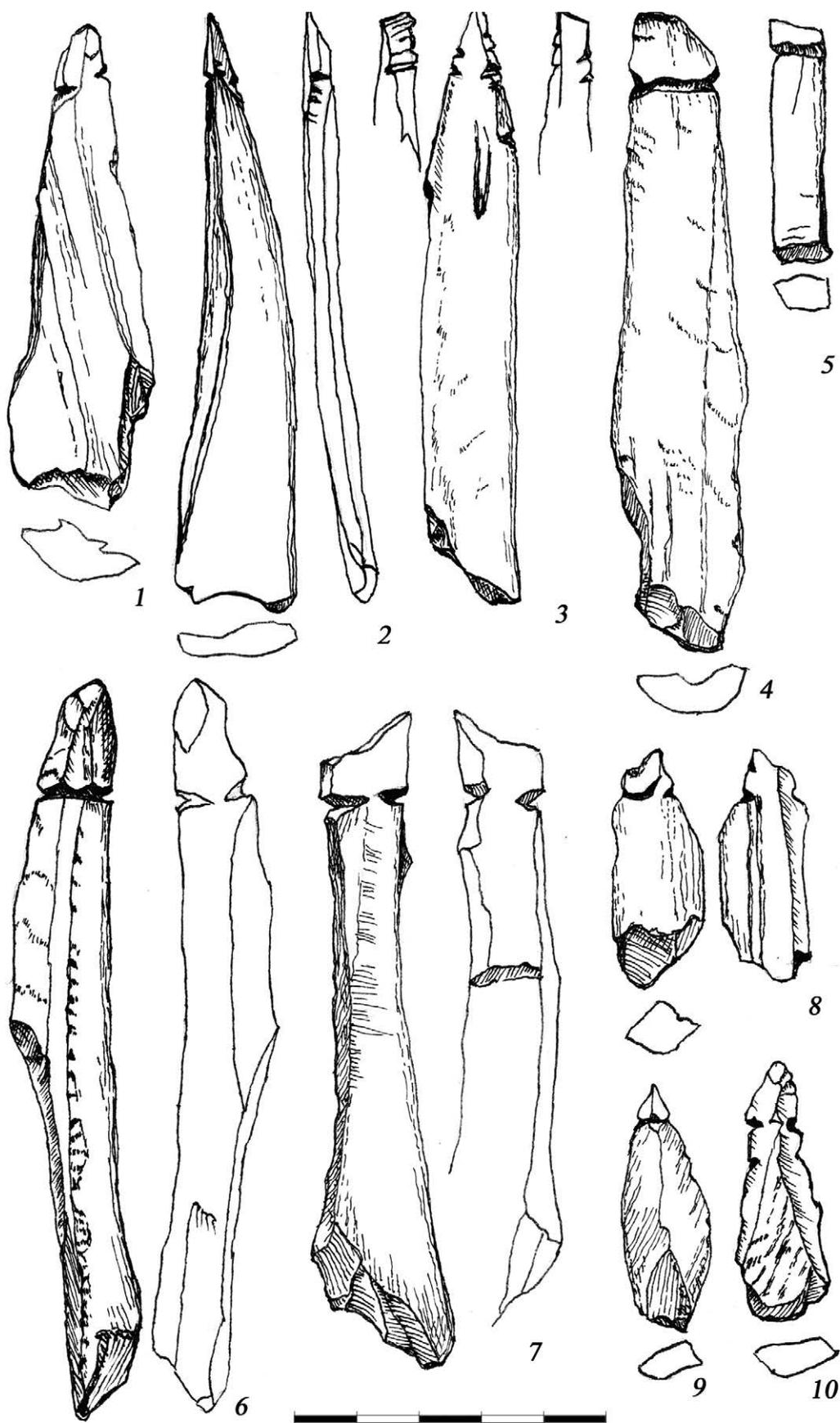

Рис. 37. Веретъе 1. Подвески из кусков кости

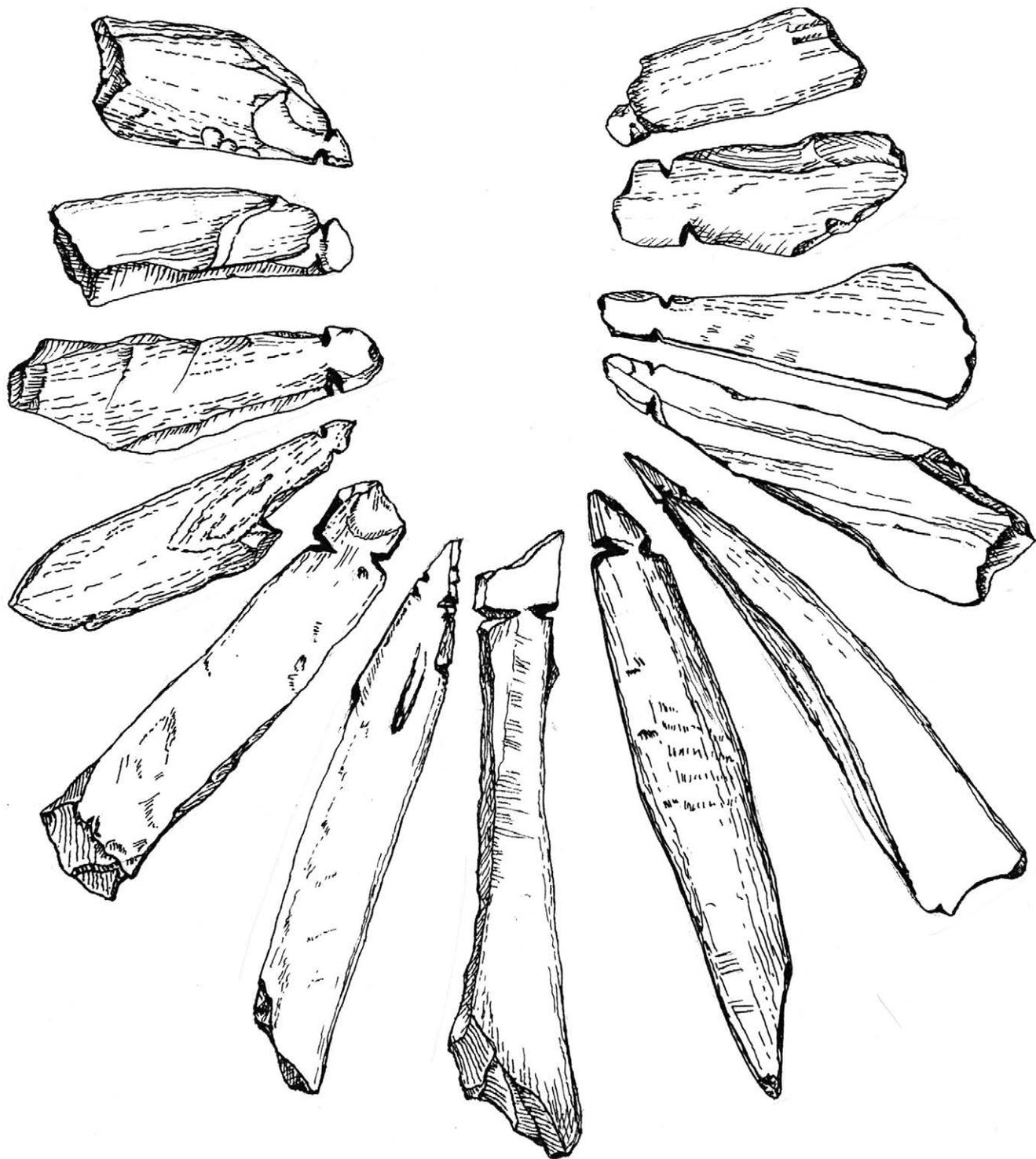

Рис. 38. Веретъе 1. Реконструкция ожерелья из подвесок, рассыпанных внутри жилища № 1

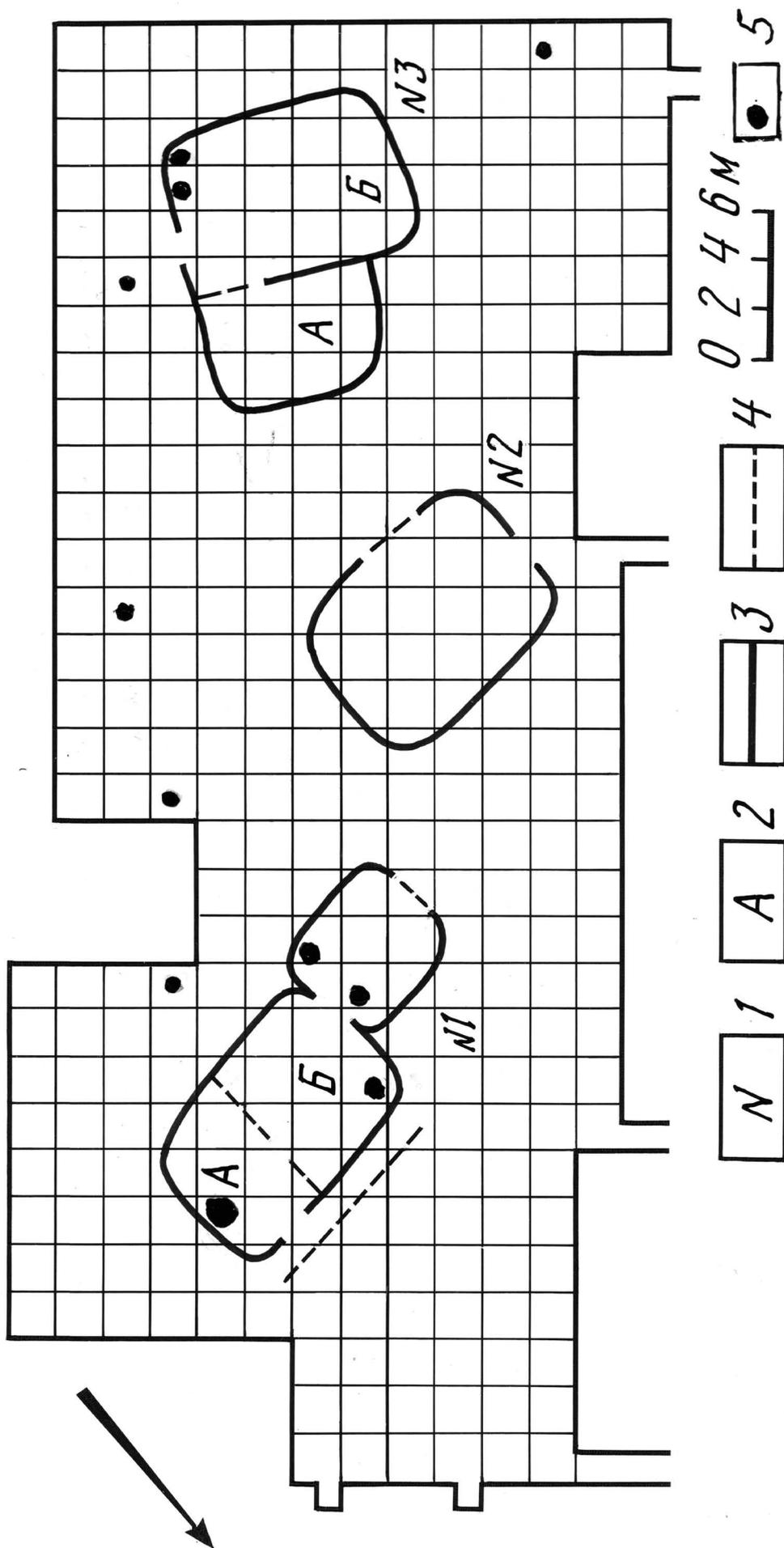

Рис. 39. Веретъе 1. План раскопов и расположение жилищ.

1, 2 – номера жилищ и помещений; 3, 4 – границы жилищ; 5 – подвески из кусков кости (длинные)

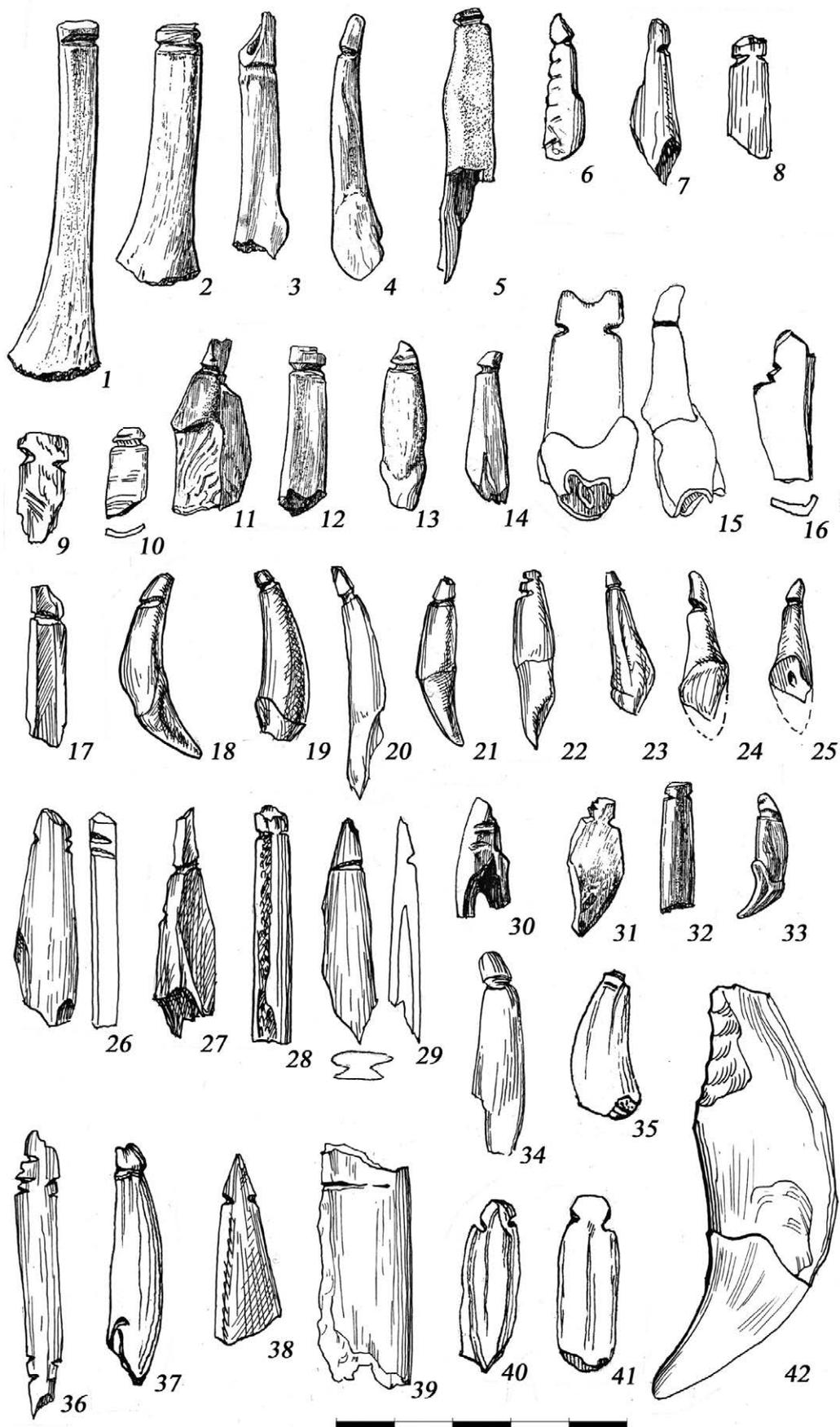

Рис. 40. Сухое. Подвески из резцов и зубов животных, фрагментов кости и обломков орудий

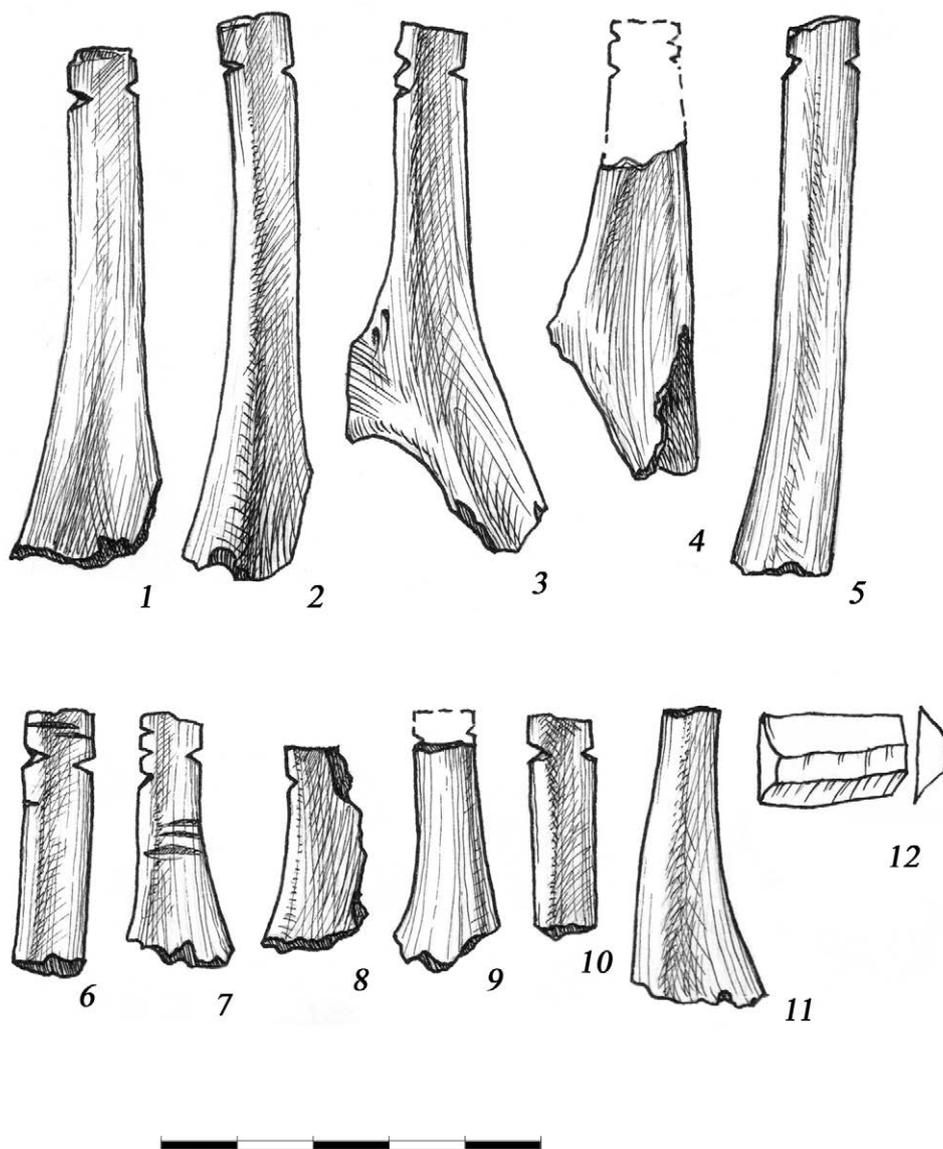

Рис. 41. Могильник Попово, погребение VIII.

1-11 — подвески из подъязычных костей лося из центральной части пояса;
 12 — кремневая пластинка из тазового отдела погребенного

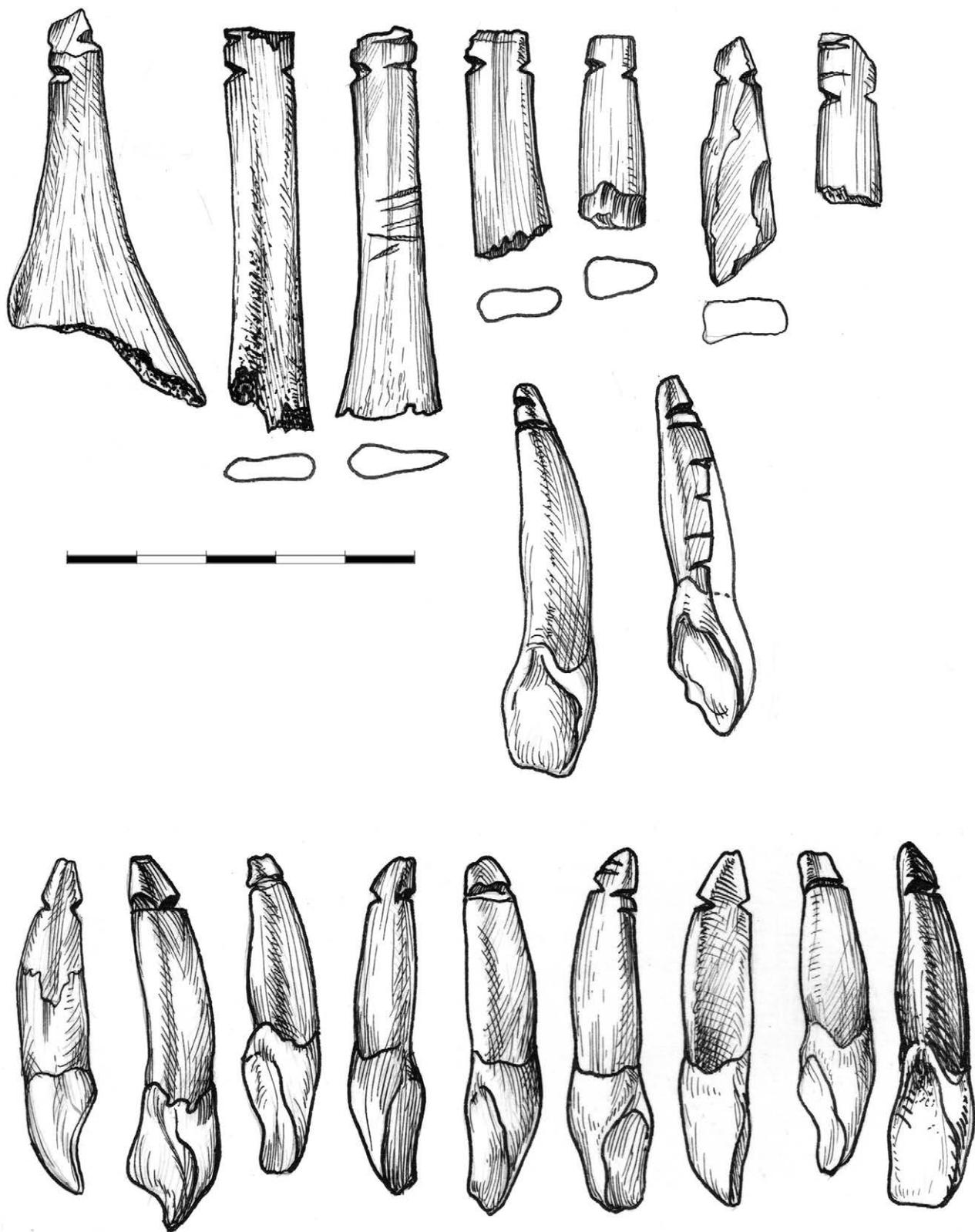

Рис. 42. Могильник Попово, погребение VIII.
Подвески из левой части пояса погребенного.

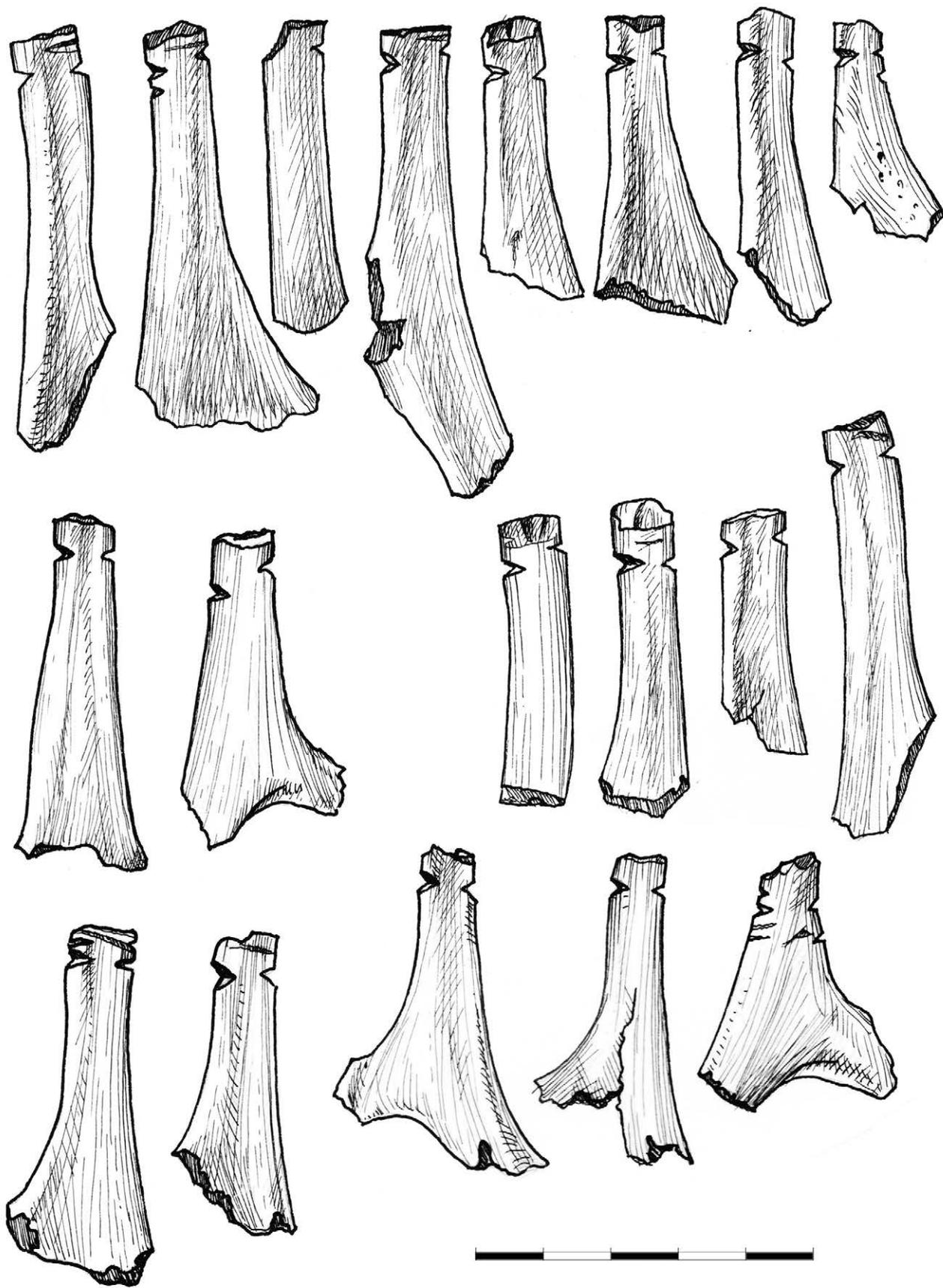

Рис. 43. Могильник Попово, погребение VIII.
Подвески из правой части пояса погребенного

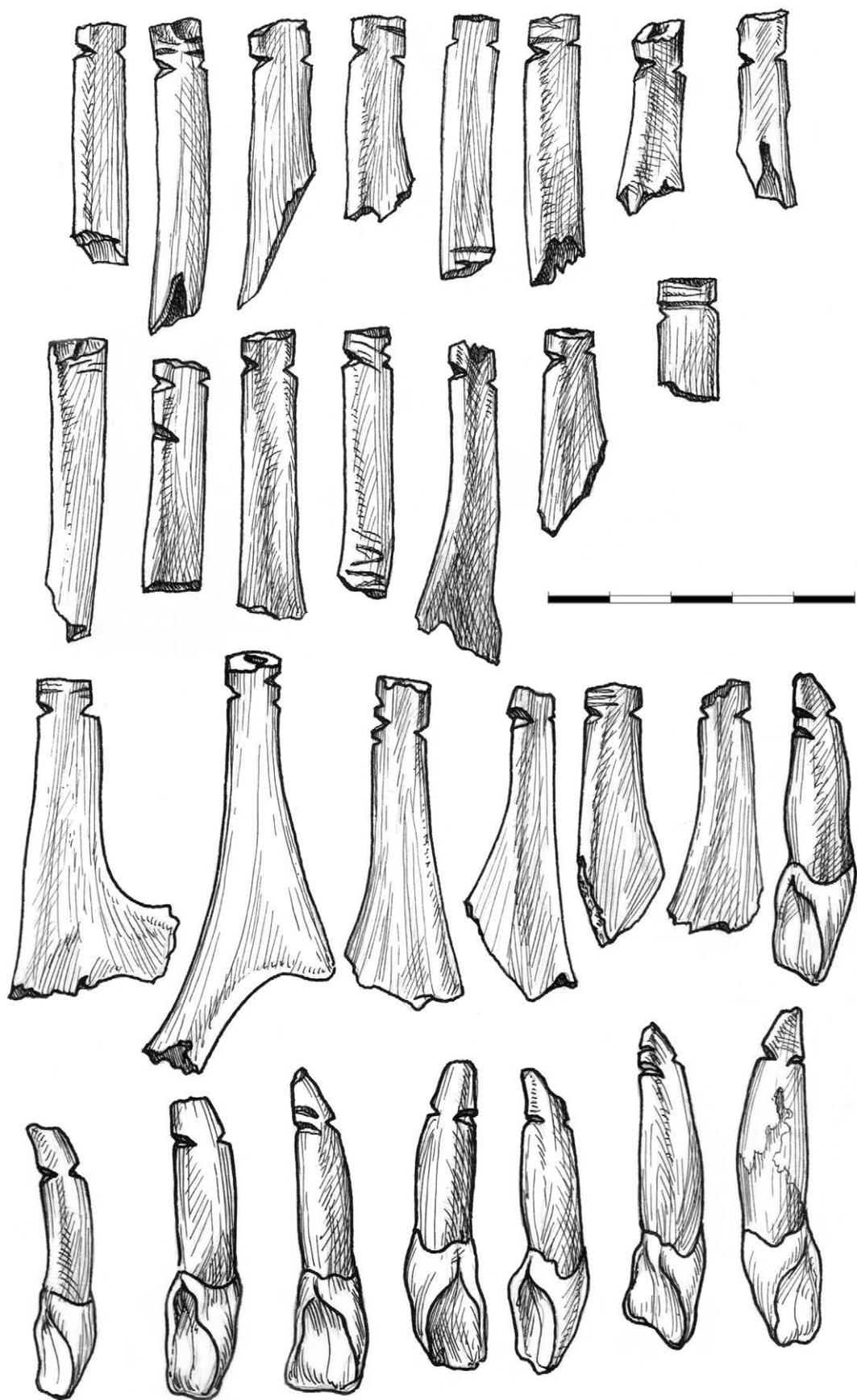

Рис. 44. Могильник Попово, погребение VIII.
Подвески из правой и задней части пояса погребенного

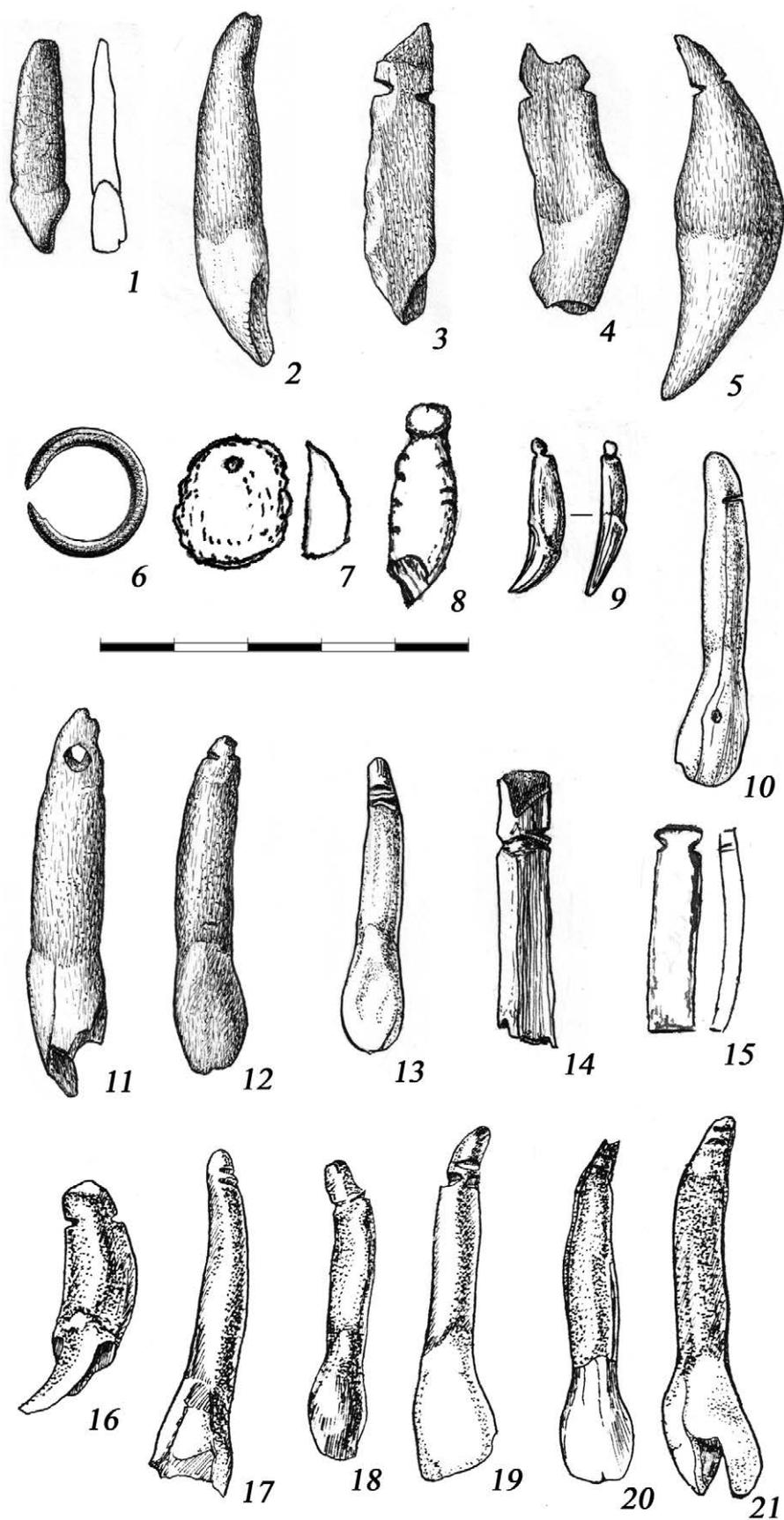

Рис. 45. Подвески.

1-15 — могильник Попово: 1, 2 — погребение I; 3-6 — погребение II; 7, 8 — погребение VIII; 9, 10 — яма 19; 13, 14 — погребение VII (яма 12); 11, 12, 16-21 — Нижнее Веретье

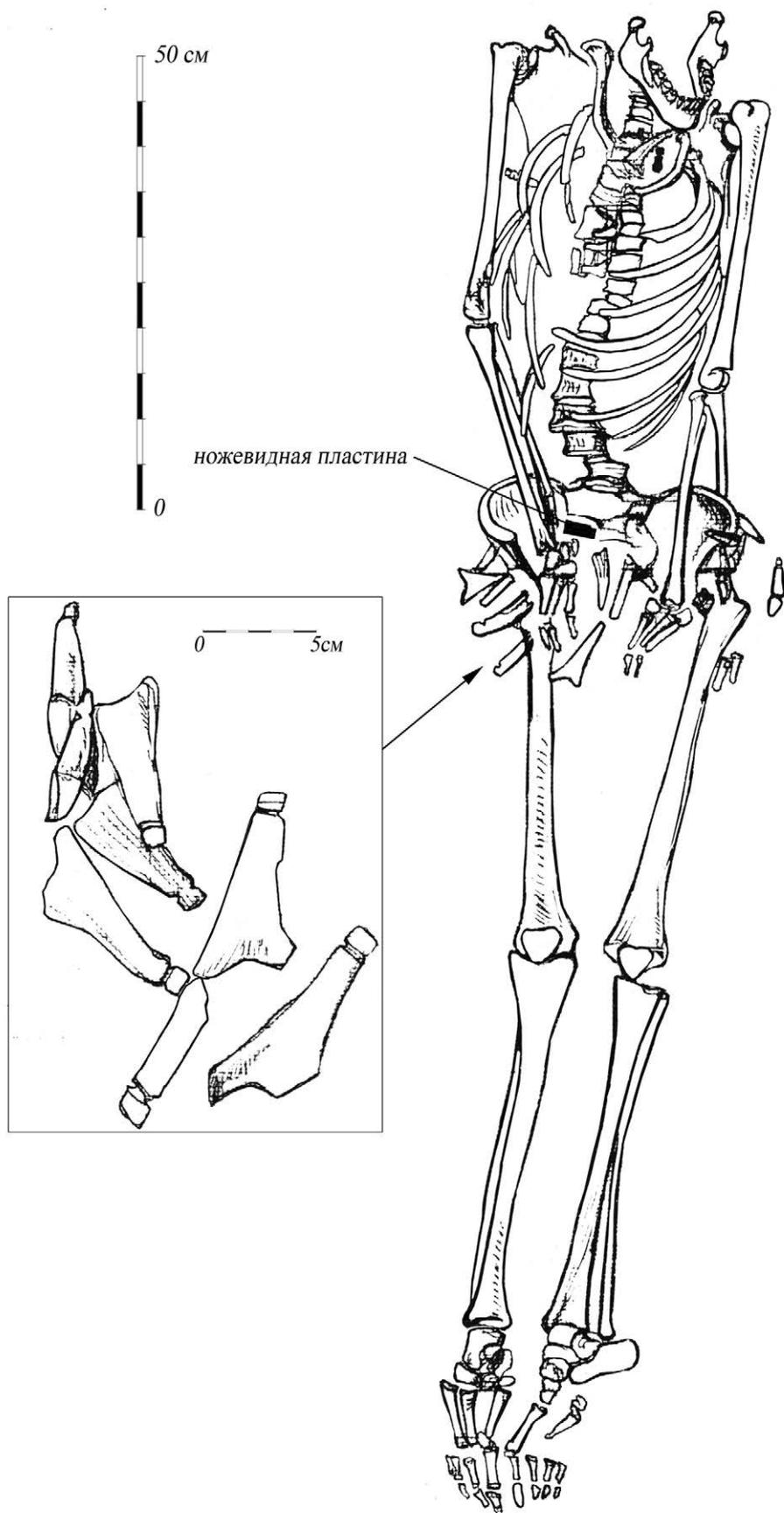

Рис. 46. Могильник Попово, погребение VIII.
Подвески из подъязычных костей лося на поясе погребенного

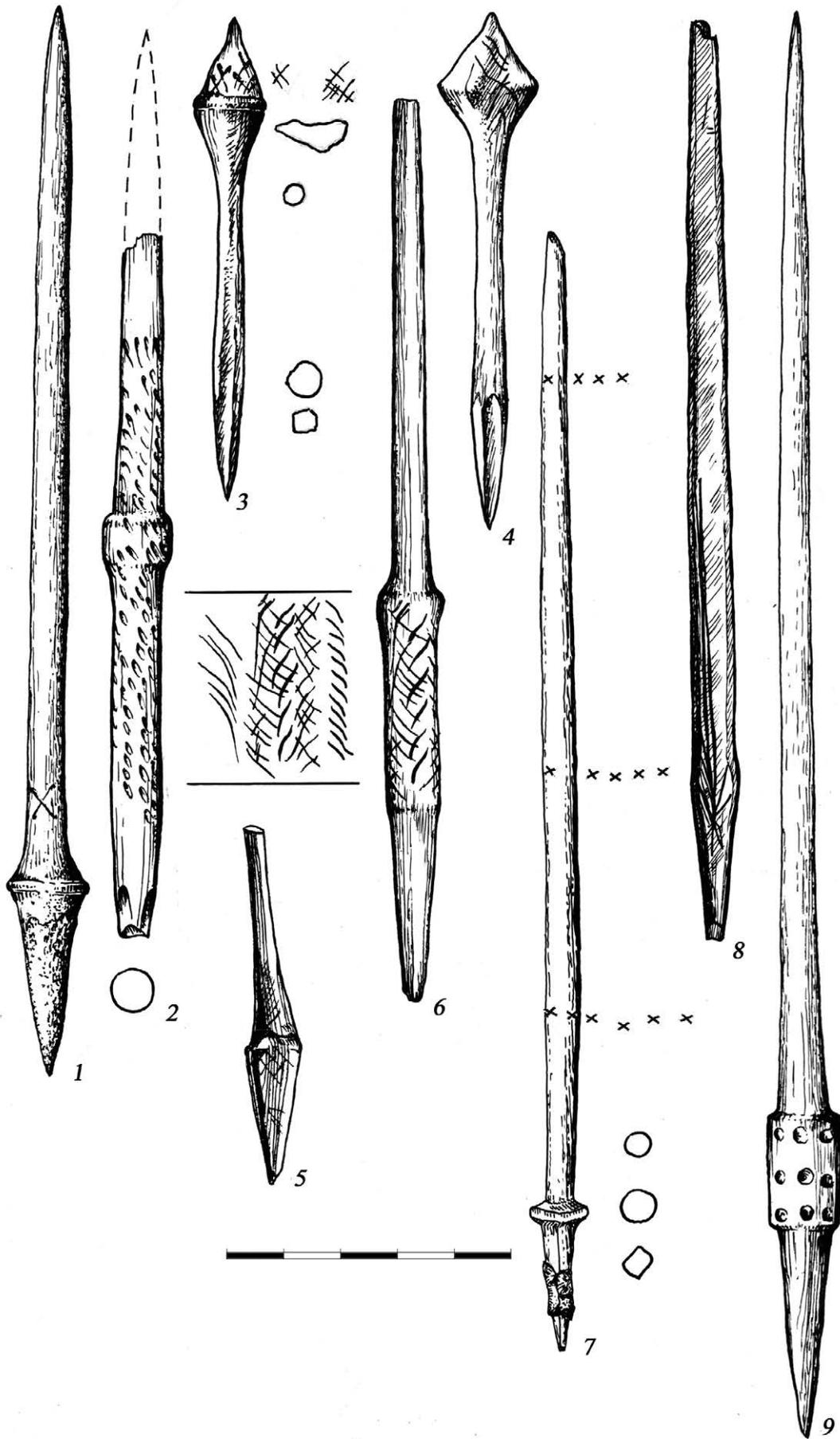

Рис. 47. Веретъе 1. Наконечники с метками.

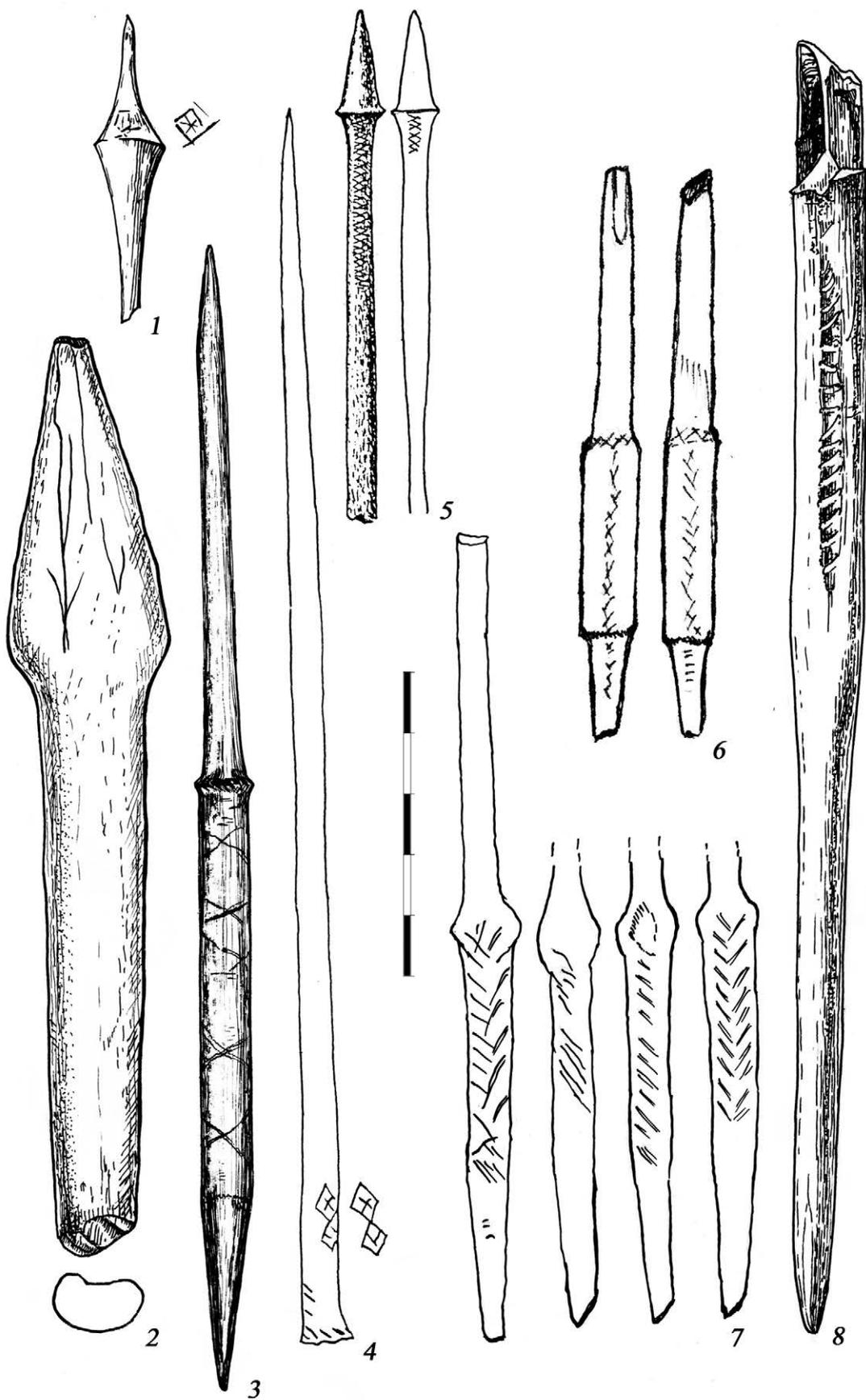

Рис. 48. Наконечники с метками.

1, 4 — Сухое; 2, 3, 5 — Нижнее Веретье; 6, 7, 8 — Веретье 1

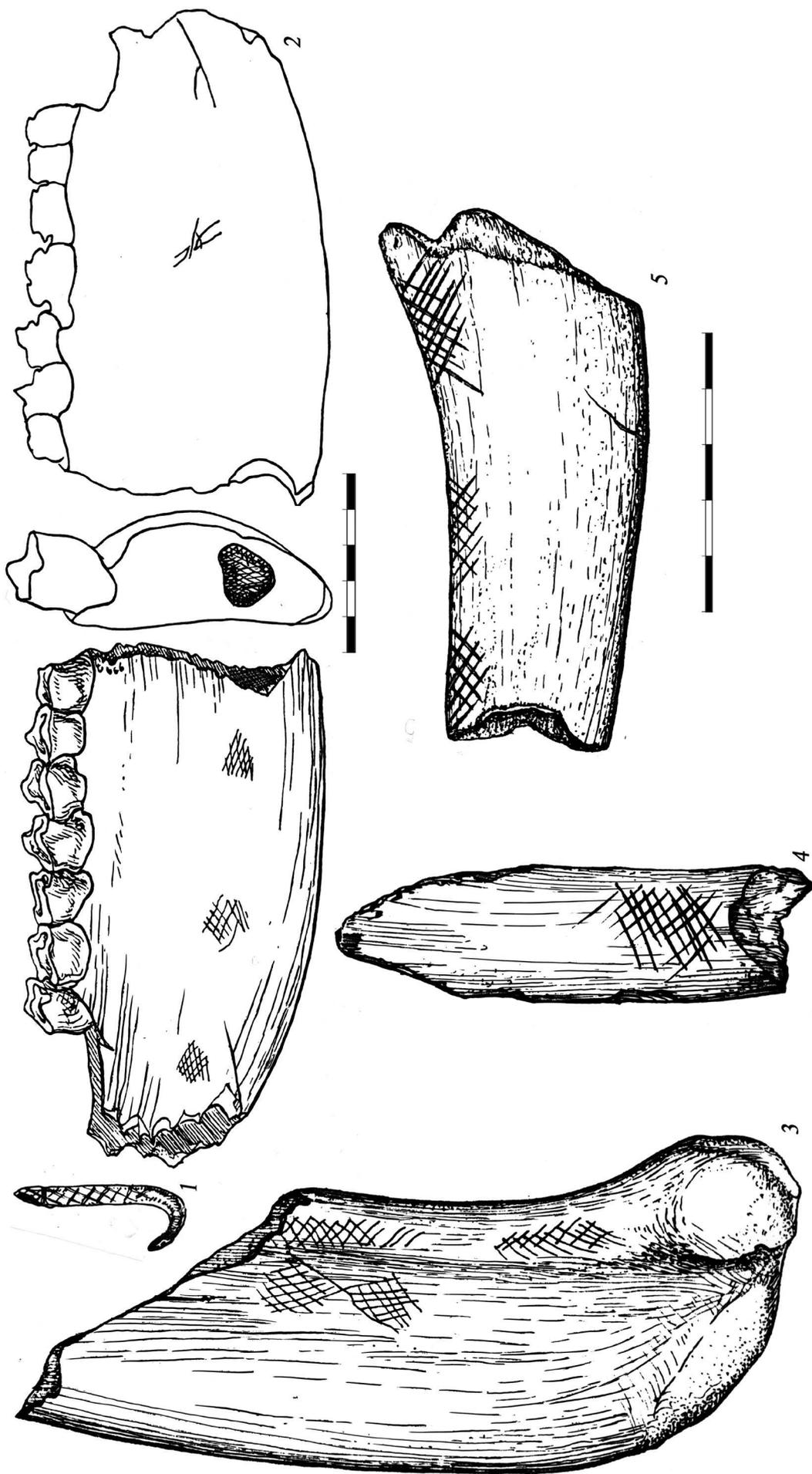

Рис. 49. Предметы со знаками и символами.

1 — Сухое; 2-5 — Веретье 1

Рис. 50. Веретъе 1. Лебедь. Дерево. Фото

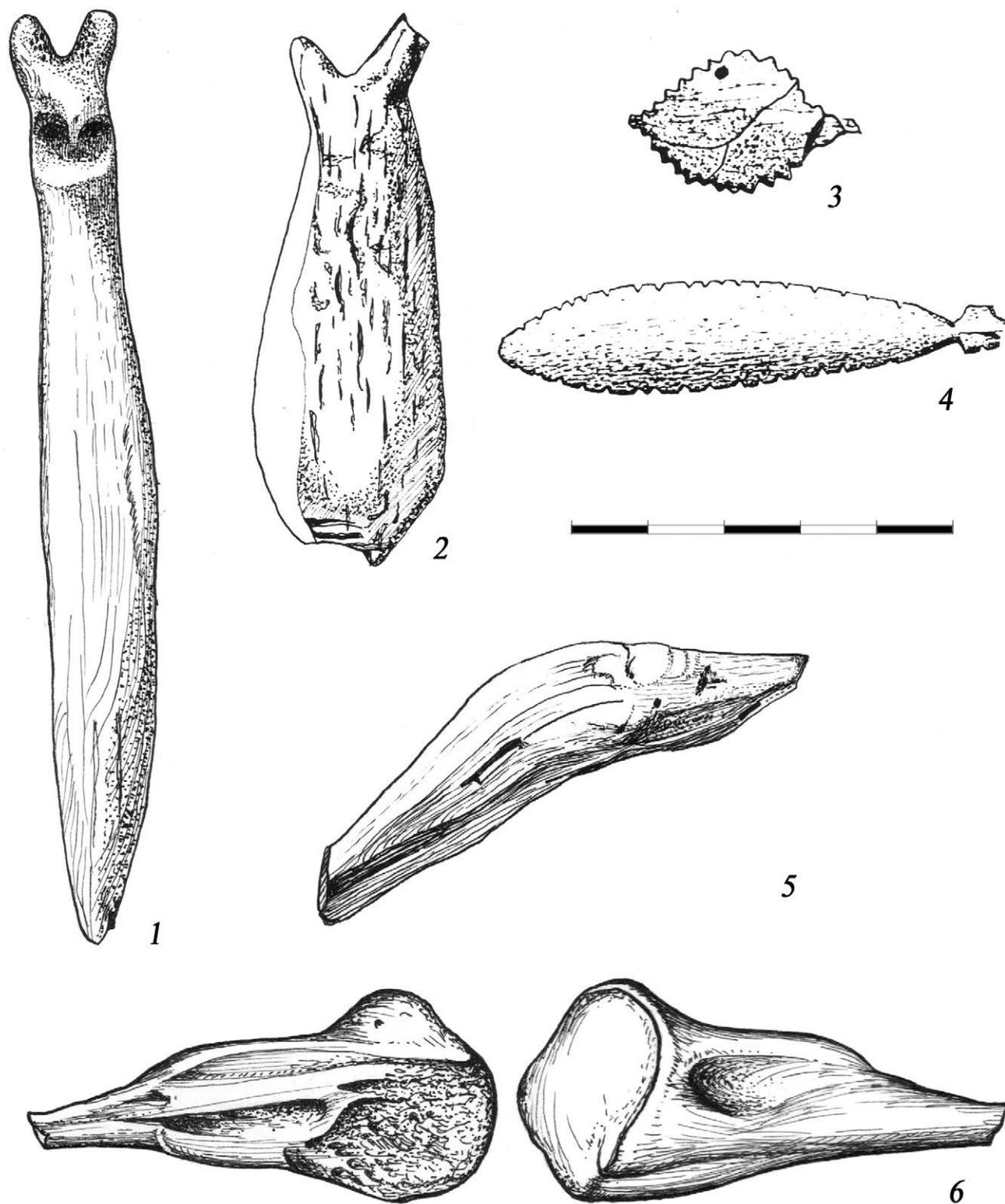

Рис. 51. Зооморфные фигуры.
1-4 — Нижнее Веретье; 5, 6 — Веретье 1

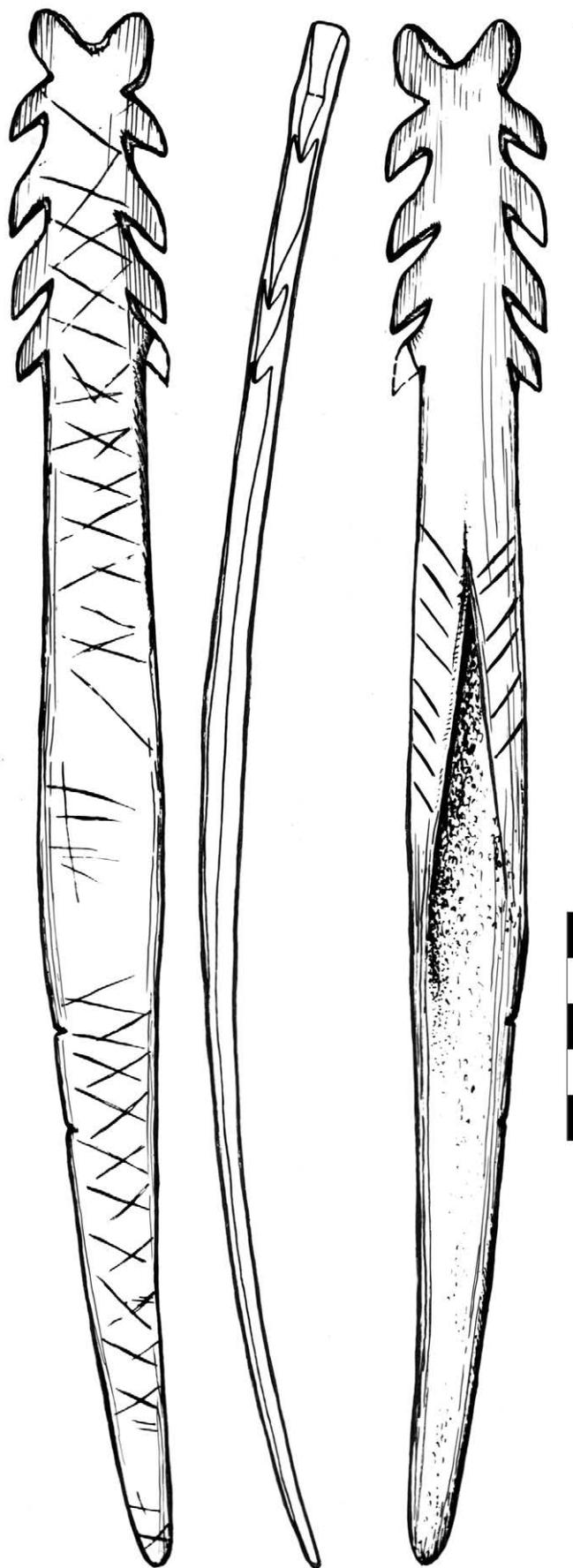

Рис. 52. Веретье 1. Кинжал с зооморфной фигурой на обухе. Ребро лося

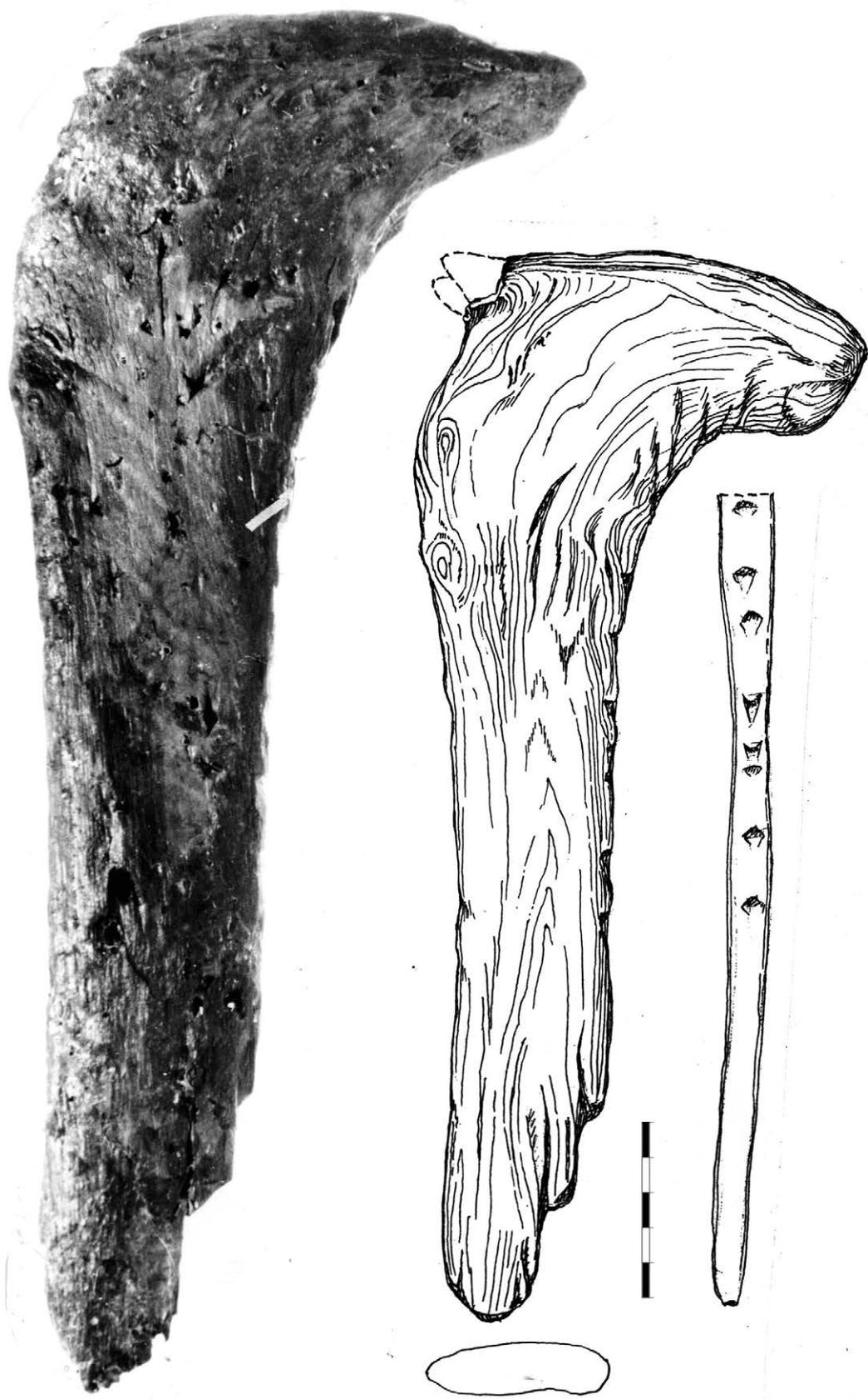

Рис. 53. Веретье 1. Зооморфная фигура из «святилища». Дерево

Рис. 54. Веретье 1. Антропоморфная фигура или «идол». Дерево. Фото

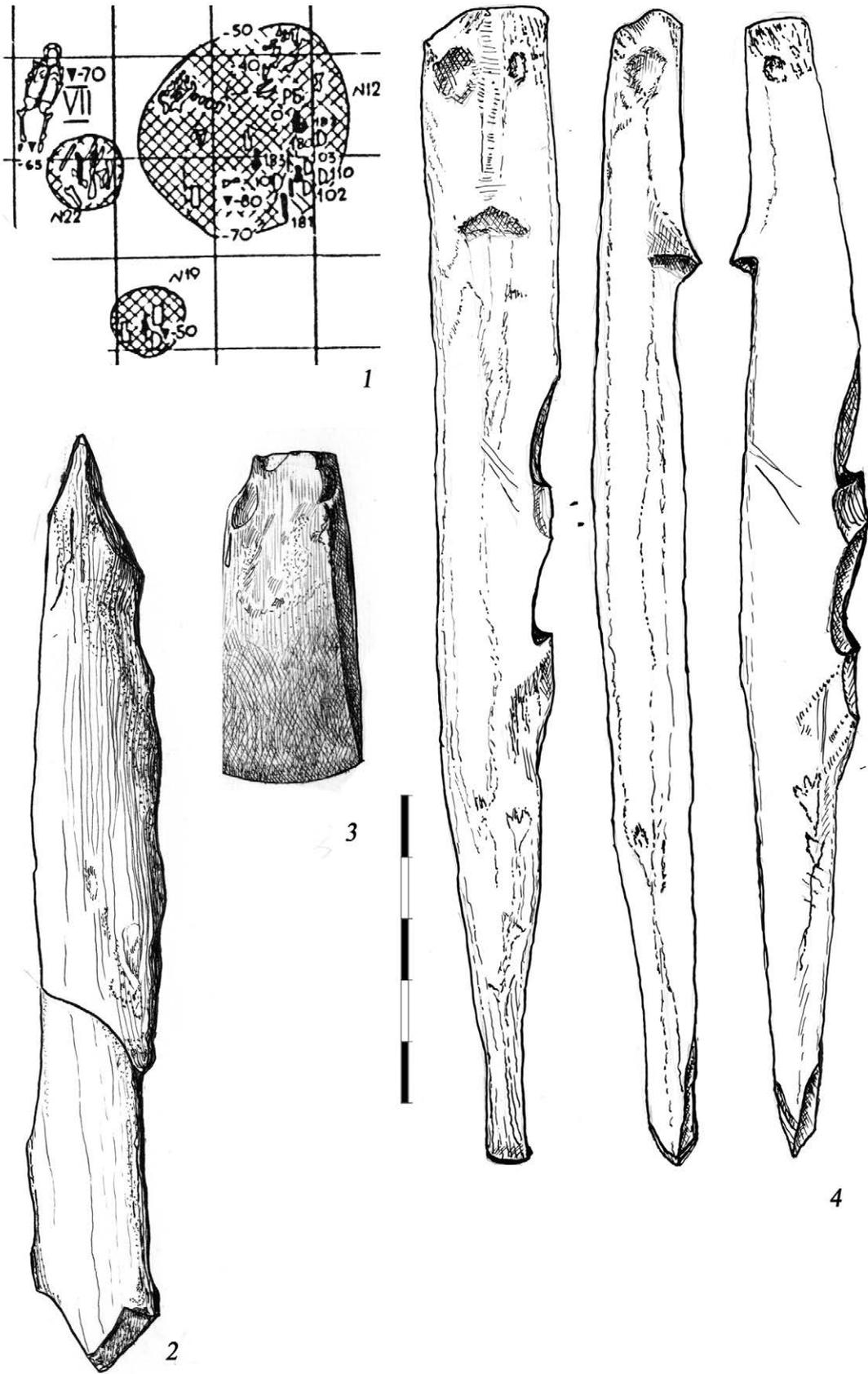

Рис. 55. Могильник Попово, погребение VII. Стилизованная фигура

Рис. 56. Веретье 1, жилище № 3, Б. Плитка из рога лося. Фото

Рис. 57. Веретье 1. Плитка из рога лося. Фото

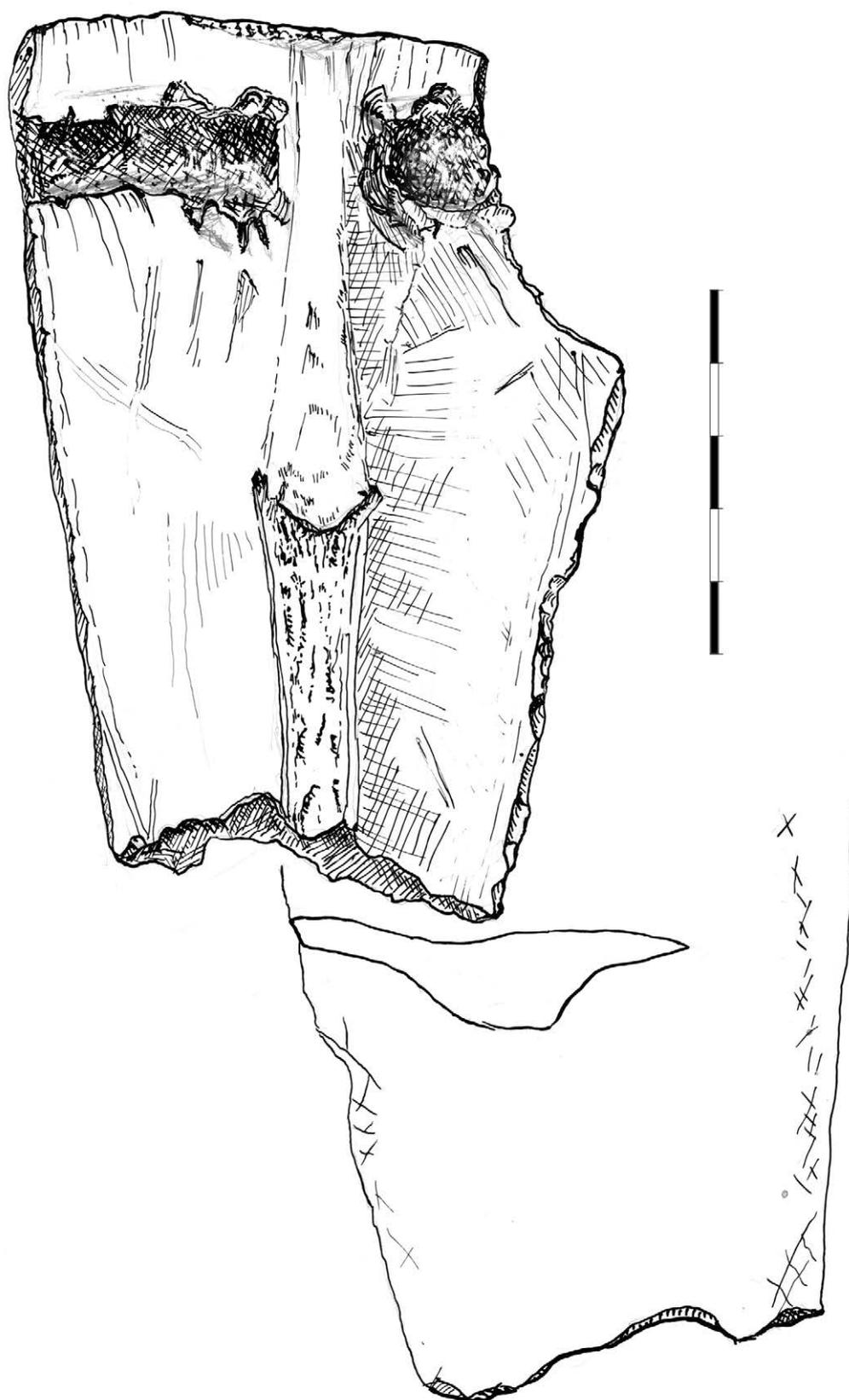

Рис. 58. Веретье 1, жилище № 2. Антропоморфная маска. Кость

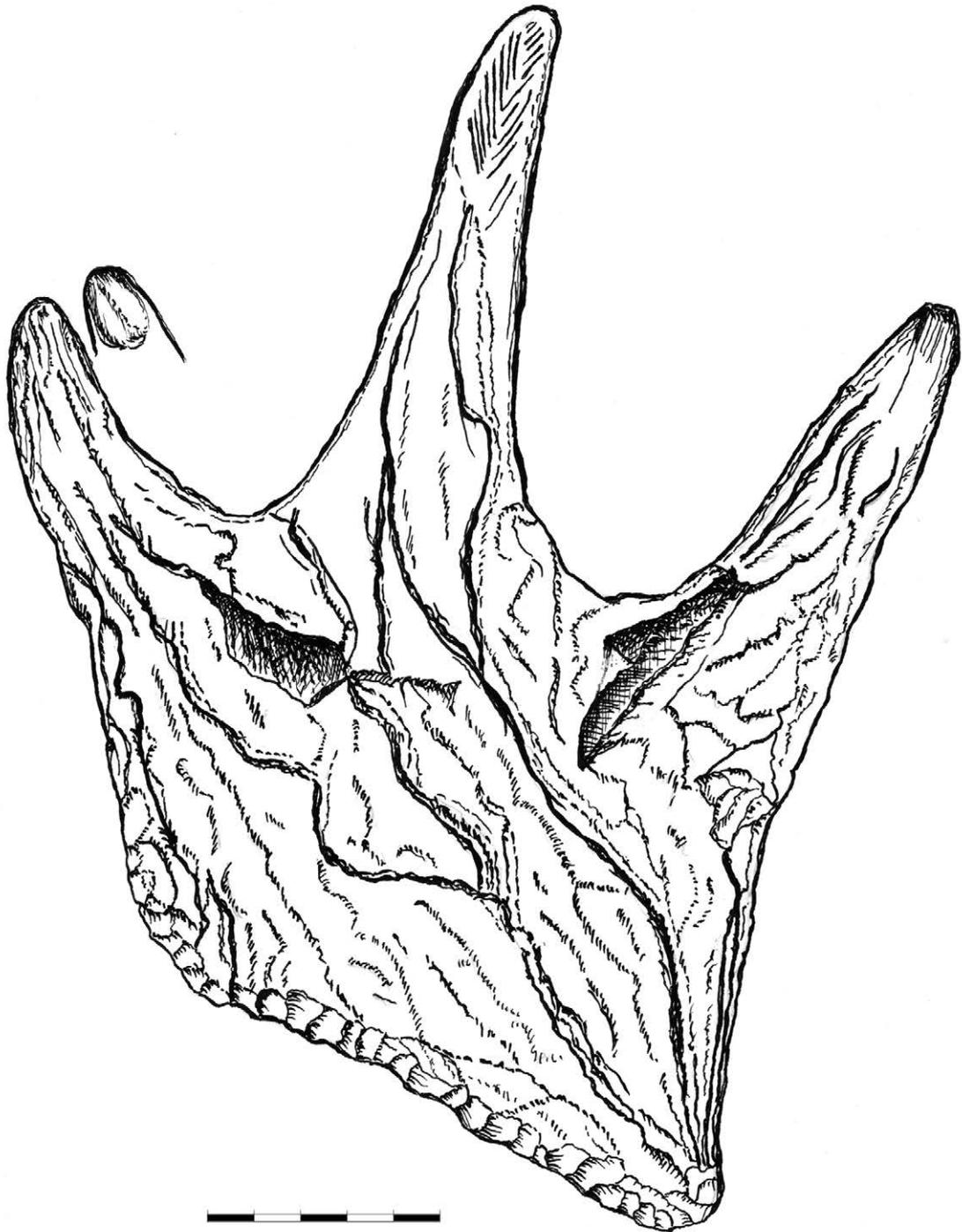

Рис. 59. Веретье 1. Зооморфная маска. Рог

Рис. 60. Веретье 1.

1-3 — наконечники стрел с метками;
 4, 5 — кинжалы с прочерченным и геометрическим орнаментом;
 6 — кинжал с зооморфной фигурой. Кость. Фото

Рис. 61. Веретье 1.

1 — орудие из дерева с орнаментом из овальных углублений «подем»;
2 — костяная емкость с орнаментом; 3 — костяной наконечник копья. Фото

Рис. 62. Веретье 1. Кинжал с геометрическим орнаментом. Кость. Фото

Рис. 63. Веретъе 1. Кинжал с геометрическим орнаментом. Кость. Фото

Рис. 64. Веретье 1, жилище № 2. Антропоморфная маска. Кость. Фото

Рис. 65. Веретъе 1. Предметы со знаками и символами. Кость. Фото

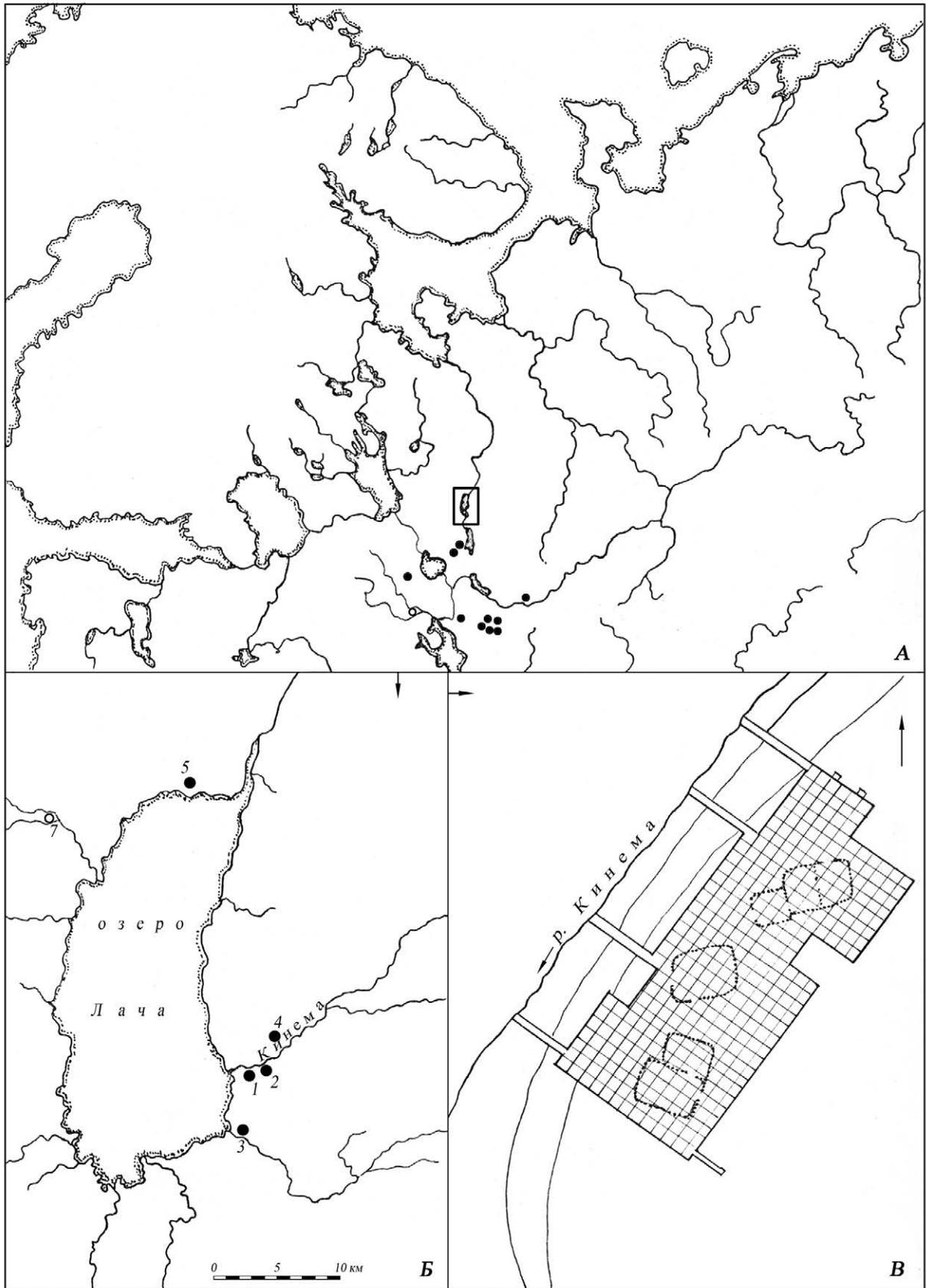

Рис. 66.

Карта памятников культуры веретье на европейском Севере (А).

Мезолитические памятники у озера Лача (Б):

1 — Веретье 1; 2 — Нижнее Веретье; 3 — Сухое; 4 — Попово; 5 — Лукинчиха.

Схема раскопов на поселении Веретье 1 (В)

Научное издание

Ошибкина Светлана Викторовна

Искусство эпохи мезолита
(по материалам культуры веретье)

Дизайн и верстка: Н.М. Жогова

Графические иллюстрации выполнены
В.В. Ветлужских, С.В. Ошибкиной, Е.И. Светиковой;
черно-белые фотографии С.Т. Бочарова,
цветные — Д.В. Ожерельева, И.Э. Регентовой, С.В. Покровского.

Иллюстрация на обложке — К. Панков «Оленья упряжка»

Перевод резюме на английский А.Н. Любарского.

Подписано в печать 26.02.2017. Формат 60×84 ¹/₈
Усл.печ.л. 16,27. Уч.-изд.л. 13,1. Тираж 500 экз. Зак. № 1410.

Институт археологии РАН
117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано в ООО «Красногорский полиграфический комбинат»
115093 Москв, Партийный пер., д. 1, корп. 58

ISBN 978-5-94375-212-4

9 785943 175212 4